

объединений. Когда не хватало доводов, притягивали за уши политические обвинения из боекомплета классового подхода. Взамен осуждённых и разжалованных подсаживали своих в доску.

Для моральной дискредитации упрямого руководства привлекли тайную креатуру - селькоров. Выловленный в деревенских сплетнях "компромат" попадал в партийное ухо. Газетам оставалось подать его как факт глубокого морального разложения. С теми же хозяйствами, что сумели выжить в этой грязной политической игре, поступили по-сталински мудро и решительно. Им навесили ярлык лже-колхозов и быстренько принудительно распустили, не обращая внимания на ультрареволюционные названия. Государству нужны колхозы-рабы. А с кооперативами, где собрались хозяева, воевать за хлеб труднее, чем с единоличником.

А что же делать с бывшими хозяевами? Этот вопрос встал и перед специальной комиссией Политбюро ЦК ВКП(б). Комиссия, в которую включили Я.Яковлева (председатель, нарком земледелия СССР), С.Косиора, Т.Рыскулова, И.Варейкиса и других, разработала чрезвычайную программу ускоренной коллективизации. Поскольку вся концепция строилась на принудительной конфискации крестьянской собственности, раскулаченные оказались социальным балластом. Их имущество передали колхозам или просто разграбили. В колхозы их принимать нельзя. Чувство хозяина трудно "привить". Ещё труднее от него излечить. Подвижники ускоренной коллективизации это хорошо понимали, как и то, что ждёт впереди колхозников. Оставь бывших хозяев в деревне, они будут живым укором колхозному произволу, эксплуатации и бесхозяйственности.

Следующая комиссия, руководимая Молотовым, по поручению политбюро ЦК ВКП(б) разработала страшную по масштабам и жестокости общегосударственную карательную операцию. Предусматривалось срочное и массовое выселение сотен тысяч семей в районы Крайнего Севера, Северного Урала, Сибири с плохо скрываемой целью их физического уничтоже-

ния. Проведение операции умышленного спланировали на самый холодный период года - вторую половину зимы. Миллионы раскулаченных должны быть переселены на худшие земли внутри округов и областей.

30 января 1930 года политбюро утвердило (характерный образец внутрипартийной демократии) постановление ЦК ВКП(б) "О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации". Выяснить многие обстоятельства карательной акции тридцатого помогут директивные и отчетные материалы партийно - государственных органов, которые в столь зловещие моменты вряд ли были склонны отступать от централизованных указаний.

Партийное и советское руководство Уральской области тонко прочувствовало основные политические акценты в речи Сталина и передовицах "Правды". Надо было спешить, чтобы не оказаться в правых склонтаях. 22 января 1930 года на закрытом заседании бюро Уралобкома ВКП(б) поручили облисполкому в пятидневный срок осуществить следующее:

а) Составить основные указания о порядке учёта производства, оценке по передаче и использованию колхозами конфискованного кулацкого имущества.

б) Исходя из хозяйственных, экономических и политических особенностей каждого округа и темпа коллективизации, конкретно определить округа и районы, из которых подлежат выселению кулаки, с учётом выселения по области 10 - 15 тысяч человек.

в) Конкретно установить округа, районы и количество возможного расселения кулаков в отдалённых лесных северных районах...

г) Установить конкретный план использования кулаков на лесозаготовках, земляных и других работах и возможное заключение в концлагеря.

...Дать на места директивы по партийной, комсомольской и советской линии и органов ОГПУ о приведении в готовность всех аппаратов, чтобы они могли обеспечить успешное проведение кампании в борьбе с кулачеством".⁴⁷

Мероприятия носили подготовительный характер. Ждали директив сверху. Неделю спустя на заседании

бюро Уралобкома ВКП(б) председатель облисполкома Ошвицев откровенно признался в этом. "Помимо газет никаких конкретных планов от ЦК мы не имели. Только вот сегодня приехал Кабаков и предполагается дать точную установку. Само собой разумеется, что конкретности в этом деле до сих пор дать было нельзя". Всякая карательная детальность исходила из краснопрестольной.

С масштабами выселения областное руководство явно обмишурилось. Схватив краем уха в кремлёвских кулуарных разговорах что-то о пятнадцати тысячах, заложили эту цифру в документы как общее число выселяемых, надеясь даже на похвалу за верную оценку политической ситуации.

Через неделю, по получении точных директив из Москвы, случился казус. С высоких кремлёвских башен классовая расстановка на Урале виделась более удручающей и детальной. Предписывалось выселить на Север более пятнадцати тысяч семей. Кроме тех, что направлялись в концлагеря, и третью сортовой классовой нечисти. Чтобы не выдавать собственной мягкотелости, уральские лидеры решили в документах, направляемых в Центр, не распространяться о прогнозируемых масштабах выселений, а принять к неукоснительному исполнению предписанное свыше.

"Предоставить краевым (областным) исполнительным комитетам и правительствам автономных республик, - вернёмся к манифесту раскулачивания, - право применять в этих районах все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их за пределы отдельных районов и краёв (областей)".⁴⁸

Бумага, подписанная лучшими из сталинских холуёв - Калининим, Рыковым и Енукидзе, открывшая кампанию массовых выселений, пропитана большевистским лицемерием. Никаких прав у местных властей не было и в помине, партийные руководители областей сидели и ждали, как наши Кабаков и Ошвицев, телеграммы из Москвы с информацией о масштабах выселения.

Сразу по получении точных установок из центра принимается постановление бюро Уралобкома "О ликвидации кулацких хозяйств в связи с массовой коллективизацией". Я не буду останавливаться на преамбуле этого документа, вчистую списанной с речи Сталина, а перейду к изложению существа. Постановление предусматривает в отношении кулаков следующие репрессивные меры.

А) 1-я категория. Контрреволюционный кулацкий актив, участники контрреволюционных и повстанческих организаций, подлежат немедленному аресту с последующим срочным оформлением их дела во внесудебном порядке по линии органов ОГПУ.

б) 2-я категория. Наиболее зажиточные и влиятельные кулаки и полупомещики подлежат высылке в порядке принудительной колонизации в малонаселённые и необжитые районы северных округов области.

в) 3-я категория. Остальные кулаки расселяются в пределах района или данного округа на худших окраинных землях, вне коллективных земельных участков.

Далее постановление считает необходимым "установить количество ликвидируемых по всей области хозяйств по первой категории до 5000. Размер операции по округам устанавливается ПП ОГПУ на Урале".⁴⁹ Намного позднее в разрядке этой инстанции, подписанной заместителем полномочного представителя ОГПУ по Уралу Нодевым, масштабы репрессии уточняются до 4685 семей, в том числе по Челябинскому округу - 700 семей, Шадринскому - 500, Ишимскому - 500, Курганскому - 350 семей.

Ещё раз подчеркну - речь идёт о выселяемых по первой категории. Их следов на карте традиционных мест социалистической колонизации искать не надо. Таковые подлежали немедленному аресту и помещению в концентрационные лагеря. Толпы элитного кулачества читатель может видеть в кинохронике о великих стройках пятилеток. Вражина первой категории сразу украсил пенитенциарную систему большевизма.

Постановлением предусмотрено выселение из округов Урала по второй категории 15,2 тыс. семей.

Привожу разрядку по основным сельскохозяйственным округам. Челябинский округ - 2250 семей, Троицкий - 2250, Курганский - 1800, Ишимский - 1700, Тюменский - 1500, Шадринский - 1300 семей. Следует учесть, что единолично ведущие хозяйство крестьянские семьи были большими, выселялись они строго по кровородственному признаку и полностью.

По изученным мной материалам, средний состав выселяемой семьи 6-9 человек. Следовательно, из округов Уральской области планировалось выселение более 100 тысяч человек. Намеченное областным руководством количество выселяемых из округа распределяли по районам, а последние - по сельсоветам.

Любой, изучающий проблемы сталинского периода, обязательно упрётся в стену сугубой секретности. Вся кампания выселений проходила под контролем ОГПУ. Человек, попавший под зловещее крыло этой организации, проваливался в чёрную дыру неизвестности. По этой причине трудно проследить движение ссыльных антисоветских масс и изучать историю крестьянской ссылки, где "известные органы" властвовали безраздельно.

Продолжим изучение документа Уралобкома ВКП(б). После определения общих параметров очистительной трагедии партийный документ уходит в организационные тонкости. И здесь он остаётся до ужаса похожим, стилем и содержанием, на некоторые материалы, представленные обвинением на Нюрнбергском процессе. Сроки проведения работ по первой и второй категории кулаков, указывается в директиве, устанавливающей полномочным представителем ОГПУ на Урале.

Внимание окружных партийных организаций обращается на недопустимость изменения установленных размеров (вторая категория) и сроков проведения репрессий. Нарушение предписаний может "повлечь дезорганизацию порядка при транспортировке и создаст исключительные трудности в районах расселения". "Из этих 15 200 семей, - отмечено в протоколе заседания бюро Уралобкома ВКП(б), - первая партия 5000 семейств должна быть отгружена до 10 февраля,

согласно развёрстке, сообщённой по линии ОГПУ. Остальные должны быть высланы в течение февраля и середины марта".⁵⁰ Обратите внимание на сроки. Документ принят 5 февраля. На всё и про всё сорока тысячам земляков оставили одну пятидневку.

Особые заботы партийного руководства вызывали имущественные проблемы выселения. При конфискации имущества выселяемым приказывалось оставлять лишь самые необходимые предметы домашнего обихода и некоторые элементарные средства производства в соответствии с характером работ на новом месте. Имелся в виду лесозаготовительный и строительный инструмент. Денежные средства и ценности изымались в пользу государства с оставлением 500 рублей для переезда и устройства.

Читатель может предположить, что принудительное выселение означает бесплатность проезда. Отнюдь. Государство не желало страдать экономически от выселения. На этом хозяйственном принципе строилась вся карательная операция. Оплата расходов по выселению, считали партийные лидеры, есть дело самих выселяемых. Здесь мы не уступаем в лицемерии даже администрации фашистских концлагрей, высылавшей родственникам убитого счета на оплату "специальных услуг".

"Некоторые ставят вопрос, - рассуждал на бюро Уралобкома ВКП(б) председатель облисполкома Ошвинцев, - будет ли государство ассигновать средства на эти операции, значит ли, что мы должны платить за лошадей? Мы должны будем объявить трудовую повинность. Я лично считаю, что в этом вопросе надо быть наиболее осторожными и кулацкие элементы должны быть обеспечены за собственный счёт. Точно так же и питание их должно быть обеспечено за счёт кулаков, они должны по расчёту энного количества дней обеспечить себя питанием... Мы будем в первую очередь расселять в такие округа, как Тагильский, В-Камский, Ирбитский..."⁵¹

Всё имущество и хозяйственные постройки раскулаченных передавались в неделимые фонды колхозов в качестве взносов бедняков и батраков, часть средств

шла в погашение долгов государству и кооперации. Облигации, сберкнижки и другие ценные бумаги у кулаков всех трёх категорий приказывалось отбирать. Вклады выселяемых в кооперативных объединениях были переданы по постановлению в фонд коллективизации бедноты.

Операция по передаче конфискованного имущества колхозам имела одну интересную юридическую тонкость. Остановиться на ней необходимо, чтобы за широким государственным жестом уловить истинные намерения. В отличие от описей и торгов крестьянского имущества во времена хлебозаготовок, когда размеры конфискации определялись суммой недоимок или нокаутующего штрафа, раскулачивание было сугубо политической расправой. Всё забиралось безвозмездно. Начиная от дома крестового до "кадушки з груздями".

Всё движимое и недвижимое возводилось в высокий ранг государственной собственности, по-русски говоря, в ничьё. Поэтому во время раскулачивания разыгрывались дикие сцены вандализма. Земляки, впадая в остервенение души, набрасывались вороньём на пепелище соседей. Тащили по домам легко достающуюся движимость. В злом азарте выламывали, выворачивали, выкусывали из чужой недвижимости всё, что представляло хоть какой-то интерес.

Заактированное имущество торжественно передавали в коммуны. В обмен на невзрачный, написанный и подписанный с лёту документ. Привожу один из его оригиналов:

"Обязательство

1930 года, марта 2 дня. Я - нижеподписавшийся председатель правления Совета коммуны "Индустрия" выдаю настоящее обязательство финансовому отделу Юргамышского райисполкома в принятии конфискованного имущества, движимого и недвижимого, принадлежащего... (перечисляются бывшие владельцы - А.Б.), на сумму 18072 рубля и имеющуюся задолженность за указанными выше гражданами в сумме 2484 рубля.

Сельхозкоммуна обязуется оплатить задолженность в сроки: к 1 апреля 1930 года - 818 руб., к 1 июня 1930 года - 1200 руб., к 1 июля 1930 года - 476 руб. В случае неуплаты задолженности в установленный обязательными сроками срок за финансовым отделом остаётся право изъять переданное имущество из колхоза и реализовать хозяйственным путём для погашения недоимок..."⁵²

Вместе с имуществом раскулаченных, таким образом, на плечи колхозников тихо переложили провокационно вздутые и экономически разорительные размеры задолженности. Счастливые коммунары почти не возмущались. Ну чего, в самом деле, куражиться? Долг впереди, а богатство - вот оно! И, чтобы отвязаться от настырного финработника, подмахивали обязательства о выплате кулацкой задолженности. Никому в голову не приходил элементарный вопрос, почему государство не продаёт кулацкое имущество, чтобы сразу с лихвой закрыть эту самую задолженность.

Обязательства взяли со всех хозяйств. Уже потом в тихих государственных кабинетах прояснилась общая аграрная перспектива. Государственный хомут в деревне с обозлённого единоличника перенесли на шею покорного коммунара. Из этого факта следовали и тактические изменения. Единоличник требовал материального эквивалента и свободы рынка. Для управления артельщиком достаточно было свирепого устава и утверждающего его кнута.

Боевая программа выселения предопределила на будущее характер всей политической и общественной жизни Урала. К кампании оперативно подключились правовые органы. Но не на стороне обиженных. В начале февраля областная прокуратура штампует строго секретный циркуляр, в котором окружным правовым органам предписывается "немедленно ликвидировать контрреволюционный кулацкий актив, применяя к нему заключение в концлагеря, а против организаторов террористических актов, вдохновителей контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций не останавливаться перед

применением высшей меры репрессии с конфискацией имущества. Это первая категория кулаков, которая подлежит немедленному аресту с последующим срочным оформлением их дел во внесудебном порядке через органы ОГПУ...»⁵³ Органы надзора за правосудием обязывали к произволу.

Чтобы органы советского правосудия чувствовали себя уверенно в условиях массовой карательной операции, на места разослали копию инструкции о высылке и ссылке. «На основании статьи 10-й, части 2 «Положения о правах ОГПУ», - разъясняет полезный для практического руководства документ, - объявляется следующий порядок применения высылки и ссылки в отношении различных категорий высылаемых лиц.

А. Высылка из местности на срок до трёх лет. Данному лицу обязывается выезд из пределов запрещённого района в недельный срок. В отдельных случаях до одного дня.

Б. Высылка из местности проживания на срок до трёх лет с запрещением проживания в ряде других областей.

В. Высылка до трёх лет с указанием места проживания».⁵⁴

В последнем случае места жительства определяется ОГПУ, ссылаемый должен регулярно отмечаться в ОГПУ, он следует к месту назначения этапом, имеет радиус передвижения не более 5 километров и карается за побег концлагерем.

На местах выселения были приняты сугубые меры предосторожности. Власти допускали возможность массовых и даже вооружённых выступлений крестьянства против выселения. Партийные и советские органы знали цену фальшивой газетной шумихе о широчайшей поддержке раскулачивания, как и действительные политические настроения деревни. «Эта политика Советской власти на мужика, - даётся в одной из сводок пример расхожего деревенского понимания ситуации, - неправильна и губительна для благосостояния России. Откуда-то взяли кулака и жмут его, а на самом деле это просто мужик и нажим

на него как на класс в корне неправильный. Насильственные меры результатов не дадут».

Вообще следует сказать, что раскулачивание вытолкнуло к активной «политической» жизни моральное дно села, которое увидело в социалистической реконструкции очередную возможность приобретения материальных благ. «Народные правители кормят как родители!» - говорил один из таких политических героев - бездельников повести Гу Хуа «В долине лотов». Деревенский люмпен нуждался в фальшивых политических кампаниях, а политические кампании нуждались в нём. Политический авантюризм не может опираться на свободный труд и человека с нормальной совестью.

Во всех округах области повсеместно и срочно провели мобилизационные мероприятия. На случай возникновения чрезвычайных обстоятельств привели в повышенную боеготовность воинские части. Проверили мобилизационные планы. Для проведения огромной карательной операции, охватывающей все сельские населённые пункты, мобилизовали часть городского населения.

«Ввиду того, что воинские части, как правило, к проведению кампании по выселению кулачества привлекаться не должны, - цитирую строго секретную директиву от 6 февраля 1930 года, адресованную секретарям окружкомов ВКП(б), - поэтому для экстренных надобностей и поддержания революционного порядка необходимо сформировать команды рабочих - членов ВКП(б) и ВЛКСМ по плану, разработанному ПП ОГПУ по Уралу».⁵⁵ Проведение карательной экспедиции требовало огромной массы тяглого скота и транспортных средств. Искомое было развёрстано в мобилизационном порядке по сельским Советам.

Вместе с масштабами репрессий рос и аппарат ОГПУ, постепенно подминающий под себя местные органы государственной власти. В кампании массового выселения органы ОГПУ были дирижёрами всех мероприятий. Либретто писали партийные органы. В ОГПУ разработали основные узлы гигантской операции и строго контролировали ход её реализации. Рай-

комам ВКП(б) указали, что вся работа по выделению кулачества и выселению на Север, оформлению этих дел полностью должна выполняться райисполкомами. Последние должны безоговорочно (!) выполнять все распоряжения окружного отдела ОГПУ по доставке кулацких семейств на установленные сборные пункты, конвоированию их, охране, погрузке в вагон и т.д.

В глубоком понимании важности задач, выполняемых ОГПУ, и движимый отеческой заботой об укреплении авторитетных учреждений, Уралобком постановил (5 февраля 1930 года) "направить в окружные отделы ОГПУ для постоянной работы ответственных партийных и советских работников". Девяносто человек надели скрипящую в портупях офицерскую форму и пустили классические гэлэзусовские мини-усы. За государственную заботу надо было платить.⁵⁶

"Внедрить в сознание бедноты, батрачества и середняков, - дрожала от ненависти директива Челябинского окружкома ВКП(б) и окружного исполкома, - что колхоз и кулак непримиримые враги и жить одновременно не могут, что, обобществляя сельское хозяйство, переводя его на социалистические рельсы, надо стереть с лица земли враждебный класс - кулачество, что ликвидация кулака как класса должна сопровождаться не только изъятием от него имущества (независимо от выполнения им обязательств перед государством), но и выселением из пределов, где он проживает. Парторганизации должны сделать всё, чтобы организовать бедняков, батраков и середняков, потребовать от органов Советской власти немедленной конфискации имущества от кулака и выселения его за пределы села, района, округа".⁵⁷ С таких и подобных злых сентенций началась кампания выселения по всему Уралу.

Организация карательной операции прямо-таки поражает. Даже в отдалённой зауральской глубинке кампания проводилась с не свойственной русской натуре педантичностью. Списки выселяемых и документы кампании разительно контрастируют с запущенной хозяйственной документацией тридцатого

года, включая акты раскулачивания. Скрупулёзно учитывалась каждая предназначенная для ссылки живая душа, вплоть до грудных детей. Были спланированы время, место, станция отгрузки и высокая северная широта, где, по мнению властей, обеспечивались оптимальные условия для классового перевоспитания антисоветского элемента.

Некоторые районы, детализируя информацию, прилагали развёрнутые социальные характеристики на выселяемых. Главным в них была опись имущества, независимо от происхождения, и отношение к мероприятиям Советской власти, под которыми понимали принудительные хлебозаготовки. "Выступал против самообложения и займов", "злостный зажимщик хлеба, был бойкотирован", "сопротивлялся политике хлебозаготовок, лишён права голоса" - любого из этих достоинств хватало для выселения.

При необходимости, если планируемый к выселению не тянул на классового врага экономически, упоминали прошлое или неосторожно сказанное и спетое. В силу секретности документа приводились тексты частушек предосудительного содержания. В некоторых случаях учитывались и подзатыльники, раздаваемые соседям по пьяному делу.

По степени бюрократической разработки первые документы на выселяемых уступают только идеологическим манифестам застоя, но в глухую срамят чиновников из фашистских ведомств Заукеля и Лея, занимавшихся тем же делом целое десятилетие спустя. С переходом кампании выселений в режим обыденщины изощряться в писании надоело, бумаги стали оформляться неряшливо и наспех. Найти в них суть стало так же трудно, как в выступлениях чернобрового лидера застоя со специфическим речевым дефектом.

В неделю-полторы по каждому округу были разработаны маршруты движения колонн выселяемых. Внутри районов создали так называемые сборные пункты, где выселяемых ещё раз индивидуально проверяли и формировали в большие колонны, которые затем направлялись этапом к железнодорожным станциям. Подъём выселяемых, формирование и движе-

ние всех колонн строго увязали с расписанием специальных железнодорожных эшелонов, предусмотренных для "отгрузки" ненужного социализму людского балласта.

Учёт и отправка раскулаченных возлагались на комендантские пункты, открытые на железнодорожных станциях. С половины февраля тридцатого по заснеженным и вымороженным просторам Урала потянулись печальные обозы выселяемых. Драма политическая переросла в народную трагедию.

Чтобы не оказаться в шапке правого, как говаривали китайцы шестидесятых, подготовку к выселению во всех округах начали ещё в январе месяце. Каждый округ и район, как и с принудительной коллективизацией, старался выказать революционную бдительность и усердие. По получении точных установок от Уралобкома ВКП(б) абстрактная классовая ненависть уступила место целенаправленным и количественно определённым репрессиям. Постановления окружкомов оживляли общие принципы карательной операции местными деталями. Челябинский окружком партии, к примеру, рекомендовал включать в число выселяемых семьи расстрелянных и осуждённых за контрреволюционные действия в 1929 году, семьи бежавших и скрывающихся кулаков. В число кулацких хозяйств можно было вносить и семьи колонистов.

В самый разгар перелома секретарь Челябинского окружкома Финковский озабоченно констатировал, что революционными преобразованиями совершенно не охвачены немцы-колонисты. "Немцев в округе две тысячи, - говорил он на партконференции, - и работа с ними ведётся мимоходом. До сих пор среди немцев нет настоящего классового расслоения. До сих пор не внедрилась туда наша большевистская работа".⁵⁸

Местные немцы, воспитанные на святом уважении к индивидуальной трудовой собственности, сразу и решительно отказались от колхоза. Партийных эмиссаров вежливо выслушивали, но твёрдо стояли на своём. Избегая конфликта с государством, сами предложили компромиссное решение. Если Советская власть не может жить без немецких колхозов на Ура-

ле, пусть разрешит выезд в Германию. Как раз в то время развернулась кампания эмиграции российских немцев. По материальному положению подавляющее большинство колонистов подпадало под кулацкие признаки.

Не имея желаний стать рабами или воевать всю жизнь с большевистской сволочью, они искали любые возможности выехать из Страны Советов. Было замечено движение немцев на восток с последующим намерением нелегального перехода границы в Китай. Основная часть колонистов добивалась легального выезда. Тысячи семей, распродав имущество, сидели в Москве. На особых условиях эмигрантов согласилась принять Канада, реально было расселение в некоторых странах Латинской Америки.

От Советской власти в России можно сбежать только на тот свет. Немцы тогда этого не знали. Челябинским дезертирам было наобум отказано по причине трудностей с транспортом. Колонисты, приняв довод, согласились идти на прародину пешком. Еле сдерживаясь, партийное руководство объяснило, что международное положение чрезвычайно сложное и на запад их не пропустят. Ну раз нельзя на запад - сошлись, как у Лескова в "Железной воле", отечественная бесшабашность и немецкий педантизм, - раз нельзя на запад, отпустите на восток. Немцы выразили желание пройти через Чукотку на Аляску. Оттуда, как известно, рукой подать до Германии. Да и в Канаде на ближайшие сто лет пролетарских революций не предвиделось.

И на этот раз победили наши. Немцев подвели под кулацкий элемент, усилив обвинение преступным намерением бежать в капитализм, затем сослали на нейтральный Север.

Были у челябинских большевиков и другие положительные находки. К 10 февраля описали имущество у четырёх тысяч хозяйств, хотя подозрительных было около шести тысяч. В целях предотвращения случаев хищения (!) или уничтожения кулаками, подлежащими выселению на Север, описанного имущества партийные директивы предлагали до акта высылки

срочно сдать таковое на хранение в колхозы. За исключением денег, облигаций, золота и т.п. Эти ценности государство не доверяло и колхозам. Находка обернулась казусом. Съём имущества мужики поняли однозначно и своевременно дали тягу. По районам Челябинского округа отмечен большой процент кулацкого дезертирства.

Получив директиву о выселении и занаряженный объём отгрузки, окружкомы ВКП(б) разносили его по районам. Принцип работал сквозной, разрядки рассчитывались в процентах к населению, что вызывало законное возмущение у партийного руководства нищих и северных округов. Чего нас равнять с Южным Зауральем, огрызались секретари Тобольского и Тюменского округов, там кулак на кулаке, а у нас только туземцы да голь беглая. И то верно. "Как нам поступать, - запрашивали обком партии шадринские, к примеру, большевики, - коллективизация доходит до 90 %. Куда девать кулаков? Высылать? Куда? По какому адресу? Под чьим руководством?"

Энтузиазм местных властей порой опережал директивы, пошёл "сверхплановый" кулак. Какие тут сравнения? Туземные жители Приобья, слышав о колхозе, гомоноидами ныряли в тундру. Вот и приходилось тем же тюменским большевикам дожимать ссылками на особую жестокость местных кулаков и творить революционные мифы о Павлике Морозове и Петре Дьякове.

Низовым советским органам предложили срочно оформить документы на всех выселяемых и с нарочным доставить их в окружные центры до 15 февраля. На выявление и оформление документов для тысяч ссыльных отводилось всего три дня. Пожарные сроки проведения всей операции тактически рассчитали на эффект внезапности, исключая организованное сопротивление. Стратегически же ситуация сводилась к ленивой советской практике - выдавать директивы с приказом - надо сделать вчера.

Не будем лукавить. Фактически документы были уже готовы. Много земляков давно обживали уральский Север. До тридцатого их ссылали со всей России

в порядке местной инициативы, так сказать, экспериментально. Поэтому три дня на возню со списками вполне хватило. Нужно было подвести число репрессированных под занаряженную сверху цифру. Определённую трудность представляло изготовление сопутствующих документов. Требовалось решение общего собрания деревни, утверждённое президиумом сельсовета. Трудность морального толка, поскольку надо было решиться на фальсификацию этих документов. С муками совести на местах справились.

Так или иначе, документы попали в райисполкомы, которым предстояло утвердить фальшивки, состряпанные на скорую руку местными подонками. Огромные масштабы работы (дела на сотни крестьянских семей!) и жёсткие сроки вынуждали районные инстанции предельно уплотнять разбирательство. Практически всё дело сводилось к заполнению протоколов, типичный экземпляр которого привожу из архивов Юргамышского РИКА.

"Слушали: характеристику кулака Колупаева Исаака Фёдоровича деревни Колупаевки М.-Беловодского сельсовета.

Постановили: характеристику утвердить, применить выселение из пределов Юргамышского района семьёй в числе семи человек и лишить избирательных прав".⁵⁹

Вот так, легко и походя, решалась судьба целого крестьянского куста. Для многих выселенных семей короткая запись в протоколах райисполкома (к тому же засекреченная на шестьдесят лет) стала официальной эпитафией. В самом деле, большинство семей нашло в ссылке вечный покой и безвестность.

Теперь образчик подорожной ксивы.

"Выписка-выдержка из протокола № 86 заседания президиума Варгашинского райисполкома Курганского округа Уральской области от 16-17 февраля 1930 года. На заседании участвуют члены президиума: Коренева, Богатырёв, Феоктистов, Карасёв, уполномоченный ОГПУ Беляшов, пом. прокурора Титов.

Слушали: о ликвидации кулачества как класса и выселении из пределов района.

Справка: материалы в деле каждого.

Постановили: Постановление общегражданского собрания и ходатайство сельсовета в части ликвидации и выселения из пределов района социально опасной части кулачества утвердить...⁶⁰ Далее идёт список без малого двухсот семей, подлежащих немедленной репрессии.

Подорожные бумаги выправляли только на главу семьи, остальные её члены вносились в списки без официальных комментариев. Дети кулака могут стать только кулаками! По этой классово-ненавистнической логике виновность членов семьи была очевидной и определялась степенью родства с выселяемым.

Районные списки с нарочным (обязательно!) отправлялись в округа. Причём вся карательная бухгалтерия работала в режиме чрезвычайной секретности. Окружные исполкомы действовали ещё круче. Тут не до индивидуальных судебных - под руками дела на тысячи семей! Списки оперативно утверждали. Строго требуемые политические характеристики никто не читал. В качестве выходного документа, открывающего для переселенцев транзит на Север, была личная карточка. Букет обычных реквизитов кулака украшала политхарактеристика.

Просмотренные мною сотни карточек дают основания утверждать, что на местах никакого даже формального обсуждения списков ссыльных не было. Требуемые документы тиражировались под копирку. В большинстве карточек из разных районов и округов взамен политической характеристики приводится трафаретная ссылка на постановление бедняцкого собрания.

Что ж, заглянем и в этот исторический документ.

“Выписка из протокола № 6 беднячко-батрацкого собрания деревни Ивановки Щучанского района. 31 января 1930 года. Присутствовало 25 человек (менее 8 % взрослого населения. - А.Б.).

Слушали: О ликвидации кулачества как класса - доклад тов. Шатилова.

Постановили: Заслушав доклад тов. Шатилова о ликвидации кулачества как класса, беднячко-батрац-

кое собрание постановляет приветствовать решения вышестоящих партийных организаций о ликвидации кулаков и конфискации всего имущества, как движимого, так и недвижимого, и при сопротивлении со стороны кулацкой части деревни против коллективизации и посев кампании. (Напомню, что кулак, сокращающий производство и посев, рассматривался как явный саботажник. - А.Б.).

Учитывая полную необходимость строительства социалистического хозяйства в нашем районе и зная заранее, что кулацкая часть деревни тормозила и тормозит проводимые нами на основе директив правительства мероприятия, просим райисполком о немедленном выселении кулаков из пределов нашего района, причём мы - батраки и бедняки - под непосредственным руководством Коммунистической партии с задачами в связи с бурным строительством нового социалистического общества справимся”⁶¹

Таких протоколов полны архивные материалы времён раскулачивания и покорения советского Севера. Тайно и наспех состряпанная липа пролежала засекреченной шестьдесят лет. Было что скрывать. Решения о выселении, выдаваемые за волеизъявления “широчайших народных масс”, принимала не трудовая деревня, знающая цену нехитрому мужицкому состоянию. За выселение голосовал приближённый к начальству и приبلудный деревенский сухостой, мечтающий о скорых и лёгких приобретениях. Разумеется, при “самом непосредственном руководстве” партийных сатрапов. Это улавливается даже в лексике протоколов, где политическая ненависть выдаётся за внутренний голос мужицкой души.

Чтобы осуждённые (как утверждалось - прилюдно, демократически и единодушно всей деревней) на ссылку не узнали действительно о предстоящей горькой участи, посвящённым в тайны сельским активистам приказывалось не чесать по сему поводу языком. А для гарантии сорвали с них обязательства, подобные приведённому ниже:

“Подписка о неразглашении

Мы, нижеподписавшиеся, комиссия по раскулачиванию ранее кулаков и принадлежащих к раскулачиванию, проведя последний учёт по Падунскому сельсовету в селе Падун: 1) Пысин Кирилл Гаврилович, 2) Кирков Аполлон Фёдорович, 3) Шурупов Степан Осипович, 4) Холодилин Пётр Иванович, 5) Шурупов Макар Осипович, 6) Карпов Иван Емельянович, 7) Шурупов Максим Ефимович, 8) Афонин Лазарь Илларионович, 9) Холодилин Осип Васильевич, - обязуемся не разглашать о последнем. Мы должны отвечать по статье 121-й УК, нам объявлено, в чём и расписуемся”⁶²

Колоссальная государственная ложь, таким образом, выростала из тонких капилляров местной лжи и подлогов. Весть о выселении во многие семьи приходила внезапно, с командой о подъёме и оставляла на сборы и слёзы прощания короткие часы. Во всех случаях, когда предназначенные к ссылке мужики успевали скрыться до момента выселения, органы ОГПУ и милиция с особым остервенением трясли свою деревенскую “контрагентуру”, не скупясь на сроки и угрозы.

По поводу беглых крестьян органы сыска развели большой шум. На предмет взаимопомощи затеяли интенсивную межкарательную переписку. Представителей местной власти обязали доносить о каждом деревенском новосёле и госте. Газеты бились в антикулацкой истерике, призывая к классово-чистке. На городских предприятиях появились, обжигая женские сердца скрипом портупей, зоркоглазые ребята из ОГПУ. Деревенских стукачей сориентировали на сугубый интерес к письменной связи родственников беглых.

Политический шухер раскулачивания и сопутствующих событий заложил основы тотальной отечественной подозрительности. Той самой, что нашла отражение в обязательных по каждому пустяковому поводу анкетах, реестр вопросов в которых позайствован из проспекта допроса в ОГПУ. Ни в чём не замечен - этой идеальной характеристики достоин

только тот, кто “не был”, “не привлекался”, “не имеет”, “не владеет даже со словарём”.

Пробежимся взглядом по опорному краю державы. В одном из отчётов Челябинского окружкома партии сообщается, что надлежит отправить на Север 2 250 семей. Лицемерие не отказало нашим вождям и на этот раз. На всех выселяемых оперативно сварганили официальные бумаги. В отчёте окружкома указывается, что решение о выселении единодушно (!) поддержано на 777 батрацких и 362 колхозных собраниях. Точные цифры отчёта создают иллюзию достоверности. Вот о том, что собрания были колхозными и батрацкими, местные власти брякнули зря. Имели силу решения общедеревенских собраний.

Областное начальство придирается к процессуальным тонкостям не стало. В свете впечатляющих цифр отчёта округа виделись из Свердловска морем батрацко-бедняцких рук, поднятых в поддержку репрессий. Ну а мы можем догадаться о многом, зная технологию социалистической демократии. Единодушие насильно или с помощью фальсификаций подгонялось под наражающую сверху норму выселений. Деревня выла от боли, злости и отчаяния, а политические отчёты и печать рисовали лубки, на которых мужики с идеологически просветлёнными лицами выходили строем на столбовую дорогу колхозного строительства.

Итак, по Челябинскому округу планировалось выселить в 1930 году по всем трём категориям 3800 хозяйств. 700 семей ожидал концлагерь или расстрел, 2250 подлежали отправке на Север, а 850 семей расселению в богом забытых углах собственного округа.⁶³ О судьбе выселенных по первой категории я не могу сказать ничего большего, кроме того, что операция с ними “произведена успешно”. Именно так характеризует итог кампании сводка окротдела ОГПУ.

Сценарий массово-политической работы по подготовке к выселению уныло однообразен во всех округах. Даже трафаретно прост. Собственная инициатива приглашения к раскулачиванию, правда, в форме хорошо различимых намёков, - областная директива - грозная директива на места с разрядкой по районам.

Курганский окружком ВКП(б), например, тоже до получения директив от Уралобкома, 17 января вынес решение о подготовке партийных организаций к раскулачиванию и необходимости мобилизации бедняцко-средняцких масс крестьянства.

Спустя неделю бюро окружкома принимает решение о практическом проведении раскулачивания. В деревню снова мобилизовали ответственных работников аппарата. Для усиления ОГПУ окружком направил двенадцать работников. Проверили боеготовность округа и мобилизовали комсомольские силы. Из рабочих промышленных предприятий Кургана (под хорошую зарплату из отобранных у кулачья средств) создали несколько отрядов для конвоирования и охраны переселенцев. Райкомы партии провели соответствующую работу на своём уровне.

Оперативно проведённая учётная кампания по выявлению социально опасных дала такие результаты. Хозяйств, вполне заслуживающих выселения по первой категории, в округе обнаружили 400. Ко второй категории причислили 1800 хозяйств, внутри округа планировали переселение 2336 хозяйств. Правда, с третьей категорией обмишурились все округа. Областная директива по этому поводу опоздала и пришла только в конце марта. По Курганскому округу директива установила переселение 450 хозяйств вместо 2336.⁶⁴ Но по этой категории за свирепость пока не ругали. Вот если бы спланировали меньше...

Обширные списки не пропали даром. Они стали золотым резервом для последующих этапов массовых выселений. Деревня прогрессивно нищала, шли в пике и имущественные критерии социальной благонадёжности. Уполномоченные уже с интересом присматривались ко дворам некоторых активистов. Прошлогодний мало мальский середняк сегодня смотрелся аморально зажиточным.

В Шадринском округе всё было где-то так же. В распоряжение ОГПУ выделили пятьдесят коммунистов и двадцать комсомольцев из состава городских организаций. Мобилизовали в округе всех лиц, со-

стоящих в запасе органов ОГПУ. Для охраны и конвоирования выселяемых создали два комотряда.

Была ещё повсеместная политическая суэта преимущественно декоративно-бюрократического характера. Проводились многочисленные собрания и в высоких инстанциях, и в деревенской глуши. Партийные руководители несли злобную чушь и призывали мобилизоваться на раскулачивание. Затем, собрав деревенское отребье, выносили от имени широчайших народных масс зловещие резолюции, слово в слово повторяющие официальные директивы. Политика государства обретала статус "общенародной".

Я не верю, что вся эта огромная, захлестнувшая страну документально-бумажная ложь была последним, почти инстинктивным порывом человеческой совести, осознавшей творимое. Как не верю в оправдание личной подлости необъёмными обстоятельствами. "Начальник райотделения Бишкильского райисполкома Гордеевский, член ВКП(б), - с испугом доносит в обком партии Финковский, секретарь Челябинского окружкома, - на предложение райкома выехать для проведения этой работы (выселения. - А.Б.) на село категорически отказался, за что был немедленно арестован и доставлен в город Челябинск и сейчас находится в заключении".⁶⁵

Были - свидетельствуют документы - люди, для которых совесть всегда оставалась выше суровых обстоятельств. Но большинство партийного аппарата пребывало в тихой подлости по отношению к мужику и в стремлении обмануть историю навсегда.

"Я думаю, что случаи самоубийства кулаков будут, - откровенничал курганский партийный лидер на бюро Уралобкома ВКП(б), - случаи поджогов и террористических актов будут. Такие случаи возможны. Чем дольше мы будем держать кулаков в деревне, тем хуже. Тут товарищи испугались цифры в шесть тысяч человек. Я сам первое время испугался..."⁶⁶ Страх у всех товарищей прошёл, когда через неделю Москва довела им квоту выселений на 1930 год - более ста тысяч человек. Утерев крокодиловы слёзы, каратели рванулись в дело. Что до курганского секретаря, то

он свою долю страха в тридцать седьмом принял без должного героизма и на допросах лёг сразу.

“16 февраля, - указывается в сводке Тюменского окружкома ВКП(б), - дана телеграмма о подъёме кулаков по всем районам и отправке на комендантские пункты...” Раскулаченные, пущенные по миру и выброшенные из собственных домов семьи ещё на что-то надеялись. Не хотелось верить в средневековую дикость государства, называющего себя народным.

Можно лишить человека собственности, рассуждали некоторые, в интересах высокой для мужицкого понимания государственно-социалистической идеи. У них отобрали всё. Но зачем государству жизнь мужика, а тем более ребёнка и старого человека. Государство, между тем, и не помышляло о справедливости. Оно признавало только равенство рабов, заложенное в идее колхозов. Чтобы загнать деревню в колхоз навсегда, нужна была ледяная душа, показательно-воспитательная жестокость. И она пришла.

Горем захлебнулась зауральская деревня суровой зимой тридцатого. В петлю гнала мужика, вчерашнего кормильца России, Советская власть. В ряде мест в момент выселения отмечены самоубийства. Мужики хорошо понимали, что их ждёт впереди. Но даже в эти трагические минуты, в отличие от карателей, их не покидало чувство человечности и ответственности за семью. Может, со временем наши осевшие от политического бессердечия души смогут понять, что в самые глухие минуты отчаяния выселяемый был нравственно выше мёртвой, но старательно реанимируемой сейчас большевистской морали.

Чтобы спасти семью от страшной участи, выселяемые шли в загс и брали развод с жёнами, с которыми прожили по 30-40 лет. В “классовом враге” верности семье и самопожертвования было несравненно больше, чем у государственных ублюдков, трусливо переносящих расправы над собственными жёнами, детьми и родственниками. Однако большинство семей совместно испили горестную чашу выселения. “Хоть в могилу, но вместе”, - говорили многие и собирали детишек в страшную дорогу.

Вернёмся к бесчувственной статистике. Всего по Тюменскому округу было собрано на комендантских пунктах 1321 семья, около шести тысяч человек. За пределы округа в феврале “экспортировали 13 эшелонов выселяемых - 5524 человека. Из них: 1682 мужчины, 1926 женщин и 1816 детей.”⁶⁷ Основным местом выселения определили Берёзово и Сургут. Вся масса выселяемых (понимайте эшелоны как этапные партии) отправлены своим ходом в сторону Тобольска, ставшего главным пересыльным пунктом и столицей социалистической колонизации Северного Приобья. В пути на пересыльных пунктах обозы выселяемых нещадно грабила местная комсомолия. Чтобы остановить мародёрство, потребовалось вмешательство прокуратуры и Наркомюста РСФСР. 23-24 февраля 1930 года колонны выселяемых вышли за границы своего округа, чтобы никогда больше не вернуться на родину.

Через Тюмень гнали на Север ссыльных из других округов и районов Уральской области. По состоянию на 5 марта 1930 года через город было пропущено 16 эшелонов, в коих числилось восемь тысяч подвод, 4 424 семьи, 22 107 человек. В составе первопроходцев ровно шесть тысяч мужиков, 6 600 женщин и 9 438 детей. Карательная кампания ещё только разворачивалась.⁶⁸

“Ошеломлённое внезапным уничтожающим ударом, - по-военному хлётко доносит сводка из Ироитского округа, - кулачество второй категории в порыве паники и отчаяния, оставив семьи, стало разбегаться...” Половина (четыре тысячи человек) из причисленных ко второй категории, сообщает далее бумага, задержаны при бегстве и посажены под стражу.⁶⁹ У столь ретивой администрации трудностей морального плана, естественно, не предвиделось. Проблема состояла в другом. Трудно было найти изъятые при категорическом раскулачивании вещи выселяемых. Надо же изгоев экипировать напоследок.

В Курганском округе по представлениям РИКов планировалось выселение 4 710 семей, 5,3 % ко всему числу жителей. Районы зло соперничали в очистке

тельной акции. В Марайском, Чашинском и Половинском районах к выселению наметили более 6 % крестьянских хозяйств. В глухом Мокроусовском районе нашли необходимым выбросить каждую одиннадцатую семью, а в некоторых сёлах Звериноголовского района - каждую шестую.⁷⁰

Масштабы репрессий прямо зависели от классовой аллергии местных властей. Измученные двумя годами "классовой" борьбы, они теперь сводили с деревней последние счёты. При не очень придирчивой проверке установлено, что около четверти запланированных к выселению дворов не лезут ни в какие кулацкие признаки, проще говоря, являются бедняцкими.

Операция выселения катилась с запада на восток и пришла в округ первыми числами марта. К тому времени хамство Советской власти достигло классического образа. Смотрите сами. Райкомы принимают обязательные постановления, за образец которых можно принять декларацию варгашиных большевиков. Кулакам и членам семей отныне воспрещается:

а) Выезд или переселение из пределов места своего жительство и переезд из деревни в деревню куда бы то ни было без разрешения соответствующих органов (спустя пару лет паспортным, точнее - беспаспортным, режимом придавят задницей к земле и активистов, но пока они весело прыгали. - А.Б.)

б) Оставлять своё имущество бесхозьяственно, как-то:

- скот без корма,
- уничтожать постройку на дрова и уклоняться от ремонта таковой,
- хранить машины и сельскохозяйственный инвентарь под снегом и дождём, умышленно производить его порчу...

в) Оставлять семейства без средств к существованию...⁷¹

В директиве застыла, как в капле янтаря, вся мерзость большевизма. Стерegli земляков от побега, чтобы потом эшелонами отправить в мёртвую зимнюю тундру. Обязывали хозяйски относиться к тому, что варварски отобрали у хозяина. Забота о семьях

беглых кулаков лицемерием превосходит возможности человеческой природы и психики. Через месяц те, кто сокрушался о благополучии осиротевших кулацких детей, будут выбрасывать их закоченевшие трупы в снег. Как вдоль тракта Тюмень - Тобольск, забитого десятками тысяч подвод со спецпереселенцами, так и по месту их ссылки. На тему ссыльного сиротства у нас впереди особый разговор.

Махровой дикостью взялась сельская глубинка. Было всё - произвол, издевательство, мародёрство... Юргамышский район: в момент раскулачивания в доме застали умершую жену хозяина - сняли с покойной всё до последней тряпки. Умереть может классовый враг, классовая борьба бессмертна. Рвали с кровью крестьянские семьи, отбирая для выселения родителей. "Тебя выселять не будем, - сказали активисты Щедрина, жителю Белозерского района, - а жену выселим, на твоей обязанности лежит воспитание ребёнка". Во многих случаях при изоляции от семьи одного классово чуждого родителя, вышедшего из крепкой семьи, власти обязывали вдовца воспитывать детей в советском духе.

"Интересен тот факт, - сообщает в окружном секретарь Мокроусовского райкома ВКП(б), - что дети кулаков в молодом возрасте до 25 лет не поддерживают родителей, дочери бегут замуж за бедняков и батраков, сыновья порывают с отцами и просятся в колхоз". И далее, перестав удивляться, убожает начальство анекдотическим случаем кулацкой хитрости, над которым смеялся весь аппарат. Шестидесятилетняя кулачка приехала в районный центр зарегистрироваться с бедняком старше на пять лет, дабы не быть выселенной.

Юродствуют большевистские стервы, выдавая за кулацкую изворотливость стремление выселяемых семей выдать дочерей замуж за первого встречного. Парадом человеческой мерзости станет не год ссылки, а годы тридцать последние, когда наши активисты перед лицом глупой, к сожалению, смерти сбросят с себя элементарные человеческие признаки. В тридцатом искали не женихов, искали спасения детей и уча-

ствия. Да и решиться на такую свадьбу мог только человек мужественный и искренне любящий. В антикулацком шабаше под северное сияние рисковал попасть и сам жених. Часто раскулаченные предлагали на сожительство малолетних дочерей, чтобы спасти их от смерти в зимней тундре.

Общее знакомство с технологией выселений допону деревенскими пейзажами, к примеру, родного мне Половинского района. Чтобы понять вышеизложенное до упора.

В конце февраля 1930 года райисполком разослал по сельсоветам короткую, но предельно ясную директиву. "С получением сего, - предписывается в ней, - немедленно оборудуйте арестные помещения для содержания под стражей глав двора выселяемого кулачества, обеспечьте эти помещения надёжной охраной".⁷²

Опыт других районов оказался чрезвычайно полезным. Чтобы исключить возможные побегу кулаков, их подвергали превентивному аресту. Для формирования партий кулачества в районе создали два сборных пункта - Половинский и Золотинский, в каждый из которых сгонялись спецпереселенцы восьми сельсоветов. Со сборных пунктов наметили маршруты выхода колонн к железнодорожным станциям.

2 марта 1930 года в сельсоветы ушла директива о подъёме кулаков и конвоировании их на сборные пункты. Проводы выселяемых повсеместно превратились в стихийные демонстрации жалости и участия. Жители многих деревень провожали обозы до сборных пунктов. В ряде мест конвоирам приказали отсекать провожающих в силу многочисленности. Спустя три года, на партийной чистке тридцать третьего, при проверке на вшивость деревенских большевичек любимым подвохом станет вопрос: "Когда кулаков выселяли, ревела?"

Рассвет 4 марта над райцентром напоминал "Утро стрелецкой казни". Мужичьё горе подошло к последней черте, дальше начиналась трагедия. Не обращая внимание на запрет массовых демонстраций, собралась тысяча провожающих. Можно догадаться,

что там творилось в последние перед отправлением часы.

Колонну подняли где-то около полудня. За два дневных перехода нужно было выйти к железнодорожной станции Варгаши, около сорока километров, откуда их 7 марта планировалось отправить специальным эшеленом в район Тюмени и Тобольска. Обоз растянулся на километры. Для операции выселения власти мобилизовали 365 подвод. Чуть севернее от райцентра двинулась в сторону Варгашей колонна из Золотинского сборного пункта. Выселяли навсегда земляков, доказавших способность быть работником и хозяином земли. Любовь к земле и радующий душу труд заменили государственным кнутом и принудительной каторжан.

7 марта 1930 года первые 600 половинцев эшеленом № 7031 были отправлены на Север. Погрузка прошла в обычной советской манере. Население станций загнали в дома, под страхом ареста запретили выходить на улицы с выражением сочувствия. Рассказы железнодорожных рабочих и жителей о том, что над станциями отгрузки стоял невыносимый для нормальной души плач, ГПУ пресекало как антисоветскую агитацию.

"С 1 января 1930 года оперировано 413 человек, - хирургически строго сообщают коновалы из курганского ГПУ, - удар в операции направлен главным образом на махровое контрреволюционное кулачество, начавшее уже группироваться. На 1 марта ликвидировано 37 групп с количеством арестованных 175 человек. Всего отобрано к выселению по второй категории 1 800 хозяйств. Отправлены с эшелонами выселяемые из Макушинского, Лопатинского, Марайского, Лебяжьевского, Мокроусовского и Варгашинского районов. Отправка прошла без каких бы то ни было эксцессов".⁷³

Напоследок заглянем в повагонные списки выселяемых, переданных по акту начальнику эшелона комендантом, к примеру, Варгашинского сборного пункта. Итак, эшелон № 7 030 - тысяча двести кулацких душ. А в нём выселенный Варгашинским сельсоветом Дё-

мушкин Андрей, 35 лет. С ним отправлены в Тобольск и далее на Север: семидесятилетние родители, жена, три сына в возрасте от семнадцати лет до трёх месяцев, три дочери - 15, 6 и 5 лет. Удивительный, видимо, был этот Дёмушкин, многожильный. У него на шее девять иждивенцев, а он на кулака вытянул.

Выселенный из Сычёвского сельсовета Мяготин Агафон. На Север его сопровождали жена, две Анны, Параскева, Агафья, Елизавета, Татьяна, Ульяна и Наталья. Радоваться бы родителям счастью - восемь дочерей! От трёх до семнадцати лет. Но признанным классово чуждыми девчонкам была уготована судьба политически ссыльных, и, наверняка, не все из них вынесли пронёсшуюся по детству беду.

Теперь, когда мы выяснили обстоятельства выселения, перенесёмся в места отдалённые, куда в эшелонах и пешком ходом гнали изгоев советской деревни. О судьбе взятых по первой категории можно только догадываться. На какие-то мысли наводит злоещий тон директив, упоминания о концлагерях и открываемые в последнее время массовые тайные захоронения эпохи сталинизма.

География расселения второй категории функционально проста и даже гениальна. Соликамск, Надеждинск, Тобольск и всё остальное, что лежит ближе к полюсу. Север Урала и нынешней Тюменской области нашли самым подходящим местом для идейного перевоспитания широких кулацких масс. Из центральных и южных областей России сюда сослали в 1930 году 25 тысяч семей. Рядом с 15 тысячами земляков-уральцев. Разнарядка заместителя ПП ОГПУ на Урале предусматривает расселение этих 40 тысяч семей таким образом: Верх-Камский округ - 14 000 семей, Тагильский - 14 000, Коми-Пермяцкий - 3 000, Ирбитский - 3 000, Тобольский - 6 000 семей.⁷⁴

По поводу расселения на заседании бюро Уралобкома ВКП(б) 22 января 1930 года разгорелись споры. Многие руководители округов понимали преступный характер ссылки и под видом объективных трудностей старались улизнуть от ответственности. "Ещё до ликвидации кулачества, - говорил секретарь Верх-

Камского окружкома ВКП(б) Шахгильдян, - ежедневно мы в порядке административной ссылки получали по 300-500 человек раздетых, разутых и голодных. Вы знаете, что в Соликамске тупик железной дороги кончается и нужно определённое время, чтобы отправить в Чердынский и Вишерский край, и получается так, что мы имеем большое развитие бандитских актов... Надо спешить с выселением, но надо спешить и с тем, чтобы подготовить определённые мероприятия в части размещения".⁷⁵

"Я считаю, что можно обойтись и без Тобольского округа до навигации, - старался увернуться секретарь окружкома Игнатенко, - я боюсь, что мы сорвём рыбоперевозки. У нас только 27 тысяч подвод. Вы понимаете - по нашему расстоянию какое количество подвод потребуется. Поэтому я считаю, что можно было бы сейчас заставить, например, Верх-Камский, Пермский, Тагильский или другие округа взять этих кулаков для работы на лесозаготовках, а весной, с первой навигацией перебросить их для окончательного поселения в Тобольский округ. Их нужно будет накормить, нужно за ними как следует смотреть, а вы представляете Тобольский округ при нашей партийной организации и общественности - это будет представлять трудности".⁷⁶

Компромиссный вариант нашли, он изложен выше, в разнарядке ПП ОГПУ. В Тобольский округ столкнули кулаков преимущественно местных - из Шадринского, Курганского, Челябинского округов. Чтобы перетащить их на тысячу вёрст севернее, мобилизовали более 80 тысяч подвод. Некоторые партии северных округов (Ишимский, Тюменский) добрались к месту ссылки самоходом.

"Гостей" из центральной и южной России ссадили на тупиковых станциях Северного Урала. "Всю кулацкую ссылку, - предписал солидный документ, - размещать в порядке принудительной колонизации с расчётом использования на лесоразработках и рыбных промыслах. Из высланных организовать особые дружины. Предложить ОГПУ по Уралу при отправке на Север производить особую отборку для Тобольского

округа: наиболее здоровых малосемейных и не имеющих детей... Пермской железной дороге немедленно обеспечить по заявкам органов ОГПУ перевозки выселяемых”⁷⁷

В феврале-апреле тридцатого все пересыльные пункты и железнодорожные станции были забиты жертвами “великого перелома”. Нечеловеческие условия транспортировки, холод и неустроенность на местах расселения приводили к смертным случаям, особенно среди стариков и детей. СНК РСФСР был вынужден принять срочные меры.

“Учитывая опыт отправки первых очередей раскулаченных хозяйств, - читаем в одном из его постановлений, - в целях недопущения впредь большого их скопления на путях и перевальных пунктах, признать необходимым производить отpravку на места поселения в первую очередь только трудоспособных членов кулацких хозяйств”⁷⁸. Напомню - только в первую очередь! Потом, летом, через Россию пойдут на Север детско-стариковские эшелоны.

История общероссийской крестьянской ссылки когда-то будет написана. Пусть даже под влиянием медленной биологической эволюции ленивые постулаты большевизма из башки соотечественника выветрятся. Придётся многое осознать. Вспомнятся и дорожные муки ссыльных прародителей. А пока короткая информация из первых рук.

После проследования поезда № 1 001 (эшелон № 503) по станции Зуевка 5 марта 1930 года кондуктором Зуевского резерва Семакиной Н. на путях найдена записка следующего содержания. “Нас везут неизвестно куда по 45 человек в теплушке, на воздух не выпускают, воды не хватает, снегу даже не выпросишь. За что нас бросили в этот тёмный и смрадный вагон, который хуже тюрьмы... Если бы кто мог взглянуть в наш вагон, то каменное сердце и то бы содрогнулось и увидели бы такой ужас, которого не знают дикари. Позор сажать в тюрьму грудных детей, но наш вагон хуже тюрьмы. Негде сесть и лечь, мы ехали первые два дня совершенно без воды и кормили детей снегом... Позор вам, культурные люди!”⁷⁹

Со свидетельствами тех, кто перенёс дорожные пытки, мы ещё познакомимся. Интересна реакция начальника железнодорожного отдела ОГПУ на это письмо и другие жалобы. Он приказал впредь оставливать эшелоны со спецпереселенцами только на крупных станциях, а по мере прибытия поездов не допускать к ним население с проявлениями жалости. Вернее сказать так. Начальник доротдела ОГПУ продублировал центральную директиву.

На наших сельских улицах ещё свирепствовало раскулачивание, а в северных широтах уже готовились к приёму “гостей”. Выселяемые поступали сюда и раньше. О том, вспомните, говорил секретарь Верх-Камского окружкома ВКП(б) Шахгильдян. Но с середины февраля планировалось массовое прибытие. Ранней весной на пересыльные пункты, а таковыми стали Соликамск, Надеждинск, Тобольск, прибыли сотни эшелонов и этапных партий.

Операция выселения, транспортировки, расселения, равно как и организации всей жизни ссыльных, относились к исключительной прерогативе органов ОГПУ. А их документы и сейчас остаются закрытыми. Учитывая, что большая часть уральских крестьян весной тридцатого направлялась на Север через Тобольск, остановлюсь на организации дела именно в этом округе Урала.

“Наш округ, - информировал районы партийный секретарь Игнатенко, - является в числе других мест Союза местом, куда предположено большое выселение кулацких семей не только из числа уральских кулаков, но и из пределов других областей СССР. По предварительным сведениям к нам должно быть направлено до 10-12 тысяч кулацких семейств. На каждый дом в северных районах приходится вселить не менее трёх-четырёх человек...”⁸⁰ Далее секретарь указывает, что вселение кулачества имеет временный характер. Спецпереселенцев вовсе не думают оставлять в окружном центре или на квартирах у местных жителей. С наступлением лета планировалась миграция ссыльных на Север. Но до летней навигации, до тюремных барж ещё надо было дожить.

Партийные органы призывали “максимально вернуть массово-разъяснительную работу среди населения районов., добиться, чтобы население к прибытию кулачества отнеслось с наибольшей советской активностью”. Под ней понимались чисто деловые отношения безо всякого идеологического послабления и жалости. Власти даже опасались, что дружеские отношения коренного и ссыльного люда могут создать угрозу обволакивания и разложения аборигенов под влиянием более культурной ссылки.

В феврале Тобольский окружком ВКП(б) констатирует - резкое увеличение числа вселяемых и невозможность отправки кулачества до навигации на Север по ряду существенных причин вынуждают разместить основную массу спецпереселенцев в пределах Тобольска и окружающих его деревень. Существенные причины были просты, гнать обмороженные до полусмерти колонны дальше на север было нельзя. Перегон по зимнему тракту Тюмень-Тобольск тридцати тысяч человек, о том впереди будут свидетельства, дал столько покойников и больных, что даже отпетые большевики струсили.

Партийное руководство принимает классические организационные меры. В округе создаётся чрезвычайная тройка с чрезвычайными, разумеется, полномочиями. В неё входит секретарь Тобольского окружкома ВКП(б) Игнатенко, председатель окрисполкома Берестнев и начальник местного ГПУ Мухачёв. Впредь этот триумvirат будет решать судьбу десятков тысяч спецпереселенцев.

Что могла сделать Советская власть? В течение 48 часов мобилизовали окружную парторганизацию и поставили большевиков под ружьё. Срочно обратились в Уралобком с просьбой помочь оружием, запросили и немедленно получили 350 револьверов, 200 боевых винтовок и необходимое количество боеприпасов. Кроме того, окружная власть затребовала специальную группу не менее шестидесяти человек из членов партии и комсомольцев. Причём группу хорошо вооружённую и мобильную. Нетрудно догадаться, для чего она предназначалась. И, наконец, попросили

усилить милицейский корпус округа на сорок человек. В те времена ко всем запросам карательных органов относились с особой заботой и пониманием.

В марте ссыльные поплёрли стеной и со всей Руси Великой. “Эшелоны к нам движутся с такой быстротой во времени и с массовым напором, - жалуется в Уралобком ВКП(б) Игнатенко, - что безусловно застало нас неподготовленными. Кроме того, мешает страшно чертовский холод, который доходит до 35-37 градусов. Приняли мы этой публики три тысячи семей. Сейчас идёт спешная работа по подготовке города Тобольска к превращению его в сплошной лагерь для кулачества. Освобождаем буквально всё возможное, даже решили закрыть кино”⁸¹

Прибывшие расселялись в ближайших сёлах, в общественных зданиях и церквях. Относительно повезло тем, кого растолкали по частным квартирам. В общественных зданиях прибывающие отчаянно мёрзли... Сейчас, бродя по тихим аудиториям Тобольской духовной семинарии, вступая под величественные своды Софийского собора, этой возрождённой обители света и духа, колыбели сибирского Православия, трудно себе представить ту бесовскую жуть, что творилась в святых стенах весной тридцатого. Сотни голодных, обмороженных людей, нары в три яруса, костры из икон, простуженный плач детей России...

Некоторые партии каторжан привозили прямо в заснеженный лес и приказывали самоустраиваться. Сразу же возникли проблемы с обеспечением. Особенно жалкими приходили партии, выселенные из ближайших округов. “Ишимский округ отличается в этом особенно, - сообщает партийная бумага, - к нам вместо рабочих рук едут голодные рты. Едут дети и старики. Есть случаи выселения девяностолетних стариков и инвалидов”. Это что. В Лебяжьевском районе Курганского округа выселяли двух стариков (мужа и жену) Кабановых, которым к моменту наказания исполнилось по 105 лет!

Сельсоветы ближайших округов, возмущается та же сводка, стремились вытолкнуть ссыльных со своей территории, не обеспечив их продовольствием. Рас-

суждали примерно так. В стотысячных толпах всеосознано сосланных аборигены как-нибудь вывернутся. К тому же на сборных пунктах, комендантских и пересыльных пунктах свирепствовало большевистское мародёрство. Озверевшая в конфискационном пафосе местная комсомолия обирала шествующих на голгофу подчистую.

Я не могу, к сожалению, дать более развёрнутой картины карательной кампании тридцатого, событий, происходящих на других перевальных пунктах Урала. История крестьянской ссылки, как история ГУЛАГа и всех партийно-государственных преступлений перед народом, закрыта саваном секретности, да и не востребована по причине нашей душевной анемии. Если интеллектуально и морально стойкие клиенты ГУЛАГа, пройдя десятилетия ада, могут ещё что-то сказать о преступлениях своего времени, то ужасы, пережитые покорными и безграмотными деревенскими каторжанами, независимо от того, чахли последние на лесозаготовках или в рудниках, известны только богу. "Пролился этот поток, всосался в вечную мерзлоту, и даже самые горячие умы о нём почти не вспоминают. Как если бы русскую совесть он даже и не поранил. А между тем не было у Сталина (и у нас с вами) преступления тяжелей"⁸².

Запланированная Москвой и обкомом ВКП(б) контрольная цифра выселений в 15,2 тысячи семей к осени тридцатого была близка к выполнению. По отправным окружным документам на безопасный Север с Урала столкнули около 90 тысяч человек. Правда, часть намеченных к выселению успела сбежать. Их настойчиво разыскивали. Одновременно приняли мудрое решение - ссылать в первую очередь семьи беглых мужиков.

Как и всякое властное изобретение, этот ход имел неожиданные последствия. Отныне убежать стали поголовно, прихватив стариков и детишек. С такой оравой в город, понятно, не побежишь. Рвались на сибирское безлюдье, в свободные от Совдепии медвежьи углы.

Несколько слов о судьбе сосланных по третьей категории. Этим печальным новосёлам родных мест досталось не меньше. Вначале были конфискация и раскулачивание. А потом - необузданный произвол местных властей. Наиболее трудоспособную часть семей выхватили согласно разнарядкам на стройки пятилетки. Они-то и составили значительную часть тех "энтузиастов тридцатых", о которых сейчас тоскует ортодоксальная революционная душа. А обсевки крестьянских семей вытолкнули на худшие земли умирать с голоду или принудительно вывезли во вновь создаваемые совхозы. Мы с ними ещё не раз встретимся по ходу изучения шальной истории советского Урала.

Ссылка стала постоянным и действенным средством борьбы с инакомыслием и инакодействием народа. Последующие кампании выселения проходили более организованно; политическая ненависть обрела листовую хозяйственного резона, а порой прямо диктовалась экономической стратегией большевизма. Карательная кампания тридцатого выполнила поистине историческую задачу - без ссылки не родиться бы колхозу. Кампании последующие споспешествовали тому, что высокопарно назовут организационно-хозяйственным укреплением колхоза. А по правде сказать, до смерти напугали всю единолично живущую деревню, заставив отвести в колхоз последнюю коровёнку.

К тридцать третьему в деревне остались старики да бабы, то бишь последний патрон социализма. Высылать стало некого. Всякий бегущий из деревни считался дезертиром социализма и уголовным преступником, ибо нарушал паспортный режим. Тогда-то и приняли эту "Инструкцию всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры". В документе указывалось, что "классовая борьба в деревне будет неизбежно обостряться..." А посему надо "улучшить старые способы борьбы, рационализировать их и сделать наши удары более меткими и организованными".

В рамках рационализации приказали “немедленно прекратить всякие массовые выселения крестьян. Выселения допускать только в индивидуальном и частичном порядке и в отношении только тех хозяйств, главы которых ведут активную борьбу против колхозов и организуют отказ от сева и заготовок”. На 1933 год местным активистам выдана лицензия на выселение 12 тысяч семей по всему Союзу, из них Уралу отстегнули 1 тысячу семей.⁸³

Тормознѐм чувство умиления стылым рассудком. “5-10 июня будет проводиться выселение кулацких хозяйств. Отбор кулацких хозяйств, подлежащих выселению, возложен на Тройку в составе: секретарь райкома ВКП(б), председатель райисполкома, начальник райотдела или уполномоченный ОГПУ. О количестве хозяйств, подлежащих выселению из каждого района, а также практические указания, связанные с выселением, даны по линии органов ОГПУ”.⁸⁴

Директива Уральской облпрокуратуры от 23 мая того же 1933-го свидетельствует, что ссылать не перестали. Сказано же, надо улучшить старые методы борьбы. Волокиту с фальшивыми протоколами деревенских собраний, как и всякие другие демократические декорации, выбросили на свалку. Всё решала Тройка. Спецпереселенцу никакой разницы, а для истории сей факт печален. Если в документы предшествующих кампаний можно теперь заглянуть, то в руководящие бумаги ОГПУ - увы и ах!

Был ещё один багровый нюанс. Потому как кулака уже не было живых, наркомовские его признаки руководящую роль потеряли. Отныне стали ссылать на каторгу непокорных колхозников.

Трудодень за лень

На вчерне обобществлённую деревню, ещё идеологически тёмную и контрреволюционно сытую, напознала, между тем, предрассветная колхозная сумеречь. Из тумана патриархальщины медленно выгаивало интригующее социалистическое будущее. В марте тридцатого вышла статья Сталина “Головокружение от успехов”. Нервный зигзаг вождя привел местные партийные и советские власти в состояние реактивной остолбенелости. Их, отдавших созданию колхоза всю злость до последней капли совести, Сталин предательски обвинил в левачестве.

“Он смазал всю нашу работу, - возмущался кадровик Сладковского района и был в этом далеко не одинок, - обзывает нас головотяпами, а ведь мы же работали по его директивам и директивам окружкома... Мы крестьянство разорили, довели до нищеты, оно ищет выхода, а мы его не даём...”¹ За неадекватную политическую реакцию кадру пришлось отвечать уголовно, как и тагильскому секретарю, многократно и прилюдно утверждавшему подчинѐнным, что Сталин помешался.

В вечно буйном Талицком районе, объявив вождя белобандитом, под наганы и лютый мордобой пьяные партийцы снова сгоняли на колхозный двор демобилизованных было гусей и кур. Кадровые работники, доносили с мест политически зрелые соглядатаи, пьют как в последний раз, а по пьяному делу творят речи жутко изменные. Аж писать боязно.

Ещё больший шухер возник в Лебяжьевском районе, где кто-то пустил моментально обросший эффектными деталями слух, что в районе за огородами сел аэроплан, в котором прилетели Сталин и Крупская. Иосиф Виссарионович, якобы, лично раздает мужикам отчуждённое имущество, а Надежда Константиновна чистит по мордасам коммунистов и председателей сельсоветов. В некоторых деревнях возбуждённые мужики начали хватать активистов за кадык, требуя своё. В деревне Соломатовой сбросили всё начальство и ходили толпой по улице с красным транспарантом "Долой коммуну! Да здравствует еди-ноличник!"

До райкома и ГПУ слух дошёл в расширительной трактовке - в соседнем Лопатинском районе то же самое, мол, творят Калинин с Рыковым. Местная власть впала в прострацию, и только уполномоченная обкома Бушманова, баба разбитная и битая, боязливо выглядывая в окно, крутила ручку телефона. Обкомовских аппаратчиков провинциальная новость поставила на уши и принудила - от этих московских дураков можно ожидать всего - звонить в Москву. Когда истина возторжествовала, у обкомовских обмякло на сердце, а райкомовцы кинулись в народ, на ходу засупонивая портупей.²

Мужики, уловив из разговоров, что вождь ругает местное руководство за принудительную коллективизацию, дружно побежали из колхозов. Если в начале марта, пока на полустанках трамбовали эшелоны спецссылным контингентом, в колхозах Урала числилось более 900 тысяч крестьянских дворов, то через месяц в коммунах осталась треть того. К лету, зажав седалище в горсть, бежали самые трусливые. Списочный состав артелей, если таковые в районе оставались, исчерпывался междворным деревенским вертопрахом, которому было абсолютно всё равно где не работать. В колхозе даже лучше, оставалась живая надежда.

Обобществлённое имущество растащили в момент. Во многих дворах ласково обихаживали и подкармливали демобилизованный скот, ремонтировали

побывавший в социализме инвентарь. Запустение царило только в наспех огороженных колхозных дворах, где жалобно ревел в небо голодный скот раскулаченных. Чужое имущество, удивлялись в отчётах уполномоченные, дезертиры колхозного фронта, в отличие от преданных колхозу, не тянут, вроде бы совестятся. Оно и понятно. Для живущего своим трудом хозяина колхозная собственность ещё не представлялась абстрактно ничьей. Каждая колхозная вещь несла на себе печать недавней чужой беды. Не алчность, а более высокое человеческое чувство жгло сердце всякого нормального земляка при виде ужасающей бесхозяйственности.

Удачно выразил хозяйственную ситуацию той поры курганский колхозник Фролов, чьи слова взяты из информационной сводки ОГПУ как пример подозрительной мужицкой двусмысленности. "Статья тов. Сталина поддержала мужиков, нынче мужики будут сеять. А если бы не статья тов. Сталина, - продолжал земляк, забирая не в ту степь, - то вся наша деревня была бы в колхозе и все кони пропали бы. А теперь мужики вышли на 100% из колхоза".³ Отечественный крестьянин лишён всякой меры в проявлениях своих мыслей и чувств. Это, видимо, в нас евроазиатское. От безмерности естественных, а более общественных условий русской деревенской жизни, генерирующих в мужике уникальное сочетание живой сообразительности с одичалостью поведения.

В ответ на ропот местного начальства мужики совали в нос окружные и центральные газеты, где государство беззастенчиво объяснялось в любви к единоличнику. "Недооценка роли единоличника в севе, - писала окружная газета "Красный Курган" в апреле, - отказ ему в помощи, в организации говорит часто о явном непонимании низовыми работниками партийных задач". "Не задерживайте, - призывало ставшее вдруг ласковым областное земельное управление, - возвращения имущества, скота и средств производства крестьянам, вышедшим из колхоза".⁴ "Вырывайте хлеб из земли!" - обращался к деревне через газету курганский окружной прокурор Овечкин.

“Советский закон, - блял он вчерашним жертвам 107 статьи, - не запрещает крестьянину распоряжаться своими излишками как он захочет. Каждый крестьянин волен хранить свой хлеб где он хочет, хотя бы и в земле, но не портить его... Закопавший хлеб в землю должен немедленно его выкопать, не боясь ни ответственности, ни конфискации хлеба”.⁵

А выкапывать было нечего. Председатель Ишимского окрисполкома Бусыгин в апреле тридцатого взывал о помощи продовольствием. “Люди пухнут от голода и бегут из пределов округа, - сообщал он в область, - необходимо 3 800 тонн хлеба до нового урожая для голодающих районов”. “От Советской власти можно убежать только в могилу!” - гордо ответил просителю областной Свердловск, в обкоме партии председателя обозвали паникёром. И, знаете, не зря. Голод только-только разбежался. Терпеть предстояло долго, до той счастливой осени тридцать седьмого, когда колхозника будут сгонять с вороха зерна во благо, чтобы не обожрался насмерть как ночующая в хлебах скотина.

Первые итоги хозяйственного авантюризма были очевидны и страшны, многие улавливали и причину приближающейся голодухи. Кое-кому не давало покоя ощущение личной вины. Но ерепениться дальше стало опасно. Вся партийная низовка была повязана преступлением против народа. Ссылаясь на лирические отступления о недопустимости перегибов, предусмотрительно вкрапленные в секретные директивы Центра, можно было обвинить и подвести под расправу любого, имеющего отношение к реконструкции села. Достаточно взглянуть в бухгалтерию раскулачивания и выселений, чтобы, прикопавшись к какой-либо детали, обратить вчерашнего активиста в махрового политического преступника. Так оно и делалось.

Открытое возмущение руководства каралось окольно, в вотчину опального наезжали проверяющие ЦКК (контрольная комиссия при партаппарате). Укомплектованная стойкими, до кретинизма, ветеранами-большевиками инстанция, выполняла функции внутрипартийного политического суда. Физическую

расправу над подозреваемыми оголтелым старичкам не доверяли, не по слабости их здоровья, а скорее из опасений за последствия спазматической ветеранской ненависти. Последнее качество оказалось, однако, незаменимым при производстве идеологических компонентов обвинения.

Наложение отшлифованного хроническим склерозом марксизма-ленинизма на живую биографию или конкретный поступок давало многочисленные, если не прямо контрреволюционные, то очень подозрительные аномалии. Партийное руководство всегда держало привередливых перестарков на лакейском режиме, и те благодарно ретировали провинциальных большевиков и молодую аппаратную поросль. Сугубо внутрипартийная практика вскоре выплеснулась в большую жизнь. В каждом коллективе выкристаллизовался большевистско-ветеранский осадок, сразу монополизировавший президиумы торжественных заседаний и право проверки всех сотрудников на идейную вшивость.

“Молодость-молодость!” - чувственно вздыхал при знакомстве с новым потоком студентов профессор МГУ и почти герой гражданской на Дальнем Востоке. “Свою я как сейчас помню, - взор учёного переставал цепляться за реальность и ностальгически теплел, - веду я где-то в двадцать втором юнкера - вашего одногодка. Холёненкового такого, - следовала глубокая, с выщипыванием пылинок из френча пауза, - на Амур, топить. Руки за спину, камень на выю и всего-то делов. Вот и вы, молодые да красивые, а копни - идейно тухлые!” Особенно любил ветеран ставить идеологические мины на экзаменах.

- Платят ли колхозы за землю? - бил он студента лучшим подвохом.

- Нет, не платят, Иван Иосифович, - ответствовали многие как было учено.

- А если подумать?

- Подумал. Не платят, - стоял на своём всякий бдительный.

- Ну а между нами. Не для ответа, а как сам думаешь, - переходил на ласковый доверительный шёпот профессор.

- Так даром же вкалывают! Три шкуры дерут с колхозника! - срывал душу наш брат - не столичные.

- Два-два-два! - радостно всплескивал руками экзаменатор. Оценка была почти неисправимой, профессор любил в молодёжи ортодоксальную чистоту убеждений.

Его обжигающая привередливость повисла свинцовой гирей на показателях экономического факультета в университетском соревновании. Ветерана пришлось регулярно, на время госэкзаменов отправлять в командировки на родину героической юности, где он нашёл достойное применение идейного потенциала. В начале семидесятых профессор проходил одним из организаторов по нашемушему "якутскому" делу, связанному с присвоением номенклатурным нацменам фальшивых учёных степеней.

Творцы ускоренной коллективизации, пережив страх и обиду, бросились в ещё большее спасительное раболепие. Степным палом пошла по Уралу кампания единоклюнной поддержки сталинской статьи. Обкомовские верхи шустро отреагировали специальным документом о борьбе с перегибами. Низовка наперегонки продублировала бумагу. Чтобы сбросить пар, область пошла на тайные кадровые рокировки. В апреле 1930 года Уралобком ВКП(б) разослал на места секретное письмо, содержание которого не требует комментариев и выдаёт основополагающие принципы кадровой политики.

"В процессе коллективизации отдельные районные работники в связи с перегибами и ошибками, допущенными в этой работе, настолько дискредитировали себя в глазах населения, что дальнейшая их работа в этих районах навряд ли возможна и целесообразна. В то же время часть из них в другом месте могла бы быть использована на работе примерно такого же характера. Поэтому оргинструкторский отдел считал бы необходимым переместить скомпрометировавших себя работников в другие районы и округа".⁶

Работу "примерно такого же характера", как раскулачивание и выселение, партия не собиралась списывать в историю. Жестокость ещё долго будет определять политическую и хозяйственную атмосферу в деревне. Потепление было тактическим, надо же успокоить голодного мужика и переждать, пока он разбросает семена.

За массовым выселением крестьянства последовало массовое переселение рьяного начальства. С уполномоченными обошлись просто, их отозвали с мест привычного измывательства и с укоризной во взоре переадресовали в свежие палестины. Большая морока вышла с местными активистами. Откровенных бандитов, целую зиму терроризировавших село пьянками, погромами, стрельбой, насилием, следовало убрать как компрометирующий Советскую власть материал. Холостые и одинокие как-то смирились с вынужденным выдворением, надеясь покуражиться на новом месте. А вот семейным - хоть в петлю лезь! Семьи погромщиков напрочь отказывались ехать в чужие дали. Партийное же руководство оставалось непреклонным и ставило вопрос так - или едешь в другой район партийным активистом, или дома пойдёшь под суд за перегибы. Приходилось падать в ноги партии и деревенскому сходу. Первая жалости не знала. Во многие деревни приезжали ласково улыбающиеся и охмуряющие баб одинокие большевики.

Плечо территориального сдвига зависело от груза заплечных дел. Среднеозлобленных можно было разогнать внутри района или округа, особо одарённых в бессердечии разбрасывали по области. "Окружные организации и уполномоченные, - делится опытом секретарь, усидевший на месте, с однопартийцем сдвинутым, - помогали нам колбасить с коллективизацией и раскулачиванием... Обвиняя низовку, надо обвинять и верхи, что они взялись строить куриный социализм. Колхоз нам насаждали директивно, грозили. Благо, что все такие директивы я только выкурил".

Высшие партийные и судебные органы отступали, как и положено, последними. Обком партии, подо-

бострастно твердя о борьбе с перегибами, всё же предупреждал, чтобы на местах не очень широко ставили вопрос о добровольности вступления в колхоз. Демократия демократией, а терять голову за развал колхозов никто не хотел. Прокуратура даже огрызалась. "Во всех случаях агитации за выход из колхоза и разбор обобществлённого имущества, - страшал главный уральский прокурор Пальгов, - привлекать кулаков к уголовной ответственности по статье 58-10. Лиц, не относящихся к кулакам, - по статье 90-ой УК через статью 17... Участников самовольного разбора обобществлённого имущества - по статье 90-ой УК. Следствие по указанным делам проводить во внеочередном порядке, максимум в течение трёх суток".⁷

Сколь бы ни были оригинальными провинциальные сюжеты, тактический выверт вождя имел серьёзный резон. Вряд ли Сталин был только злобствующим сумасбродом. Не вызывает сомнения бесчеловечная природа общего большевистского замысла, но вместе с тем вынужден констатировать, что в экономической и аграрной политике многие жуткие его экспромты были по сути хорошо продуманными поступками. Большинство порождённых отечественным социализмом феноменов, я начинаю бесконечный ряд с колхоза, трудодня, сельхозналога, явилось сверхбиологически живучими гибридами изошрённого зла и уникальной российской простодырости.

Шоковая терапия тридцатых обошла страну, помимо материального и душевного оскудения, в миллионы каторжан и мёртвых. Ситуацию довели до упора. Сталин это глубоко понимал, он пользовался натуральной информацией, поставляемой ОГПУ, а не диетической газетной лебедой. Надеяться на только что созданный колхоз было смертельно опасно. В первый же год колхоз мог шутя заморить голодом (документы говорят - заморил бы) всю страну. А заодно и закрыть историю российского коммунизма. Последнее беспокоило больше всего. Пришлось проявлять гениальное предвидение и спасти дело Ленина от революционной одержимости провинциальных дураков.

Статья Сталина вышла накануне посевной. Пусть колхозный дезертир, легко читается между её строк, единолично и старательно отсеется. В колхозе, пока по его спине не подобран кнут, работы не будет. Пусть любовно, вытягивая поштучно хвосты осота, излелеет свою надежду. Лучше, если даже хорошо уберёт урожай. К тому времени идея сплошной коллективизации станет более плодотворной.

Не будем хулить Иосифа Виссарионовича за прежние многообещающие декларации. Тут он не первый и не последний. Это у наших лидеров в крови - сразу по восшествии на престол наобещать три короба изобилия, а потом, уловив различие между экономическим прогрессом и политическим нахрапом, до бесславной отставки или торжественного погребения жаловаться на объективные обстоятельства. Сталин хоть в одном был хозяином слова. В обещанной жестокости. Да и недобитый единоличник лет пять кряду спасал колхоз от преждевременной кончины.

Выложившись на общесоюзной карательной кампании и отведя душу на самых злоусердных её исполнителях, центральные власти отложили идею тотальной коллективизации на время и рефлектировали местное руководство только хозяйственными директивами. Стратегически идея приобрела несколько реформистский оттенок и мыслилась к реализации в ближайшие полтора-два года. В обещаниях быстрого процветания она напоминала неблагоприятно забытую прогрессивным человечеством программу "500 дней", отличаясь от последней словесным покровом и азимутом прогресса.

Признаки явной хозяйственной дебильности обнаружались у колхоза с раннего младенчества. Уже первая большевистская весна показала, что за зачатком в революционном хмелю детищем нужен глаз да глаз. Слабо выраженная реакция только на кнут на фоне прогрессирующего похеризма коммунаров требовала сугубого государственного попечительства и строгого воспитательного режима.

К теплу, когда национализированный кулацкий продукт был почти съеден, местные активисты заску-

чали и озлобились. Запрет на ежедневную конфискацию и заискивание Москвы перед единоличником восприняли подлым предательством интересов деревенского пролетариата, а потому насили на сбыт обобществлённого имущества. Торговали нажитым в классовых боях хозинвентарём внаглую, но как брокеры недавних времён рыночного романтизма - навязчиво и бестолково. Единоличники, боясь обвинений в укрывательстве и хранении кулацких вещей (за это полагался небольшой срок), требовали скидки за страх и обычно получали таковую.

Оприходованное высокоимёнными артелями добро, даже занесённое в неделимые фонды, оказалось весьма текучим и, несмотря на многообразие в хозяйственном применении, нашло всеобщий натуральный эквивалент - бутылку "рыковки". При отсутствии эквивалента госразлива принимались самодеятельные суррогаты, но с обязательным набором элементарной закуски. В районах, где голод уже наступил на хвост, конвертируемым товаром было съестное.

Первой разлетелась скопом оприходованная малоценка. Всякие там лопаты, пилы, хомуты и прочий легко укрываемый под полой инвентарь. Властям оставалось лишь констатировать врождённую порочную склонность коммунаров. Разводить судебные тяжбы по мелким хищениям оптом награбленного тогда не решились. Дело ограничилось злыми газетными сентенциями.

История неделимых фондов началась более содержательно. Реквизированное у кулаков жильё определили под сельсоветы, конторы, культовые учреждения или заселили победителями. Вскоре лучшие деревенские дома загадили до неузнаваемости. Хозяйственные постройки и поддающаяся лому фурнитура домов в первую же стужу пошли на дрова. Через год-другой сельские улицы стали щербатыми от пустырей с почерневшими и стонущими на ветру срубам, о теплящейся жизни в которых напоминали лишь многоочковые сортиры да коновязи для лошадей. Где-то тут и сформировался наш коммунальный стандарт - выбитые стёкла, осыпающаяся штукатурка,

следы срочно справленной прямо с крыльца естественной потребности и иные детали пролетарского быта.

Толкнуть на сторону сельхозтехнику оказалось сложнее. Обвинение в эксплуатации машин сразу гарантировало дальнюю дорогу, поэтому единоличники избегали даже разговоров на опасную тему. К радости новых собственников, отыскался неожиданный теневой рынок. Шла первая пятилетка, и в каждой деревне проходил большевистский фронт по сбору металлолома и утиля. Во имя высоких целей индустриализации сдирали оклады с икон и купола с церковью. Сдача утиля поощрялась морально и наличностью.

Коммуны "Коминтерн" и "Заветы Ильича" Далмаговского района выступили со щемящим душу почином - стали наголо стричь коммунаров, чтобы на сданные в утиль волосы купить трактор. Утопизм затеи обнаружился вскоре, шерстяной эквивалент "Фордзона" превышал сырьевые возможности отдельно взятой коммуны. Для его погашения надо было сотню хомоовец стричь ежемесячно в течение всей жизни. Конечно, эта высокая жертва не идёт ни в какое сравнение с аналогичными по форме действиями в двадцать девятом. Там кулаков кое-где стригли, чтобы подчеркнуть обратное - их социальную ущербность.⁸

Сознавая, что сдавать трактор или, к примеру, молотилку в натуральном виде неудобно, коммунары разбирали их до потери узнаваемости. В большом и показательном колхозе "Коминтерн" Шадринского района, сообщает типичное уголовное дело, перед посевной кто-то сдал в утиль один пуд свечей зажигания. По этой причине 19 из 23 тракторов простояли почти всю кампанию. Следствием установлено, что из сданного в утиль килограммов шесть-семь свечей были вполне пригодными. Не удивляйтесь единице учёта. Она взята из отечественной метрической системы, в основе которой лежат социально выверенные эталоны - бутылка водки, трудодень и пять лет строгого режима.

Непонятная властям дематериализация сельхоз-техники продолжалась до осени, когда ЦИК, во избежание подобного с урожаем, принял постановление о создании сельских судов. Действующим на общественных началах внебрачным детям Фемиды вменялось в обязанность пресекать вороватых строителей новой жизни. Пресекать до тех пор, пока у самого государства не дойдут до дела руки. В газетах постановление повсеместно прошло под холодящей интеллект шапкой - "Приблизить суд к населению!"

Выведенные на поля лошади легко плавали на ветру и, пугливо подёргивая впалыми боками, восторженно-печально, как дряхлый старик, дотянувший до ещё одной весны, смотрели в парящийся горизонт. В зимние месяцы раскулачивания на Урале забили около половины скота и рабочих лошадей. Осиротевшие кулацкие лошади, собранные на приспособленных под колхозный двор загонах, жутко голодали и стыли. К живой составляющей недельных фондов колхозники относились холодно. Скотину нельзя было продать, национализированных животных государство передало по акту и ввело для колхозов показатель выходного поголовья. Лошадь не разберёшь на реализуемые части. Кроме того, требуемый повседневно уход налагал на коммунаров неприятные хозяйственные заботы. Управляться с чужой скотиной никому не хотелось. В колхоз большинство вступало под кредит благой государственной идеи, что работать будет трактор.

В марте начался мор. В колхозные дворы пришла "сибирка" - сибирская язва, кося отощавших животных. Беспощадная идеологическая война, объявленная партией заразе, помогла не больше, чем приснопамятные телевизионные сеансы шарлопсихологов. Реального толку не было, но словесная терапия привычно находит собственную заслугу в выжившем поголовье.

К единоличным Игренькам и Савраскам судьба была милостивее. Чтобы не растаскивали заразу, хозяева посадили собак на цепи, а скот не выпускали из стаи даже в денники. На лошадях старались никуда не выезжать. Гостей принимали с неохотой. За два месяца

ца до полевых работ коней начали усиленно подкармливать. Для этого дела в каждом дворе берегли лучшую копёшку сена и овёс.

В эту весну всё делалось старательнее. Крестьяне тутром чувствовали приближающуюся беду. Да и как не чувствовать? Мужиков, азартных в труде до грыжи и потому продающих хлеб, власти упекли к белым медведям, а самые крепкие хозяйства пустили по ветру. Колхоз? Какие там работники! Артельная суэта вызывала печальную улыбку. Кормить Россию, чесалась в затылке каждого единоличника мысль, придёт-ся теперь ему. Достанется ли что-то самому?

Сев начали позднее обычного. Заворожённые высокими темпами коллективизации, власти ещё зимой передали земельные наделы кулаков колхозам. Дабы споспешествовать прогрессу, у единоличников отобрали лучшие и ближние к деревне наделы. Чёрный передел глухозимья исходил из того, что колхозы должны получить компактный земельный массив пашни и угодий, что единоличник если к весне не вымрет, то станет существом редкостно диким, коего можно загнать в медвежьи углы. Ну и последнее - кулака земельного надела совсем не положено.

Весной блестящую идею покорило. Дарованную артелям землю коммунары не смогли бы вспахать до самой осени. Единоличникам впору было уходить в хутора. Ещё деликатнее обстояли дела с кулаками. Прямо скажу - кулак есть категория, вытекающая из распределения. Как производящая особь он вызывал даже скрытое уважение. Поэтому на посевной он как бы растворялся в общей крестьянской массе, и настоячивые требования партии сеять больше адресовались именно ему. Вот когда делили урожай, его омерзительный образ моментально всплывал в партийных директивах и газетной лексике. Случалось, что районные газетёнки в мае хвалили мужика за успехи в посевной, а в декабре его же чистили, только шуба заворачивалась, как злостного классового врага. Уж потом пришла цензура с хорошей злой памятью.

Когда я слышу от ностальжирующей публики, что социализм далеко не исчерпал своих возможностей,

внутренне соглашаюсь, но обращаю тоску не к экономике, а к биологии. Ведь найди мы такую комбинацию хромосом, которая давала бы идеальный гибрид кулацкой трудоспособности с потребительской неприхотливостью колхозника, сейчас бы отдыхали на пенёчке, поджидая отставшие цивилизованные страны. А на путях экономического дарвинизма, то есть отбора и культивирования ударников, социализм дал крен на хрен.

Запоздавшие землеуказания оказались простыми и понятными. Предписывалось наделить землёй в первую очередь колхозы, а потом всех способных сеять, исключая подлежащих ссылке. При землеустройстве колхозов следовало пока не ущемлять интересов единоличника и вернуть наделы. Земли на Урале хватало всем. Проблема состояла не в дефиците земли, а в её избытке. Выкинуть из хозяйственного оборота осиротевшие земли сосланных было бы катастрофой. Следовало найти тонкий психологический ход, чтобы закрыть зияющие бреши и заставить увеличить посевы колхозов, это было маловероятно, и единоличников. Партия и на сей раз оказалась на высоте.

Руководствуясь ленинской идеей, что борьба за хлеб есть борьба за социализм, коммунисты даже в самые яркие моменты борьбы с перегибами не разрешали возвращать единоличникам конфискованный хлеб. Вернули всё, даже скот. Но за хлеб держались зубами, ибо отступление от ленинизма прежде всего вредит партийному желудку. Никаких аргументов в свою защиту не придумывали. Не отдавали и баста! Есть фундаментальный вопрос и более важный, чем идеологические пузыри, в ответ на который партия будет озлобленно молчать до самой могилы. Это вопрос о её собственности. В голодной стране собственность на хлеб равносильна абсолютной власти. События первой колхозной посевной можно принять доказательными.

Прежде всего, с подачи райкомов партии колхозам установили впечатляющие планы, чем прямо-таки обескуражили свободолюбивых коммунаров. Под этот план из обобществлённого и награбленного хлеба

им дали семенную ссуду. Своего хлеба колхозники не имели, что объясняет их спекулятивные наклонности. Выдавали, чтобы те не злоупотребляли государственной милостью, строго по норме высева и врасстяжку, по мере засева площадей. В обмен на услугу требовали с колхозов обязательства по будущей хлебосдаче и контрактации других видов продукции.

Колхозники заволновались, но голод не тётка. Согласившимся жить с властью дружно пообещали продовольственную ссуду, увязав её пропорциональной связью с планом посева. Дальновидное государство хлеб по ссуде не выдало. Получивший хлебную ссуду мог и разочароваться в колхозе. Коммунаров перевели на режим прикормышей, выдавать продукт стали почти горстями, требуя взамен политической привязанности и мелких текущих услуг.

Семенную и продовольственную ссуду дали под процент и отнесли на долги колхозов. Вкупе с долгами кулаков, переписанными на колхозы при передаче в неделимые фонды кулацкого имущества, сложилось огромное отрицательное сальдо. Ещё до начала производящей деятельности. К слову сказать, последняя никогда не давала артелям барыша, а только глубже загоняла в ошеломляющие долги. Сумма колхозного долга легко перекрыла бы величину мирового валового продукта, не будь ежегодных списаний. Мы детально рассмотрим шестерни того перпетум мобиле, неисчерпаемый потенциал которого рождается из братской дружбы вечно убыточного колхоза и безгранично щедрой Советской власти.

С единоличниками дела повернули более виртуозно. Обобществлённое зерно им твёрдо пообещали вернуть. Под план посева, который тут же сообщили истцам. У тех глаза полезли на лоб, он явно превышал всякие возможности. Желание властей переложить обработку земли сосланных на плечи оставшихся угадывалось с подхода. Итак, чем больше посеешь, тем больше своего хлеба вернёшь. Семматериал выдавали опять же врасстяжку и под контрактационные листы, то есть обязательства на запродажу урожая.

Совершенство материальное стимулирование, власти пообещали, что при выполнении плановых посевов остатки единоличного зерна будут возвращены на продовольственные нужды. Когда некоторые, вытянув жилы, засеяли требуемое, дело упёрлось в новую инициативу. В ряде районов возвращение хлеба оговорили выполнением не индивидуальных заданий, а планов по сельсовету. Выходило так, единоличники должны были засеять ещё и колхозные поля. “Ну не даром же, - успокоили вставших на дыбы мужиков, - за деньги!” “Будут деньги!” - заверили тех, кто справедливо усомнился в платёжеспособности колхозов.

Коммунары встретили партийную инициативу с восторгом, походя побросав семена в землю, коллективно запили. Пьянствовали, по сообщениям из аграрных районов, аж до Петрова дня, Придавая информации политический аромат, уполномоченные добавляли, что коммунисты повсеместно пьют вместе с колхозниками, но подают мужикам классовые враги. “Кулаки здесь действуют главным образом в направлении ослабления трудовой дисциплины в колхозах. Они прибегают к массовому спаиванию колхозников, те пьют иногда по нескольку дней”.⁹ Взято из сообщения уполномоченного по Ирбитскому округу.

Колхозников такая версия устраивала. От выпивки они ни в коей мере не отказывались. В оправданиях же прибегали к проверенной методе алкаша - клятвенно обещать жене исправиться и хулить друзей-собутельников, совративших его на пьянку. Не знаю, верят ли в то жёны, но власти находили аргументы убедительными, так как они придавали абстрактному образу классового врага отвратительные живые черты.

Первый большевистский сев в конце концов закончился. С божьей помощью, а погода всю весну стояла благоприятная, и партийной мудрости ради запланированное почти забросали. Но сев затянули на две недели. Колхозники расписались совсем, и наёмные единоличники, измотавшись на своих полосах, еле добились общественный клин. Около трети колхоз-

ных посевных площадей. Последовательность хозяйственных операций смялась. Выползали с полей, когда уже закончился объявленный партией месячник животноводства.

Газеты сменили гнев на восторг и не находили меры в описаниях массового колхозного героизма. Дефицит реального материала давал широкий простор индивидуальному творческому воображению или заставлял находить возвышенное в рядовой деревенской дури. “Крестьяне села Ачикуль Белозерского района Колосов Егор Константинович, 77 лет, бедняк, и Меньщиков Яков Филиппович, 80 лет, середняк, объявили себя ударниками на период подготовки и проведения посевной кампании. Ударники организовали три колхоза в соседних деревнях Большом и Малом Заполях...” К концу июня эпический оптимизм круто взлетел к рапортам о трудовых подарках партийному форуму. Вроде того. “Колхоз “Социалист” (Глядянский район) засеял три гектара льна имени шестнадцатого съезда ВКП(б)”. Конечно, это не досрочно задутая домна. Но с паршивой колхозной овцы в радость и шерсти хлопок.

А теперь о самом съезде. Исключительно для того, чтобы сравнить изложенное с партийной версией. Поздней весной тридцатого все газеты поместили сообщение, подписанное Сталиным, о том, что съезд переносится с пятнадцатого на двадцать пятое июня. Причиной переноса указана затыжка с севом, производная якобы из-за неблагоприятных (простим вождю лёгкую ложь) погодных условий.

Несмотря на казус, съезд прошёл в высоком оптимистическом режиме. Всем было воздано должное. Из речи генерального секретаря ЦК ВКП(б), полной искренней классовой ненависти ко всему зарубежному миру и нечисти отечественной, мне больше всего понравился заключительный аккорд, фрагмент которого и привожу. “Я мог бы сказать, - и сказал Иосиф Виссарионович, - что мы достигли потрясающих успехов, но я не люблю пугать людей и потому скажу: мы достигли благоприятных результатов, ибо достигнутое нами лишь слабый прообраз того, что ещё увидит в

ближайшие годы мир... Вы ещё узнаете, мистеры и джентльмены, какие вещи на языке большевиков называются потрясающими¹⁰.

Не берусь судить о других сферах, но в пределах того материала, о котором идёт речь в данной книге, вождь был совершенно точен. Что там подворные шмоны двадцать восьмого или вседеревенские погромы тридцатого в сравнении, скажем, с голодомором тридцать третьего? Так, лёгкий испуг. Сотрясающий человеческое сознание эффект даёт сравнение каких-то двухсот тысяч ссыльных, принятых Северным Уралом к открытию съезда, с несколькими миллионами спецпереселенцев и зеков, нашедших тут свой конец в годы последующие.

Пухлые уголовные дела доколхозных времён с многочисленными протоколами допросов, свидетельских показаний и прочей бумажной атрибутикой ради мизерных трёх лет заключения по-большевистски просто смешны. Для знакомого с материалами тридцать седьмого они кажутся лёгкими, со счастливым концом детективами. В подрасстрельных по преимуществу делах тридцать последних жестокость нашла лаконичную, отшлифованную опытом форму. Документальная память о убиенных исчерпывается пятьюдесятью страницами, включая титул, и логически строга. Донос - обвинение - выписка из протокола "тройки" - сопроводилка в НКВД - акт о применении ВМН (высшей меры наказания). Первая бумага обычно ложна по существу, последняя соответствует действительности, а промежуточные подложны, так как сработаны после смерти обвиняемого.

Доклад наркома земледелия Яковлева был весьма содержательным, развивая сталинскую угрозу мистерам и джентльменам вглубь, он показал, что на языке большевиков называется благополучными результатами. Нарком традиционно начал с общего кризиса капитализма, который, к счастью, имел место быть. Тот факт, что американское сельское хозяйство переживает массовую тракторизацию и техническую революцию вообще, он отнёс к историческим случайностям и концентрировал своего внимания на том не стал.

Любые реверансы в сторону Запада воспринимались явными симптомами идейного перерождения. Да какой там Запад? Робкие сторонники НЭПа уже сидели под колпаком ОГПУ.

Хроническими пороками американской экономики были названы частная собственность и капиталистические отношения. Первая, по мысли докладчика, делала фермера жертвой корыстного интереса и препятствовала эффективному использованию техники. В самом деле, трактору не разбежаться на фермерских наделах, и поэтому хвалёной американской технике уготована судьба простаивать большую часть времени. Делегаты от души пожалели заокеанских пролетариев и логически вышли на главное преимущество социализма. На обобществлённой шестой части суши трактор можно сутками гнать в одну сторону.

"Вот почему, - укрепил правильные выводы нарком, - несмотря на то, что мы посадили на трактор малограмотного батрака, вчера ещё по 16-18 часов гнувшего спину на кулака, он, этот батрак, даёт вчетверо большую производительность трактора, чем цивилизованный американский фермер. Вот почему наш темп создания крупного хозяйства не имеет прецедентов в истории человечества, он подлинно невиданный в истории мира"¹¹.

В доказательство исторической уникальности нарком заявил, что в первую весну массового колхозного сева при меньшем, чем у американцев, числе тракторов налицо прирост площадей в двенадцать миллионов гектаров, что колхозы и совхозы по посевам заменили помещиков и кулаков. И, не давая сопартийцам выйти из оптимистического коллапса, выложил: - "В машиноснабжении сельского хозяйства мы уже в будущем году не только догоним Америку, но уже и перегоним!" Зал стонал. Будучи опытным политиком и чувствуя, что нагородил лишка, Яков Аркадьевич осторожно глянул в президиум и успокоился. Там азартно и в такт бушующей публике аплодировали.

Нарком Яков Аркадьевич Яковлев, под настоящей фамилией - Эпштейн выступать в качестве нар-

кома земледелия было как-то неуютно, не вбил и кола в собственном подворье, но постарался вбить осино-вый кол в могилу миллионов крестьянских семей. Ему - активному соавтору программы раскулачивания - были хорошо известны геологические масштабы трагедии, сделавшей легковесным предшествующий набор человеческой жестокости. Поэтому он и нёс политическую дребедень до последних дней на Лубянке.

Врал про прирост колхозных площадей. То были различные посевы озимых, переписанные колхозам при раскулачивании. Туда же пошли озимые единоличников, которых спихнули с лучших земель безо всякой компенсации, и весенние посевы кулаков третьей категории. "Допустить в отдельных областях, края как временную меру, - распорядился накануне посевной Наркомзем РСФСР, - прекращение на время сева расселения третьей категории кулачества и оставления в данном селе..."¹² Последние, во всяком случае на Урале, самовольно засевали поля в надежде, что государство образумится. Умирать собираешься, а рожь сей. Треть колхозных полей, надо вспомнить и это, засеяли по найму единоличники.

Сравнение производительности фермера и колхозника, теперь знает каждый, неприлично. Некорректно, сказал бы математик. Они живут и работают (второй - робит) в совершенно разных измерениях. Как, скажем, человек, строящий себе дом и копающий себе могилу. У первого мериллом деятельности выступает личный достаток и удовлетворение трудом рук своих. У второго погектарное остервенение принудиловки находит, в лучшем случае, выражение в артельных долгах.

Что до батрака, вчетверо превышающего выработку американского фермера, его следует отнести на голый вымысел наркомствующего инородца. В колхозах работников, способных хотя бы сносно управлять техникой, не осталось. Бывшие владельцы-эксплуататоры валили лес в краях северных. Свежие механизаторы-однодневки умели только заводить трактор и садились за него больше для форсу. Маши-

нами было вспахано менее шестой части колхозных площадей. Именно поэтому сразу после посевной тридцатого тракторы у колхозов отобрали, ссылаясь на необходимость концентрации техники в руках государства.

В совхозах и МТС дела обстояли не чище. Архивные тома донесений с мест трафаретно свидетельствуют о хамском отношении к технике и труду вообще. Откуда там взяться добросовестным да опытным механизаторам? Из мобилизованного силой единоличника, принуждённого работать на отобранной у соседей или родственников машине? Из пригнанного вместе со скотом кулачонка третьей категории, родители которого горбатились, к примеру, на шахтах Еманжелинки?

План посевных работ по всему хозяйству и отдельным экономиям, привожу фрагмент донесения из самого крупного на Урале Макушинского совхоза, сорван. Причина - слабая организация работ и преступное отношение к технике. Простаивает большинство тракторов. Механизаторы ленивы и технически безграмотны. За руль трактора, детализирует обстановку уполномоченный, они охотно садятся только в стадии опьянения выше средней. А потому за посевную запероли четырнадцать тракторов. Один бусой троцкист умудрился загнать трактор под паровоз. На момент сообщения из 36 тракторов, числящихся на балансе совхоза, условно исправны только 10-15 машин.

Пишу эти строки исключительно для горожан, упрямо верящих в золотой век колхоза. В деревне каждый знает, что активная деятельность колхозного механизатора имеет место в двух случаях, - когда надо что-то привезти лично себе или слетать по бездорожью на "Кировце" в соседнее село за водкой. На работе он, как друг пустынь - туарег, довольствуется пустым и спокойным течением времени, не подталкивая его грешной суетой.

"В момент сева, - взято из доклада уполномоченного по Щучанской МТС, - кулачеству удалось через подкулачника повлиять на трактористов, которые сде-

дали забастовку. Бросив работу в самый ответственный момент, они предъявили требование - "Даёшь паёк и спецодежду!" Все сроки, намеченные планом окончания работ, МТС были сорваны. И это не смотря на то, что планы были лёгкие, преуменьшенные, с недоучётом всех возможностей, рассчитанные на показуху и пустую эффективность".¹³ Помимо традиционных причин - кулачества и лени сельских тружеников - назывались и сугубо местные. За год в районе сменилось пять секретарей райкома партии и четыре председателя райисполкома.

Чертогон объяснялся просто. Щучанский район, вспомните, был выбран для срочного создания образцового агрогорода, своеобразного показательного соц-рая. Москва отпустила на это деньги. Через год реальными оказались только затраты в двести тысяч рублей и несколько пухлых дел о казнокрадстве.

Кадры решают всё. Это когда надо заставить. Если власть финансирует создание вечного двигателя, кадры воруют всё. Многократные персональные перестановки не придали розовому миру материальной ощутимости, и столица плюнула на затею. Вороватые щучанцы оказались недостойными раньше других вкусить от социализма, и их задвинули в общесоюзный строй.¹⁴

Изучив трудовой тонус колхозов, совхозов и МТС начала тридцатого, я понял методику сметливого наркома. Выпестовать из апатичного коммунара героя полей можно было простой арифметической операцией - разделить площадь колхозных посевов, сотворённых по преимуществу его классовыми антиподами, на число тракторов. Ошеломляющая производительность вчерашних батраков, таким образом, вытекает не из раскрывшейся при социализме одарённости оных, а из инстинктивно жуликоватой природы агро-вождя.

На методику Эпштейна можно было выйти сразу, вспомни я житейский эпизод пятнадцатилетней давности. Мой приятель по МГУ, поседевший в малонаучных сотрудниках академического института, в ответ на сочувствие по поводу его мизерного оклада нежи-

данно возразил. "Моя зарплата - предмет искренней гордости. Те двести рублей, - пояснил он, - которые ты считаешь месячным окладом, я зарабатываю в день, потому как на работу хожу только в получку. Ты посчитай, дорогой, сколько бы вышло, ходи я на работу ежедневно!"

Свой огромный потенциал он использовать не успел, в андроповскую кампанию его вычистили из номенклатурного заведения. Редкое сочетание яркой еврейской внешности с выдающейся ленью - не лучший, согласитесь, судьбоносный фактор. Возразил он тогда в шутку, выперли его всерьёз, а стремление убежать от конечных фактов нищенского бытия в мир статистически абстрактных радостей всегда было неотъемлемой чертой хомо советикус. Занесённые в актив тонны чугуна и цемента, произведённые на душу населения, вкуче с пассивом неоплаченного долга (общественного, партийного, гражданского и т.д.) обеспечивали устойчивый баланс советского патриотизма.

Вернёмся к докладу Яковлева на съезде. Подчеркнув то обстоятельство, что фермерам приходится работать под властью капитала и в условиях жесточайшей конкуренции, опираясь на выводы ещё более компетентного агрария - Ленина, нарком быстренько нащупал хиреющую тенденцию американского сельского хозяйства. Делегатам были приведены убедительные тому факты. Фермерские хозяйства погрязили в долгах, а сами американцы вынуждены сократить душевое потребление мяса на один процент, а хлеба даже на двадцать. Возросшее потребление овощей, фруктов и сахара нарком и сам не понял, потому отнёс сие на свойственные американской истории казусы.

После съезда стратегия уступила место суетной тактике, вряд ли достойной высокого слога. Единичники готовили инвентарь к страде, косили и метали сено. Тёплая до ломоты в костях работа отвлекала от грустных дум. Погода стояла на удивление хорошая, а посевы даже радовали. В колхозе трудились веселей. Тут развернули ударный заготовительный фронт, отдельный фронт борьбы с кобылкой, была

объявлена всесоюзная силовая неделя. На рытьё траншей выходили как на митинг, под флагами. Правда, хозяйственные марши требовали индивидуальной побудки и настойчивого приглашения каждого колхозника. Примитивные формы тыловой идеологической поддержки коммунары пока игнорировали.

Газеты, придавленные скучными съездовскими "кирпичами", ожили и несли мелкую политическую чушь. Поругивали папу римского, призывали комсомол к силосоходу, выпукло подавали успехи мирового пролетариата. Для вящей убедительности последних сообщалось о появлении советских денег в освобождённом китайском городе Тун-го. С изображением Маркса и Ленина. Крупные фотографии купюр давали основания полагать, что у каждого из классиков хотя бы один из родителей был китайцем.

Отечественные деньги в ту пору пережили инфляционный обморок. Весной тридцатого неожиданно из обращения исчезла мелочь. "Недостаток разменной серебряной монеты, - читаем информационную сводку ПП ОГПУ по Уралу, - начал ощущаться с апреля 1930 года. К концу мая из обращения совершенно исчезли серебряные полтинники, а в течение мая-июня назрел кризис мелкого разменного серебра... Следствием этого у обывателей и крестьянства появилось паническое настроение. Примером тому могут служить такие явления. К концу июля около магазинов Госшвеймашина, ЦРК и Уралторга стояли громадные очереди крестьян, скупавшие всевозможные машины, вино, пудру, одеколон и другие товары, кои мало применимы в крестьянском быту, словом, покупали исключительно всё, что только можно купить, лишь бы истратить бумажные деньги...

Крестьяне сбывали свои продукты за серебро в шесть-семь раз дешевле, чем за бумажные деньги. Около касс, магазинов, железнодорожных касс и других учреждений стали появляться громаднейшие очереди в ожидании получения мелкой разменной монеты".¹⁵

Тогда не стали искать причин инфляции денежной бумаги в финансовой политике правительства, проле-

тарское государство ошибаться не может. И не развондидили парламентских дебатов - кто виноватый. Враг был один и явный - контрреволюционный элемент. Дело, естественно, поручили ОГПУ. Уважать советский рубль мы заставим, заверили чекисты и оказались на высоте финансовых задач.

"Вследствие создавшегося кризиса с мелким разменным серебром, - излагает гепеусовский отчёт, - по области проводятся массовые операции с целью выемки серебра. Всего подвергнуто обыскам по состоянию на 30 августа 19169 человек, из них: кассиров - 1327, валютчиков - 422, торговцев-спекулянтов - 7582, служителей культа - 375, кулаков 1025, лишенцев, домовладельцев - 8438. В результате обысков изъято мелкого разменного серебра советской чеканки на 87 616 рублей, старой чеканки - 6 894 рубля, золота старой чеканки - 7 931 рубль, инвальюты - 660 долларов, платины - 1 фунт. Кроме того, изъята масса ценностей - мануфактура, мыло, чай, сахар и другие дефицитные товары... Отмечается перелом в обращении мелкой разменной монеты (серебра) как на частном рынке, так и в кассах госучреждений. Наблюдавшиеся очереди в июле и августе постепенно уменьшаются".

Выемкой заниматься мы умеем лучше других. И вожжами-пророками вроде не обделены. Но нет, по поганой людской природе слабы к чужому стороннему мнению. Что тут сорить словами, самые амбициозные лидеры советского строя всегда играли на зарубежную публику и внешне внимание ценили несравненно выше мнения родной общечественности. Когда из-за кордона на нас смотрели откровенно зло или с издёвкой, приходилось анонировать чувство глубокого самоудовлетворения.

Монолит принудительного единодушия рассыпался на сварливые оттенки, каждая политическая группировка, претендующая на всё сразу, - "есть такая партия!", ищет своё реноме во мнениях закордонных авторитетов. Как жить России, там знают все. От специалистов по макроэкономике и бизнесменов до падших политических фигур. Одни хотят помочь искренне, другие суеются ради кармана и имиджа. Так

что любой, тоскующий по русскому Гитлеру, или мечтающий о близкой копии лощёного британского парламентаризма, найдёт совет да любовь. Если по причине пещерной дикости идеологических установок не находятся чистокровные зарубежные пророки, помогут эмигранты последней волны, кои, вкусив от гомосексуальных свобод, припали блудными сынами к стопам сталинизма.

В тридцатом тоже не преминули сослаться на чужие авторитеты. Газеты густо публиковали зарубежные отклики на коллективизацию и партийный съезд. В сколь-нибудь серьёзной западной прессе оценки были однозначно суровыми, тут отечественная информация исчерпывалась виртуозно вырванными из контекста предложениями, искажающими общий смысл. Преимущественно тиражировались отклики коммунистических и очень левых газетёнок, способных, как известно, на ложь необыкновенную. Их мнение и выдавалось за глас народный.

По весне все газеты до районов излагали точку зрения американского фермера Томаса Кемпбелли, который посетил Советский Союз. Сомлевший от ласки и внимания со стороны высших партийных чинов, он заявил, что в ближайшие два-три года (к самой голодухе) СССР станет крупнейшим производителем и продавцом хлеба на мировом рынке, а Америку ждут продовольственные трудности. "Наголодуются бедолаги!" - жалел заокеанских мужиков читающий соотечественник. С американцами нам в прошлом не пришлось повоевать, поэтому и Советская власть ненавидела их меньше других. До сорок пятого.

В ту же пору начали усиленно завлекать рабочую силу из-за рубежа для оказания помощи крестьянству в организации крупного производства. Советский человек очень одарён в понимании исторических закономерностей, но простительно слаб в хозяйственных мелочах, чтобы себя прокормить. Кое-кто тогда приехал. Позднее все они попали под гильотину НКВД, усмотревшем в каждом иностранце шпиона. Струйкой тающей памяти о жутко обманутых оста-

лись подрасстрельные дела с необычными фамилиями обвиняемых.

К августу месяцу число колхозных дезертиров возросло. Видя ужасающую бесхозяйственность первых колхозных месяцев, многие артельщики, державшие раньше единоличный двор, начали беспокоиться. С тоской сравнивали ухоженный частный скот с обобществлёнными доходягами. Особенно больно было смотреть на бывших своих коров, иногда по привычке заходивших в родной двор. Бабы тихо ревели и упрашивали хозяина забрать отощавшую скотину из колхоза. На социалистические поля пала кобылка, луговой мотылёк и прочая антиагрономическая нечисть. Вдобавок к тому ленивые колхозные пастухи часто загоняли скот на поля, а ночами там же навадились пасти лошадей единоличники. В некоторых колхозах, сокрушались уполномоченные, хлеба выбиты до такой степени, что убирать будет нечего.

Бог иногда вмешивался в поступательное движение советской действительности. В том году он помог Советам - хлеб уродился по всей стране. Но заявления о выходе из колхозов к уборочной пошли стеной. К пугающей бесхозяйственности добавился страх за судьбу урожая, подписанные по весенней голодухе контрактационные листы не давали спокойно спать.

Хлеб стоял на подходе, и поэтому с разочаровавшимися в социализме заговорили по-иному. Сразу после съезда газеты снова зашумели о новом подъёме и самым крупным шрифтом обещали "ударить по черепу оппортунистам, сдерживающим массовое колхозное движение". За что же били нас, размышляли кадровые активисты, пострадавшие за перегибы.

Предателям и дезертирам, именно так называли подавших заявление, с протокольным звоном в каждой фразе разъяснили, что колхоз не проходной двор, а социалистическое предприятие. Ни о каком выделении индивидуального надела из колхоза, если даже сеял единолично, не может быть речи. Хлеб есть достояние колхоза, а у последнего перед государством особые обязательства. Увод "своего" скота с общественного двора, зловеще предупреждали газеты, есть

уголовное преступление. Бывшая частная скотина ела колхозные корма, пила воду, претерпела колхозный уход. Всё означенное делало её вполне социалистической скотиной. А неделимые фонды потому так и называются, чтобы быть священными и неприкосновенными.

Упрямым и ссылающимся на Устав пообещали рассмотреть просьбы о выходе по окончании хозяйственного года. И обязательно на общем собрании. Забегая вперёд, скажу, что сюжет сложился как в повести "Волк" Гарина-Михайловского. Коммунары, вошедшие в колхоз на манер нынешних номенклатурных акционеров - только с "интеллектуальной" ответственностью, не хотели терять ни работников, ни их имущества, и легко этого добились, завернув такие условия выхода, после которых оставалось только лезть в петлю.

Первая большевистская осень оказалась не менее интересной и содержательной, чем сев. В середине августа вышло постановление ЦК ВКП(б), в котором напоминалось, что "основной задачей хлебозаготовок является полное и своевременное выполнение государственного плана и соответственно этому выполнение установленных районам планов". Чтобы всколыхнуть массы, предписывалось "провести широкую работу среди колхозников под лозунгом - "ни одного пуда хлеба колхозников на частный рынок для спекуляций!" Установить обязательные твёрдые задания по сдаче хлеба государству со стороны хозяйств из кулацко-зажиточной части деревни".¹⁶

Отощавшие на лебеде и витаминной свёкольной ботве колхозники вышли на поля дружно. Разгадавши причину массового энтузиазма, уполномоченные писали вверх, что коммунары государственного интереса не имеют, а из первых же намолотов пекут хлеб и растаскивают зерно по домам. Сбив голодную выть и закладывая традицию, колхозники так же дружно запили. О том, что общественный продукт идёт на самогон, местные власти боялись сообщать.

"Во многих сельских Советах как Бишкильского, так и Еманжелинского районов, - "строго секретно"

доносит уполномоченный в обком партии, - в особенности в социалистическом секторе, хлеба до 20% стоят неубранными. Сжатый же хлеб почти целиком находится в поле и в значительной мере лежит несвязанным".¹⁷ Посланец партии видит основную причину задержки в массовых пьянках.

"В деревне Белоярка (Верх-Теченский район), - это "секрет" из другого района Урала, - в коммуне не убрано 40% хлеба. Между тем, в день местного престольного праздника - Фрола вся деревня и все коммунисты пьянствовали четыре дня. В селе Чатлык в престольный праздник всё село и многие из близлежащих сёл гуляли пять дней. Гуляли колхозники и коммунисты. Хлеб же стоит неубран, колхоз вынужден нанимать на уборку хлеба за бешеные деньги..., платят единоличникам за уборку гектара по 16 пудов пшеницы".¹⁸

Коммунар пьёт с первых дней колхозной биографии. Здесь национальное крупно совпало с революционным. Пили уральские мужики и раньше, но не в страду или посевную, когда день год кормит. Обождём с обвинениями и в адрес братьев-мучеников Фрола и Лавра. Чтобы понять причину хозяйственной апатии и запоя артельщиков, надо заглянуть в деяния святых от коммунизма.

"Отмечая неудовлетворительную сдачу товарных излишков хлеба колхозами, - отчитывал Молотов секретаря Уралобкома ВКП(б) Кабакова в секретной директиве от 4 сентября 1930 года, - считать необходимым обязательное выполнение колхозным сектором до 1 октября не менее 75% годового плана сдачи зерновых культур... К задерживающим свой хлеб применять самые жесткие меры воздействия путём закрытия кредитов, прекращения отпуска сельхозмашин, предания суду негодных руководителей колхозов, срывающих план пролетарского государства".¹⁹

К единоличникам отношение было совсем плёвым. Приведу лишь один газетный абзац, дающий представление о предмете разговора. "С кулаками нам церемониться нечего, мы у них должны взять весь урожай хлеба, и кто пытается доказать, что в отноше-

нии кулака можно сделать “перегибы”, тот ничего не имеет общего с интересами пролетариата, тот за кулацкое хозяйство и не хочет ликвидировать кулачество как класс. Борьба за хлеб - борьба за социализм. Эти слова тов. Ленина надо помнить. Надо объявить самую беспощадную борьбу кулацким шпионам и всем тем, кто даёт побрякушку кулаку, кто думает, что “кулак вращается в социализм”.²⁰

Газета бьёт дуплетом по своим и чужим. Дело в том, что к тому времени в партии развернули травлю Бухарина и Рыкова. Какое, казалось бы, дело провинциальной газетке до московской свары? Есть, да ещё какое!

Алексея Рыкова командировали на Урал для участия в партийной конференции. Обычная практика. Сопутствующую визиту экзотику на глаз не схватить. На Урал правого уклониста отправляли за тем, чтобы местная кадровая шелупень над ним хорошенько поиздевалась. В добром случае цековского гостя не знали бы чем накормить, чем изысканно напоить и какую бабу подставить. А тут голый протокол. Доклад Рыкова слушали, наливаясь ядовитыми чувствами. Науськанный Москвой секретарь Уралобкома ВКП(б) Кабаков с первых слов начал придирается к сказанному и ломать принципиальность. Последующие... Кто был на партийных собраниях, вспомнит как это делалось.

Единоличники имели богатый опыт прошлых хлебозаготовок и в иллюзии не впадали. Рыкова они знали по “рыковке”, то бишь хорошо знали. В России автор любой народной водки может рассчитывать на уважение, будь он даже сволочью махровой и политиком. Деятель с подчёркнуто трезвым уклоном, наоборот, подозрителен. На том основании, что сам богом обижен и другим мешаешь жить содержательно. Если бы вместо Сталина поставили Рыкова, мечтали тогда колхозники, и водка была бы дешёвая, и нас бы отпустили по домам. Мечтая о том же, единоличники скорёхонько обмолотили первые подошедшие полосы и растащили зерно по потайным норам.

Злеющие день ото дня газеты нагоняли уныние на тех мужиков, которые по весне поддались увещеваниям властей и расширили посевы. В очередной антикулацкой истерии они разглядели явную угрозу. На фоне обнищавшей до порток деревни их хозяйства теперь смотрелись вызывающе зажиточными. “Имеются случаи, - читаем в сообщении из районов бывшего Курганского округа, - отказа кулаков и зажиточных от выполнения данных им заданий, от уборки урожая, от молотбы хлеба”. Перед фактом подлого обмана и перспективой ссылки опускались у мужика руки. Бежать от весенней голодухи в Сибирь - ещё куда ни шло. Но бежать от выращенного тобой хлеба приходилось впервые.

А активисты забегали со свежей партийной ксией - письмом ЦК ВКП(б) “О коллективизации”, ругающем местных партийцев за оппортунистически понятый принцип добровольности и пассивность. Категорически требовалось “добиться нового мощного подъёма колхозного движения”. “Между крестьянами, - донесение из Шадринского округа, - поднялась волна суждений о том, что “сами призывали больше сеять, освобождали от сельхозналога дополнительную площадь, а теперь зачисляете к кулацким хозяйствам”.

Колхоз был ещё юношески глуп. Коммунары с первых же намолотов с воодушевлением принялись за распределение. В колхозе все должны быть сытыми. Движимые этой благой целью, подсчитали число артельных ртов, прикинули с запасом годовую потребность на каждого человека и семью. Выходило где-то по 15-20 пудов на едока. Оставалось и на хозяйственные нужды. Тихими августовскими вечерами деловито развешивали тёплое зерно по кулям и развозили. Колхозное будущее обретало книжные социалистические черты.

Государственная концепция колхозного рая, однако, никак не стыковалась с деревенской утопией. Поэтому распределение по едокам, как и всякая распределительная самодеятельность, жутко не понрави-

лось Москве. Не для откорма коммунаров создавался колхоз.

Идея оплаты по трудодням гуляла ещё по отделам Колхозцентра, обрастая нормативным содержанием. Но, предвидя возможные посягательства на обобществлённый корм, сие учреждение загодя, ещё в июле месяце, всегазетно и толково разъяснило колхозникам суть социалистического распределения. В первую очередь колхозам предписывалось выполнить обязательные планы хлебозаготовок и покрыть сельхозналог. Потом у каждого колхоза есть перед государством долги по семенной и продовольственной ссуде и просто долги. Последние, поистине - долги не пропьёшь, были переписаны на колхоз с кулаков при передаче награбленного имущества в неделимые фонды. Не забыло государство и про зарплату единоличников на севе.

Летом газеты выкурили не читая. А зря! Когда по осени принципы распределения довели до каждого, в организме колхозника опустилось всё. Между страдой и етбьей разверзся бездонный государственный карман. Урожай не покрывал и половины требуемого. А там ещё надо создавать семенной и страховой фонд. Даже фуражный фонд, в насмешку над колхозником, следовало формировать до распределения хлеба на еду. У нас ещё будут основания убедиться, что выходное поголовье скота для Советской власти всегда было значимее условий выживания деревенского соотечественника.

Недельный душевный взлёт коммунаров сменился шестидесятилетним остервенением. В первую большевистскую осень особо злились на государственное предательство, на кулаков, удачно сбавивших свои долги на деревенский пролетариат, на единоличников, которые предусмотрительно в ночи престольных праздников кротами растащили провиант по тайным ямам.

В такой вот меланхолии и застали строителя новой жизни слуги партийные и государственные. По-наехало их в советскую деревню видимо-невидимо. Ну партийные уполномоченные понятно, чтобы оза-

дачивать и всколыхивать массы народные на дела всемирно-исторические. Только наехало их с наганами да грамотами цековскими гуще прежнего. Номенклатуру округов по причине ликвидации оных пересадили в палаты районные, а начальство районное - на места сельсоветские и председательские. Дабы строже блюсти интерес державный, пустили вдоль деревни уполномоченных РИКовских. Умели те, черти, выжать хлеб насущный даже из убогого.

Дойдёт когда-нибудь время и до колдовских колхозных сказок. А вот о том, что документы говорят, в частности циркуляр Наркомата юстиции от 9 октября 1930 года. "Сдача и распределение хлеба колхозниками и единоличниками происходит далеко не благополучно. Отмечаются случаи распределения правлениями колхозов хлеба по едокам, продажи на частном рынке., раздел хлеба прямо на току. Бездействие, разгильдяйство, бесхозяйственность, право-оппортунистическая ставка на самотёк - вот фон, на котором... не без агитации кулаков у отдельных колхозников появились ликвидационные настроения. Одной из усиливающихся форм кулацкой активности стала организация кулацких уголовно-политических банд".²¹

Немедленно были созданы и направлены в губинку разъездные судебно-следственные бригады для "обслуживания" на местах. К моменту приезда полевого суда в сельсовет местные власти обязывались подобрать кандидатуры и соответствующий компромат для открытых судебных процессов. Технология судебных расправ с единоличниками, изложенная в первых главах книги и опирающаяся на уголовные статьи за сопротивление мероприятиям Советской власти - пятикратный штраф и конфискацию имущества, претерпела некоторые изменения. Прежде всего через ужесточение репрессий.

В первый колхозный год по стране прошёл ряд крупных судебных процессов с вынесением расстрельных приговоров. Они широко освещались и комментировались прессой с выражением, разумеется, воли народных масс. Вроде этого. "Расстрел 48

контрреволюционеров есть истинная воля и желание всего пролетариата, всех трудящихся Советского Союза. Никакой пощады контрреволюционерам! Рабочие консервного завода шлют пламенный привет храброму, неутомимому стражу пролетарского государства - ОГПУ и... просят наградить его орденом Красного Знамени!"²²

Общепринятая норма политических прохвостов - вещать от имени широчайших народных масс - обрела выраженную российско-коммунистическую специфику. Газетная кухня шеф-повара Молотова подавала любую партийную директиву с богатым гарниром коллективных и прогрессивно-частных отзывов. Предпочтение отдавалось актам коллективной поддержки, для чего привлекались все - от захудалого колхоза до индустриальных гигантов. Проработавший в советской газете хоть неделю хорошо знает, как это делается.

Во времена колхозного рассвета газетные свидетельства нашего единодушия были фальшивыми и по форме, и по существу. В глубоко запрятанную душу соотечественника не заглянешь и поныне, поэтому развивающаяся система тотального страха довела до совершенства формальную процедуру всенародной поддержки. В заборных книжках каждого работника, об ударнике говорить излишне, крупным шрифтом выдавили, что посещение собраний вводится в режим трудовой дисциплины и, следовательно, контролируется получение пайка. Потом наладили поимённый учёт отсутствующих, воздержавшихся и голосовавших против. Затем подвернулась гениальная затея с товарищескими судами, предуголовной, так сказать, системой воспитания.

По методике ускоренной дрессировки советского человека написаны тысячи научных книг и миллионы уголовно-политических дел. В предпоследней главе этой книги мы остановимся детально на одном из промежуточных её этапов. На год тридцать седьмом, когда соотечественник летел сломя голову на собрание и норовил первым поднять руку, и не поддерживал, а требовал расстрела.

Злые посылы прессы о делах расстрельных убивали в земляках нарождающийся иммунитет к угрозам и не давали страху переродиться из активной творческой силы социализма в пассивную составляющую деревенского бытия. Тем более перед фактом, совершенно не предвиденным классиками марксизма. Деревенский пролетарий, оказалось, ещё политически не созрел. Даже самые активные поборники колхозного строя, что вчера азартно раскулачивали и обобществляли, получив первый урожай, моментально выпали в скупую оппортунизм и решительно не хотели делиться с государством.

Один заокеанский философ толково сказал, что рабу нужна не свобода, а власть, чтобы угнетать других. Теперь побарствуем мы, решили зелёные колхознички и стратегически ошиблись. Разговора по хорошему не получилось даже тогда, когда из-под сукна вытащили принятое ещё по весне постановление ЦК ВКП(б) "О льготах для колхозов". В нём рекомендовалось списать с колхозов кулацкие долги и освободить на два года от налогов общественный и индивидуальный скот колхозников.

Коммунары государственной милости не поняли. "Кулацких долгов мы не брали, - сообща почесав в затылках, вызывающе ответили они, - индивидуального скота не держим, платить налог с чужих коров и не думали". Обязательные госпоставки мяса, масла, кож, костной арматуры и даже вонючего ливера оставляли обобществлённому мужику абсолютно голое право собственности на скот, сопряжённое с ежедневными заботами по уходу.

Закрывая проблему, общие собрания многих колхозов принимали решения - "в хлебозаготовки зерна не возить, а правлению дать наказ - без нашего ведома не давать никому ни фунта хлеба". Закавычено типичное по сути постановление общего собрания колхоза "Ударник" Краснополянского района.

Связь социалистических убеждений с нищетой уловлена наукой давно. Другие страны как-то не сосредоточились на этой мысли и быстро проскочили хозяйственную и социальную смуту. Высокая чувст-

вительность к политическому самосознанию - "Камо грядеши?" - заставляет нас гармонически раскачиваться в полудивильной дикости, называемой переходным периодом. Семьдесят лет в одну сторону, семьдесят - в другую. "В деревне хочется столицы, в столице хочется глуши". Качаемся вразнобой, в итоге суммируя нулевой потенциал российского прогресса. Не успели нажать в зрелом социализме полированный, из ДСП, шкаф и набор фужеров под хрусталь, размышлялись о демократических конституциях и буржуазном рае, представляемом сверхприродной помесью капиталистического достатка с нашим - коммунистическим отношением к труду.

Предрасветные сумерки отечественного рынка - холодные, голодные и злые - навевают мятежную красную ностальгию. Хочется быть нищими, но вместе, заменить свору взаимогрызущихся лидеров на одного, но степенного вождя. Сосед-студент зубрит английский и "Экономику" Фишера, а его дед, работая на опережение, освежает в памяти "Очередные задачи Советской власти".

Интенсивная терапия новорождённого хозяйственного гибрида открылась массовой заменой всего хозяйствующего звена. Избранный весной председательский корпус и состав правлений оказался оппортунистическим насквозь и требовал не омоложения, а выкорчёвывания. С огромной художественной силой, сравнимой по воздействию с левитановскими осенними пейзажами, прелесть первого колхозного сентября передаёт отчёт заведующего агитмассовым сектором Уралобкома ВКП (б) Сирсона.

При торжественном вручении председателям планов хлебозаготовок, живописует документ, те округляли в ужасе глаза и наотрез отказывались от выполнения. При применении к ним радикальных форм идеологического воздействия поименованные как страусы прятали голову в грунт колхозной демократии. "Товарищи, - жаловался нравственно контуженный председатель в своём правлении, - не принять планов было нельзя - у меня дети, а выполнять, вы знаете, нечем". Закавычены прямые действия предсе-

дателя шадринского колхоза "Свобода". Правления, в полном соответствии с формальными правами, отказывались от выполнения грабительских планов.

Немало нашлось и твердолобых, как Кочурин Иван, председатель одного из краснополянских колхозов, до упора стоявший на том, что "я лучше буду сидеть и отбывать принудилровку, чем вывозить хлеб и оставлять колхозников голодовать".²³ Общеисторическая российская норма "раньше сядешь - раньше выйдешь" при Советской власти имеет ущемлённое логическое поле. Это значит, что твердолобость в своих последствиях тут исторически конкретна. Севшие, к примеру, в тридцатом за параллельные с Кочуриным действия, отбыв положенные уголовным кодексом три года, благополучно вышли. Посаженные за аналогичные действия четыре года спустя получили по десятке, но освободиться могли по амнистии только в пятьдесят третьем.

"Кадры решают всё!" Превращением этой пустой фразы в гениальную мы обязаны прежде всего колхозу. Дефицит недеревенских безжалостных руководителей бросил партию в творческий поиск. Вспомнилось принятое год назад постановление о "двадцатипятидесятниках". В городские райкомы запустили обязательные и срочные наряды на "добровольцев". Собрав искомое количество таковых, каждому вручили памятку, концентрирующую внимание на основном вопросе - любыми средствами отобрать у деревни хлеб. Поскольку речь шла не о сезонной акции, а о конфискации, математически сказать, в периоде, определились действия сопутствующие. В двух-трёх лекционных часах десант был ознакомлен с основами сельскохозяйственного производства.

Не упустили и психологические моменты. Памятка рекомендовала "двадцатипятидесятнику" рельефно подчёркивать своё пролетарское происхождение. В узкую щель сухого документа хлынула творческая инициатива мест. Питерцы обрядили своих посланцев, ну это естественно, в бушлаты и тельняшки,

коварно сводящие с ума наглых деревенских Лушек и заугольных Варвар.

Уральские партийцы не ударили в грязь лицом. Активисты Перми, Свердловска, Тагила и Златоуста выехали на село в промасленных ватниках, изъятых у деповских рабочих, в каждой котомке бренчал обязательный набор изношенного слесарного инструмента. Непонятливым внушили - так надо, едете на кормное место, там обростёте.

К идее кадрового обновления пристегнули и армию. В любой тирании армия слывёт образцом управленческого опыта. В государственной экономике, где все хлебают из общего бюджетного котла, интересы генерала и мужика вроде бы противоположны. Чем больше военные расходы, тем меньше остаётся деревенщине. Но нет худа без добра. Что бы мы делали в уборочные без стройбатовских легионов? Вот с помощью интеллектуальной сложнее.

В январе тридцатого Реввоенсовет принял специальное постановление "Об участии Красной Армии в колхозном строительстве", в котором обещалось подготовить сто тысяч организаторов сельскохозяйственного производства. Учебная программа кратких экономико-кавалерийских курсов предусматривала изучение четырёх предметов - диамата и политэкономии, озадачивающих стратегически, политики партии и строевой подготовки, обеспечивающих необходимый уровень тактической мобильности агрокомиссара. Взятый из пехотных частей курсантам довели азы пропагандистского труда, служба в кавалерии, тут прав русский классик, сразу даёт полную гарантию культурности.

Аграрного прорыва в тот год не последовало. До теоретического анализа ошибок руки не дошли. Позднее Никита Хрущёв ещё раз попробовал идею на ощупь, пересадив теперь уже престарелых генералов в директорские кресла совхозов. Опять неудачно. В семьдесят девятом в моём родном Половинском районе утвердили на должность директора совхоза "Богатырь" полковника милиции, человека во всех отношениях приятного и склонного к дисциплине.

Тот сразу ввёл в хозяйстве элементы строевого устава, а зарешеченное помещение узла связи переоборудовал под нечто среднее между КПЗ и губой, куда лично водворял на ночь нарушителей трудовой дисциплины. Аборигенам новшество жутко не понравилось и, чтобы не накалять обстановку перед уборочной, реформатора снова завели под погоны и передвинули несколько восточнее.

Поздней осенью тридцатого в деревне открылся второй фронт гражданской войны. Партия взяла за заговор собственное детище. Колхозы хоть и занимали тогда только треть посевных площадей, сразу же отняли у партийного руководства основную массу физических и творческих сил. Расправа с единоличниками в ту пору обрела форму накатанной технологической цепи. Надо было найти потайные ямы, выгрести зерно, а хозяев выследить и посадить. Утомительная процедура утверждения индивидуальных планов бедняцкими собраниями изжила себя. На сходы являлись поголовно - мы все теперь бедные! - и проваливали спущенные сверху разрядки. Единоличнику стали вручать гербовый квиток с указанием плана и сроков сдачи.

Формально колхоз самостоятелен. Но соблюдать процессуальные пошлости, предусмотренные законами и глупой колхозной демократией, властям было недосуг. Требовалась свежая теория провокации. Поначалу предъявили колхозам обвинения в отказе от обязательных поставок хлеба. Но адресовали их не всему коллективу даже в том случае, если решения принимались общим собранием. Уродовать юридическую рожу советского предприятия местному прокурорско-судебному аппарату не позволялось, можно было отыграться на её живых составляющих. Политически колхоз вне подозрений, грешить могут колхозники.

На скамью подсудимых отправили председателей и членов правлений. Административный вакуум тотчас же заполнялся привезёнными строго целевым назначением "двадцатипяти тысячниками" и другими активистами со сторон. Их полномочия удостоверя-

ла рекомендация райкома ВКП(б) и назначение на временное исполнение обязанностей председателя, подписанное райколхозсоюзом. Несоюзные колхозы, об этом упоминалось в первых главах, считались дикорастущим оппортунизмом и подлежали немедленному роспуску.

Спешить с проведением перевыборных собраний не имело смысла. В первый же день партийный временщик подмахивал все нужные бумаги. Демократически избранному председателю, если и допустить такое в насмешку над реальностью, надлежало только неукоснительно выполнять подписанное. Таким образом, колхозная демократия оставалась девственной, а практическое дело социализма переходило на новую ступень.

Изъять колхозный хлеб, как и предвидела партия, оказалось много проще. Не надо шариться по чужим дворам. На сопротивляющихся плановому вывозу председателей немедленно оформлялись уголовные дела, которые столь же оперативно доводились до приговора разъездными бригадами судебно-прокурорского сервиса. Чтобы снять психологические стрессы, возникающие у колхозников, доставляющих зерно на государственные элеваторы, в чью-то светлую голову пришла своевременная идея перекрёстного вывоза. Артельщики, к примеру, колхоза "Путь Ильича" чистят амбары "Свободы", на подводах которой, в свою очередь, вывозится хлеб из колхоза имени Чапаева. Наружно этот сдвиг по фазе объяснили необходимостью лучше использовать гужтранспорт.

На стрессы я вышел логически, а перекрёстный вывоз применялся повсеместно и практически. Его механизм хотя бы частично отвечает на вопрос, откуда в дружно живущей деревне взялась многочисленная рать безжалостных вымогателей.

Я не зря упомянул о свежей теории провокации. Достаточно было шепнуть колхозникам "Свободы", что путьильичёвцы вычистили их амбары до зёрнышка, и необходимый уровень пролетарского энтузиазма обеспечен. Он взлетал до остервенения, когда сие

действие стали стимулировать материально - из сверхпланово конфискованного. Во имя социализма нищий грабил нищего. В актив антирелигиозной пропаганды занесли угасание древней русской традиции - справлять престольные праздники поочерёдно в той или иной деревне. Ярмарки и красочные деревенские гулянья уступали место злой междеревенской поножовщине.

Обозлённые государственным произволом, коммунары стали интенсивно растаскивать общественный хлеб. Ежегодно с колхозных амбаров слетали замки, а стены украсились намалёванными дёгтем полезными советами: "Бери, а то зимой сдохнешь!", "Пропивай, пока не всё отобрали!" Где-то об эту пору родилось укorenившееся до привычки исключение из заповедей Христовых. Воровать из колхоза считалось не греховным, а скорее даже благим делом. Могучий русский язык обогатился ещё одним обиходным неологизмом - скоммуниздил. Украл во благо.

Когда амбары опустели, колхозник и объективно, и в государственном сознании деградировал до одиночника. Дальнейшее пребывание в колхозе до посевной потеряло смысл, а бригады подворного шмона прошупывали личные дворы колхозников с не меньшим интересом. Хлеще того, в колхозах, не выполнивших плана заготовок, а таких было большинство, найденный у колхозника хлеб автоматически считался краденым, что давало основания удлинить обвинительное заключение на пару статей УК. Распределять до расчётов с государством строго запрещалось.

К Рождеству уральская деревня заголодала. Датированный январём тридцать первого отчёт обкома партии следующим образом характеризует обстановку. "Работа кулака находит отражение в отдельных сельсоветах и колхозах, вследствие чего мы имеем разговоры колхозников - "хлеба не дадите, на работу не пойдём, так как мы голодные и не имеем хлеба после того, как сдали его государству. Сначала нас накормите, а потом и работу спрашивайте". Прикрываясь отсутствием хлеба и голодом, усилился забой скота, - "что угодно делайте хоть сегодня, хоть завтра

арестуйте, а скот мы бить будем и голодом сидеть не намерены". В ряде мест массовые уходы из колхоза и деревни. На свинофермах огромный падеж, корма, предназначенные для свиней, съедают колхозники".²⁴ Картина будет вполне реалистичной, если вымарать ссылки на вездесущего кулака.

"Врёт деревня, - "секретно" нашёптывали с мест самые пробивные, - есть хлеб, есть. Надо только уметь взять". Уполномоченный по Ярково району, например, дружески и лично доносил секретарю Уралобкома Мирзояну неоспоримый на этот счёт аргумент из собственной практики. В деревенском доме, где остановился на ночлег этот ухарь, ему со вздохом печали подали на ужин несколько картошек в мундире и пару кисло-солёных груздей. Устроившись на полатах, он демонстративно захрапел, пребывая, однако, в состоянии повышенной бдительности и приносясь. Где-то за полночь в свете луны он узрел, что хозяева ужинают тайком, едят хлеб и хлебают, судя по запаху, не постные щи. Тихонько вынув из-под подушки револьвер, гость полез с полатей...

Не надо было мужику слазить с полатей. Спал бы спокойно до утра. Тогда не было бы дружеского по тону письма оказавшемуся в тридцать восьмом "врагом народа" секретарю. Может, и сам бы отвертелся от расстрела. Подобные откровения были козырем обвинения, хотя судили не за это.

Ближе весна - крепче голод. По всему Уралу начали вспыхивать очаги организованного волнения. В качестве иллюстрации приведу типичный факт, взятый из информационной сводки ПП ОГПУ по Уралу № 17 "О поведении АСЭ в деревне". Факт, имевший место на родине уральского казачества. "С 6 по 12 марта в Воскресенке произошла уличная демонстрация, в которой приняли участие все женщины - кулачки, середнячки, беднячки и батрачки.

Село Воскресенка находится на границе с Казакстаном, большой процент кулачества, которое занимается торговлей... Здесь жило два белогвардейских офицера и евангелисты. Всё это давало благоприятную почву для контрреволюционных действий. Бро-

шенная райкомом бригада встретила сопротивление, начав отгрузку хлеба. Два дня подряд начинала и не смогла. Это подняло всю массу, собрались мужчины и женщины до тысячи человек, впереди беременные женщины, беднячки, красноармейки. Сразу же был мобилизован районный партактив, брошен начальник милиции, прокурор, уполномоченный ОГПУ, выехали туда секретарь райкома ВКП(б) и председатель РИКа..."²⁶

Районный партактив, продолжу по материалам уголовного дела, в первый же день трусливо сбежал из Воскресенки и стал наполеоновским штабом на окраине соседнего села - Башкирское. Деревню брали приступом вооружённые и посаженные на коней комсомольцы. Несколько раз воскресенцам пришлось разоружать парнишек и отеческими подзатыльниками выпроваживать их из деревни. Когда атакующие, размазывая сопли и слёзы, пешком добирались в расположение штаба, на бунтующую деревню вылетал очередной эскадрон юных будёновцев.

Успокоилась деревня спустя неделю, услышав хором данное клятвенное обещание - хлеб не вывозить и никого деревенских не преследовать. Власть обманула. Хлеб вывезли и устроили показательную судебную расправу.

Первая колхозная зима не выделила колхозника из общей массы ни трудом, ни достатком. Как и единоличник, он терпеливо дожидался непогоды, чтобы тёмной вьюжной ночью, не оставляя следов в утро, сходить в потайную яму за хлебом. В эти дерзкие ночи не спали и уполномоченные по заготовкам, выгоняя в дозоры на окраинах пионерско-комсомольскую глупость.

Правда, у колхозников был ещё один жизненный ресурс - обобществлённый скот, являющий собой после годовой беспризорности не продуктивных особей, а постно-статистическое поголовье. В дни, когда голод подпирал брюхо к позвоночнику и заглушал страх перед властями, коммунары выбирали самое тощее животное. "Павшую" скотину тщательно активировали, а через день-другой окаменевшую тушу варварски, не

оснимав, рубили на мёрзлые куски и растаскивали по домам.

Уголовные дела зимы 1930-1931 годов свидетельствуют, что советское правосудие без труда разгадало причину массового падежа скота, но концентрировать на этом печальном факте злости не стало. Главное внимание репрессивного аппарата адресовалось председателю корпорусу и единоличнику. Задача первого состояла в том, чтобы вычистить до последнего фунта колхозные амбары, а единоличнику надлежало, рассчитавшись по своим поставкам, добить колхозные планы заготовок. Поэтому тех и других шерстили в строгой пропорции к уровню колхозной бесхозяйственности. За четыре месяца хлебозаготовок на Урале около половины председателей было снято с работы, а треть осуждена.

Количественное несовпадение двух следствий определяется просто. "Двадцатипятидесятников" и кадровых партийцев, не выказавших должного рвения, пока не судили, а разжаловали в конюхи и скотники. Местным выдвиженцам такой льготы не положили. Райкомы сельскохозяйственного угла жаловались в Уралобком ВКП(б), что предприятия под видом "двадцатипятидесятников" сбавривают на село отпеченных лодырей. Нашлись дезертиры. Некоторые активисты, приехав в деревню, одумались или устыдились помыкать мужиками и стали тихо заводить своё хозяйство. Их, однако, достали и потребовали вернуться к исполнению героических обязанностей. Если уж не председательствовать, то хотя бы революционно мутить воду.

Период политического и организационно-хозяйственного укрепления колхозов - так названы партийной историей излагаемые в данной главе события. Идеологически первичным всегда было слово. На объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе тридцать первого программно выступил молодой нарком по снабжению. "Мясо и овощи - в повестку дня! Успешно решив в течение года зерновую проблему, обеспечить рабочих мясом и овощами!" Это препарированная суть доклада, во имя которой отка-

зываю себе в описании экспансивных жестов, обжигающих взглядов и патетических взлётов изящно акцентированной речи Анастаса Ивановича Микояна.

Богатство непотопляемой наркомовской природы будет удивлять ещё не одно поколение историков. Просидеть рядом со Сталиным ужасающие репрессии, не уронив и волоса с собственной головы, десятилетиями вдыхать гремучую смесь коммунистического лицемерия, грузинского феодализма, еврейской изворотливости и русской дикости, ежегодно обещать изобилие и заморить с голоду миллионы соотечественников, а после всего этого до глухой старости трясти кудрями в ареопаге развитого социализма - тут не только ослепляющий исторический феномен, тут вся, выходящая за пределы рассудка, советская история.

Уральская деревня горькой пьянкой отмечала первую годовщину погромов раскулачивания и ссылки, когда в райкомы поступила секретная директива - постановление ЦК ВКП(б) от 20 января 1931 года, принуждающая к новому подъёму колхозного движения. Уже в преамбуле документа констатировалось, что советский крестьянин прямо-таки рвётся в колхоз и Урал должен быть коллективизирован абсолютно к началу следующего года.

На местах вектор необходимого колхозного прогресса в основном и математически вычислили верно делением аграрного поголовья на двенадцать месяцев. оставалось под выведенный таким манером ежемесячный процент спланировать требуемый объём психических и физических репрессий.

Главное психотропное средство подсказывала московская бумага. Обобщив якобы богатый опыт Центрально-Чернозёмной области, Центроком ВКП(б) рекомендовал использовать в колхозной агитации вербовочные и инициативные бригады. Членов бригады следовало набирать из числа ударников передовых колхозов, что свидетельствовало о незнании центральными властями реального положения дел или, и скорее всего, об очередном политическом подвохе.

Колхозцентр, щекоча смешливую идею, предписал развернуть в деревне движение двадцати- и шес-

тидесятитысячников. Первые - те самые передовые и вкусившие от колхозных щедрот, коим надлежало заманить единоличников в общественное хозяйство. Уралколхозсоюз решил выявить и мобилизовать таких более тысячи душ. Шестидесятитысячники - наоборот, молодые неопытные колхозники, которым предстояло обогатиться опытом организации труда и быта в передовых артелях. Тут Уралколхозсоюз тоже определился быстро, посчитав, что пяти тысяч впитавших чужой опыт будет достаточно для построения вчерне деревенского социализма.

В районах и местных органах к колхозцентровской затее и фантастическим цифрам математического сопровождения отнеслись с весёлой снисходительностью - дураки, но свои. Действительно, откуда взяться этакой прорве ударников, на первом году жизни гнездящихся на кулацких пепелищах колхозов? Рабский неоплаченный труд ещё не вбили в физиологическую норму. Уж потом, для более поздних помётов Советской власти колхоз встанет во всём величии литературных образов и исторически неизбежных сюжетов.

Деревенская российская действительность в подлиннике всегда груба и даже безобразна. Как в отчёте Уралтруда о состоянии трудовой дисциплины и организации производства в колхозах, к примеру, Лебяжьевского района. Датированная мартом тридцать первого бумага бесстрастно фиксирует, что трудовой дисциплины, если под таковой понимать хотя бы элементарные хозяйственные обязанности, отсутствует вообще.

В артелях нет даже списка колхозников. Число коммунаров мечется в широкой амплитуде - от максимальных величин при получении продовольственной ссуды до единичных экземпляров на утренних разнарядках. Практика привлечения к работе путём подворного обхода - классика колхозной дисциплины - имела в тридцать первом ограниченный эффект. Сначала коммунары просто прятались по стаям и лабазам от нарочных, а потом насобачились отсыпаться дома под навешенным снаружи замком.

В силу эпизодического участия многих в общественном производстве и отсутствия всякого учёта, продолжает адресованный не потомкам документ, выделить производственный актив из серой колхозной массы невозможно. Не любят работать в колхозе все и примерно одинаково. Ударников, как и споспешествующих ударничеству товарищеских судов, в колхозах района не обнаружено. Активно снующие вокруг начальства и колхозных складов особи инспекторам Уралтруда не понравились и были квалифицированы как лжеударники. Комиссия рекомендовала ввести чёрные и красные доски, бичевать прогульщиков в стенгазете и реанимировать товарищеские суды.²⁷

Со вторым плечом вербовочной кампании дело обстояло ещё труднее. В желающих поглазеть на общественно организованный рай дефицита не было. Отсутствовал (ну ни единого экземпляра!) наглядно-методический материал. Не плодить же деревенскую контрреволюцию экскурсиями в жуткую колхозную бесхозяйственность. Хорошая мысль приходит опосля. Будут потом республиканские, областные, районные сельхозвыставки. Будут регулярный обмен опытом и взаимопроверки с пьянками до коматозно-терминального состояния. По-русски - до отрубца! Будет ВДНХ, на муляжной панораме которой суждено разыграться киноклассической мелодраме пастуха кавказской национальности и просторусской колхозной свинарки.

Будет всё. А в тридцать первом преимущества "столбового пути" приходилось вымаячивать на пальцах. Сунулись было в совхозы. Масштабы там, конечно, впечатляющие. Но сосредоточиться на поучительном куда сложнее. Судите сами, что могла идеологически девственная, к примеру ишимская, свинарка вынести из такой вот объективной реальности.

По очень секретным данным Уралобкома ВКП(б), в тридцать первом году падёж молодняка в скотоводческих совхозах составил 32 %, молочных - 44 %, свиноводческих - 50 %, птицеводческих - 60 % поголовья. Региональный рекорд поставил Муравлёвский совхоз - 125 % падежа. Объясняю для слабых в ирра-

циональной статистике - пало 100 % советского приплода и четверть основного, конфискованного у кулаков стада.²⁸ Власти решились на разовое исключение из правовых норм, директора, ходившего в сане "двадцатипяти тысячника", отдали под суд.

Чтобы не выглядеть глупым, говаривали в деревни, будь решительнее. Партийное руководство всех инстанций не раскладывало пасьянсов, а с получением директив сколотило из партактивистов штатные вербовочные бригады. Преимущество, понятно, отдавалось балагурам и артистически одарённым. Предстояло работать под мужика. Будучи обрамлены в лохмотья, сытые номенклатурные хари обрели неожиданную убедительную силу. Вид "передовиков" представлял колхоз учреждением невзыскательным, но сытым. Дабы не засветиться в родном районе, все бригады пустили в оборот по известному читателю перекрёстному графику.

Политическое скоморошество, пусть безыскусное, всегда предшествовало смутным временам. В деревне легко раскусили настырных инициаторов колхозной жизни. Ответ был однозначен по сути, рассыпавшись по форме на богатые оттенки.

Жители деревни Золотое Половинского района были парламентски строги, каллиграфически исполненный протокол общего собрания подписали все. "Инициативную группу, - даю его содержание конфиденциально, - не создавать... Согласны пропадать, но в колхоз не пойдём. Научились в колхозе голодовать. Засыпать семенной фонд отказываемся, можете судить. Пойдем на работу на Урал, но не в колхоз... Платить за МТС не согласны, нечем. Нас теперь не обдуришь, будем сеять на своих по силе-возможности".²⁹

Скажу прямо - чаще деревня была не на высоте. Над "передовиками" порой откровенно измывались. Например, выброшенная на периферию агитэкспедиция Чашинского райкома ВКП(о) вернулась пешком в ту же ночь, а её руководитель, курсант совпартшколы Нелюбин, потев от волнения, рассказал прямо-таки жуткую историю. Во время агитобхода деревни в од-

ном из дворов партийных посланцев встретили мужики с топорами и бабы с литовками. Грозилась зарубить тут же. А руководителя группы хозяйка даже ударила колом поперёк хребта. Потом, весело ухая, деревенские до вечерних звёзд гонялись за агитаторами по заснеженным огородам. Во время операции исчез райкомовский иноходец Карька.³⁰

Развитие социализма вширь, понимаемое как коллективизация уральской лесотундры, избобиловало полярной экзотикой. "Трудность работы с туземцами (остяком, самоедом), - доносил ещё осенью тридцатого уполномоченный по Тобольскому округу, - по существу основных ловцом на Севере, обучение и приспособление к лову завезённых нами переселенцев (земледельцев), боящихся даже сесть в лодку, канитель с ними, тяжёлые ошибки в коллективизации на Севере, повлёкшие значительный уход ловца - туземца в тундру, - всё это создало чрезвычайно тяжёлые условия работы... Всё же я считаю, что с данным нам заданием мы справимся. Иначе и не может быть, жрать ведь совершенно нечего".³¹

Первая волна коллективизации смысла с берегов приполярной Оби коренное население. Когда летом тридцатого спускающиеся на Север баржи со спецпереселенцами подходили к береговым стойбищам аборигенов, на песок чаще вылетал одуревший от одиночества и гнуса гепеушник с докладом об успешной проведённой карательной операции. Для полярного жителя альтернатива - колхоз или Север - не трагична. Конечно, Север! Если же в стойбищах имели место быть коренные жители, их немедленно выселяли гепеушники из сопровождения.

"Туземцы не выходят из тайги!" - сокрушались местные власти в ответ на требования ускорить второй вал коллективизации и отправку красных эшелонов с рыбой. Экспедиции в таёжную глухомань за основным элементом производительных сил возвращались с перепуганными туземками и детьми. Увязывая стратегические задачи с местными особенностями, пришлось создавать исключительно женские тузколхозы.

Сразу же было отмечено, что предельно фенимизированные коммуны имеют ряд положительных моментов если не всемирно-исторического, то хотя бы континентально-российского значения. Главное и важное - безответная исполнительность. Положительно удивило и то, что у туземок чувство самосохранения выражено слабее, чем у цивилизованных особей. В углый ялик они садились безбоязненно. Тонули чаще, но молча и гордо, освобождая власти от мук совести.

Перегибы с коллективизацией бесспорно были. Но вообще-то таёжный туземец оказался благодатным и податливым для идеологическойковки материалом. Это мнение вынес из командировки в Няземские юрты и уполномоченный Берёзовского райкома ВКП(б). Председатель - единственный мужик в артели, старый и сухопарый остяк - встретил его приветливо: "Хороший русский, однако, очень хороший!" Поймав взгляд гостя, хозяин растаял совсем и без тонического нажима не то спросил, не то констатировал: "Сталина - Ленина видела?!" И правой рукой быстро сотворил какой-то символический жест, что-то среднее между пионерским салютом и крестным знаменем. Расчувствовавшись, гость рассказал о севе, коллективизации на юге, решениях партийного съезда, последней оппортунистической выходке Рыкова и правоуклонистах вообще.

"Правый уклон, однако, - солидно поддерживал тему председатель, ритмично раскачиваясь на заднице, - вся Обь нынче ушла в правый уклон. Моя весной говорила, что сети надо ставить справа. Не будет у левого берега рыбы, не будет". Потом хозяин тихо и доверительно сообщил, что уже заметил правый уклон в походке некоторых подчинённых. Но имён пока называть не стал.

Абориген тайги по природе склонен к рассудительности и компромиссу. Вот самоед или полярный остяк - дело совсем другое. С созданием полярных колхозов большевики хлебнули горя. И дело не в том, что классики марксизма забыли про теорию строительства социализма в тундре. Тут вполне хватило бы

постановления № 74 Тобольского комитета Севера от 1 января 1930 года. "Изменить родовую структуру органов туземного управления, - ставит задачу-минимум комтуземный манифест, - построив такую систему управления, которая, обезличивая род, укладывалась бы в рамки общей советской системы, а именно, создать туземные советы укрупнённого типа по территориально-хозяйственному принципу.

При проработке плана коллективизации Тобольского Севера взять установку на сплошную коллективизацию бедняцко-средняцких хозяйств с охватом в наиболее доступных районах Дальнего Севера и кочевых оленеводов".³²

Теория, мой друг, суха, но зеленеет древо жизни. Так вот, практика коллективизации на Севере дала совершенно неожиданные по сравнению с подобной кампанией на Большой земле ответвления. Прежде всего сказала темнота патриархального рассудка. Туземец он и есть туземец. Выяснилось, что он никак не в состоянии отказаться от родителей и родственников, чтобы называть отцом родным рябого грузина. Ну какая к чёрту Советская власть, если ты намерен слушать и уважать беспартийных родителей? Коммунизм показан только великороссам, прогрессивные экземпляры которых и ныне трясут на митингах портретами вождя-тирана. Спроси у них имя сдуру расстрелянного деда - не скажут. А ненец натурально и шибко любил родню, тундру да оленя.

Вторая особенность заполярной колхозной зари состояла в том, что кулаков, право-левых уклонистов и вредителей отсюда решительно некуда ссылать. Без раскулачки и высылки ленинский кооперативный план страдает оппортунистической грыжей "постепенного вращивания кулака в социализм". Раскулачка была, тоже на особицу. Высветим её фрагмент протоколом № 26 оргбюро по организации Ямальского (Ненецкого) округа. В оргбюро входили: Скороспехов и Шишкин (от окружкома партии), Колещук (окрмилиция), окружной прокурор Урванов, Щёголев (ОГПУ), Брусницын (окружная РКИ).

“Подвергнуть кулака Хораля Нарья за злостный убий оленей, - постановили эти лучшие представители туземного населения, - к штрафу в размере 10-кратной стоимости убитых оленей, т.е. на сумму 11 200 руб., кроме того, конфисковать у него стадо оленей в количестве 5 000 голов, оставив ему в пользование 250 штук... Подвергнуть кулака Охотытто Мьноги к штрафу в 10-кратном размере стоимости убитых оленей, т.е. в сумме 5 600 руб., кроме того, конфисковать у него стадо оленей в количестве 2 500 голов, оставив ему в личное пользование 250 штук. Конфискованных оленей передать интегралсоюзу для распределения по колхозам бесплатно. Остальные оленей конфисковать у выше перечисленных кулаков и передать оленеводческому совхозу”.³³ Кое-где оленей честно отобрали, где “купили” за облигации, выдаваемые за новые советские деньги; обобществлённые олени благополучно перешли в первую же зиму.

Особый колорит коллективизации придавал кочевой образ жизни аборигенов. В континентальном коммунизме деревня сразу окостенела карательными органами, контролирующими каждый шаг. В тундре дело обстояло иначе. Даже коренизация низового звена советской и хозяйственной власти оказалась хронической проблемой. Долгое время в тузоветах сидели варяги, ни бельмеса не понимающие по-ненецки. Тем более не засадишь в кочующий род уполномоченного партии или ГПУ. Инспекционные поездки затруднялись незнанием мест кочевья. Указанные обстоятельства стали причиной дальнейшего развития конфликтов.

За ненцем и приполярным хантом Советская власть гонялась до тридцать пятого. Видимая простота тундры обманчива. Партийцы поняли это в первый месяц коллективизации, когда полярный единоличник вместе с юртой и оленями растворился в белом безмолвии. В бесплодных погонях и облавах пришёл практический опыт - олень и собачья упряжка тут не в пример лучше лошади. Хорошо, что не подвела революционная бдительность, - первые активисты коллективизации успели арестовать по ближайшим стой-

бицам кулацкий и контрреволюционный самоедский актив.

По темноте племенного мировоззрения, схватывающего пошлые бытовые мелочи, а не историческую перспективу, туземцы сделали острый выпад. Повязав комиссаров периферийных осовеченных стойбищ, уволокли их в тундру. Попались и очень уполномоченные. Затем, добирая до паритета в заложниках, потаскали отряды погони вдоль полярного круга и, в конце концов, взяли их еле тёплыми. В вымороченных просторах Арктики советско-самоедский конфликт затянулся на годы. Лёгкие на подъём туземцы откочевали в труднодоступное междуречье Оби и Енисея, где основали нечто похожее на приполярную Сечь.

С северным туземным населением мучились не только уральские коммунисты. ЦК ВКП(б) вынужден был принимать в конце тридцать второго специальное постановление о порядке коллективизации отсталых народов. Последние газет не читали, а грамотная и кадрово ответственная публика была бессильна. Полярная ночь страшна и контрреволюционно агрессивна. Наконец терпение лопнуло. Над секретарём Уралобкома Кабаковым в Москве стали зло потешаться - герои Отто Юльевича Шмидта до самой Чукотки проложили северный морской путь, а у вас ещё и Советской власти нет!

В декабре тридцать третьего в Остяко-ненецкую Сечь обком партии направил полномочную депутацию с мирным приглашением к социалистическому переустройству труда и быта. Основным аргументом парламентарёв было цеховское постановление, подчёркивающее глубочайшее уважение к обычаям и традициям кочевого населения. Непререкаемым оставался один тезис - надо начинать коллективизацию.

Аборигены опять заупрямылись. 7 января 1934 года в Уралобком ВКП(б) пришла строго секретная телеграмма из Берёзово. “Только что с радиопоста Нумто получили сведения о возвращении от ненцев посланной вами делегации. Делегация возвращается без заложников, ненцы отказались освободить их

раньше, чем получают арестованных кулаков, вновь подтвердили все требования, отказались вести какие-то бы ни было переговоры, подтвердили, что приезжающих русских будут вязать, туземцам запретили выполнять поручения русских, угрожая арестом.

Таким образом, все наши мирные мероприятия безрезультатны, наоборот, они ободряют кулачество, если учесть, что промысел Нумто не закрыт, продукция вывозится, детей в школу берут только с соглашения родителей, в работе фактории нарушений не установлено, то остаётся только факт исключительно политического требования - освободить кулаков.

В связи с этим пришли к выводу о проведении следующих мероприятий. Первое - немедленно взять заложников из числа остяцких авторитетов и оставшихся в Казыме родственников бежавших в тундру, второе - провести операцию по изъятию кулачества и контрреволюционного элемента по данным ГПУ, связанными с событиями, третье - двигаться к Нумто и далее в тундру целесообразно только при наличии права применения оружия. Ждём ваших развёрнутых указаний. Чудновский. Булатов"³⁴

Донесение подписано начальником специального военного отряда, призванного внедрять социализм среди нацменов тундры в тех случаях, когда глубочайшее уважение к их самобытности выветривается до сухой ненависти.

Большое видится на расстоянии. Окопавшийся в Остяко-Вогульске, что почти на тысячу вёрст южнее Берёзово, заведующий агитмассовым отделом обкома ВКП(б) Сирсон, как и полагается профессионалу, увидел в событиях более глубокую суть. "По всем данным, - телеграфировал он наверх, - мы имеем дело с давно подготовленным и широко задуманным планом контрреволюционных действий со стороны кулачества и шаманов. К востоку от Оби контрреволюционно настроенные элементы собираются между верховьями рек Казыма, Надыма, Трёмюгана и Пима. Наша медлительность расценивается туземной беднотой и середняком как бессилие Советской власти и

используется кулачеством для привлечения колеблющихся на свою сторону.

Считаю дальнейшее промедление опасным, могущим привести к широкому охвату тундры и возможному присоединению части приобских остяков к контрреволюционной части спецсылки. Моё мнение: первое - ввиду невозможности подкрепления нами отряда Булатова из-за отсутствия оружия необходимо поддержать отряд самолётами. Второе - перебросить в округ воинскую часть, человек двести, для размещения их в округе..."³⁵

Слепой курице всё пшеница. В потоке сообщений с мест партийцы, разогревая себя в ненависти, прибегают порой к абсурдным аргументам в пользу применения оружия против непокорных туземцев - от потенциальной возможности всетундровой контрреволюции до массового исхода кочевников на Аляску. В изложении северных событий мы вырвались несколько вперёд по сравнению с основным материалом книги. Параллельно остяцкой контре в материковом социализме уже давно шёл гон вредителей. Лучшими чертами кадрового большевика считались пролетарская бдительность и способность к воображению. Тот же Сирсон пугал Уралобком не из соображений реальной опасности, а просто по фене ботал. По новой партийно-вредительской фене.

Не менее страшная контра выкристаллизовалась на крайнем севере региона - в Ямальском (Ненецком) национальном округе. Драма началась с обычного сопротивления коллективизации. Отдавать своих оленей в руки русских большевиков аборигены наотрез отказались. "11 марта 1932 года кулак Май Солинтэр в присутствии ненцев Типчи Сыротэтто и Семёна Сыротэтто заявил уполномоченным Хэнского кооператива Витязеву и Ануфриеву, что он не признаёт постановление бедняцкого собрания о контрактации оленей... Тоже 11 марта кулак Тояндо Солинтэр заявил: "От контрактации оленей отказываюсь, добровольно оленей не сдам, если шибко надо, возьмите силой и уведите всех..."

24 апреля 1932 года кулак Май Солинтэр при вручении повестки о явке на суд за эксплуатацию батраков сказал: "Судей ваших и Советскую власть не признаю, у меня свои законы". После настойчивого требования со стороны ненца Рогалёва принять повестку он набросился на Рогалёва с ножом, был обезоружен. После этого организовал 12 человек из ближайших чумов с ножами, одновременно послал гонца для дальнейшего сбора людей с ближайших стойбищ. У райуполномоченного ГПУ т. Мурашкина, приехавшего в стойбище, кулаками были отобраны олени, он вынужден был идти пешком по тундре".³⁶

Вообще-то идея всеобщего экономического равенства, доходчиво дутая эмиссарами в уши тёмной туземной бедноты, оставила свой прогрессивный след. Некоторые осознали себя жертвами эксплуатации и прибыли на собрания. При плотности населения в одну душу на пятьдесят квадратных километров бедняцкие собрания были очень малочисленными. Если только они были. По безграмотности и незнанию русского языка протоколы писали приезжие большевики. Затем Советская власть познала всю подлость кулачко-туземной природы. Местные эксплуататоры стали раздавать скот бедноте, чем в пух и прах опорочили идею колхоза и Советской власти.

"Кулак Нярко Вануйта перед проведением собрания нашими представителями по пушным заготовкам, - сообщает секретарь окружка Тарасов в Омск и Москву, - с целью отвлечения населения от собрания собрал народ для совершения религиозного обряда, где было зарезано 50 оленей. Кулак Хорей Ядне, чтобы привлечь бедноту на свою сторону, раздал ей более 200 голов, которые были зарезаны. Кулак Хасибо Няути также раздал бедноте около 300 голов. Кулаки Вануйта и Ольчи Ядне угнали 145 оленей, принадлежащих Уралобьиртышпушнине, для раздачи бедноте".³⁷

По схеме развития катаклизма в двух углах уральской тундры можно судить о некоторых закономерностях революционного процесса в Заполярье. Потревоженные большевиками ненцы побежали в

сторону полюса. Ранее разрозненные кулачко-шаманские группы, сообщалось в ЦК ВКП(б), к осени 1934 года объединились в многочисленную группу. В отчёте антисоветская группа именуется "Мандо-льда", что в переводе на марксистско-русский близко к святому понятию "интернационал". Более того, приглашение к сотрудничеству - "ненцы всех стойбищ, - соединяйтесь!", с которым летали по Ямалу гонцы, щемит сердце тоской по временам революционной молодости.

"Основным местом действия "Мандо-льды", - читаем информационную сводку № 104 от 20 декабря 1934 года, - является почти весь Ямальский полуостров и восточное побережье Байдарацкой губы с охватом части территории Приуральского района (вершина Байдарата, оз. Яры-то, р. Якута). Наиболее сильное скопление чумов, входящих в организацию "Мандо-льда", находится в районе оз. Яро-то, по рр. Юрибей и Якута. Отдельные небольшие группы спускаются южнее указанных мест (Салита, Яда и другие)".³⁸

О политических требованиях заполярного интернационала говорить даже смешно. Туземцы хотели жить по своим законам, то есть без коммунистов и Советской власти, верить шаманам и пожилым, с русскими торговать на классическом условии - "товар-деньги-товар". Евро-русские большевики сразу догадались, что самоеды мечтают о светлом капиталистическом будущем.

"Обезглавливание антисоветских групп, - советует Москве местный большевик, - облегчит дальнейшую работу по разложению "Мандолы" и ускорит восстановление трёх ликвидированных национальных советов в северной части Ямала, также даст нам возможность наиболее успешно провести пушные заготовки, организационно-хозяйственно укрепить, а местами и вновь восстановить простейшие производственные объединения и артели...".³⁹

Событиям, разыгравшимся на Крайнем Севере Урала, не нашлось места в самой подробной партийной истории. Как и в соцреалистической литературе. Тонкой стружкой редких и случайно сохранившихся

документов тает память о военных рейдах против беззащитных детей Арктики, о мечущихся в ужасе туземцах под крыльями краснозвёздной полярной авиации, о заложниках и запредельной подлости колонизаторов - обо всём, что позднее назовут ленинской национальной политикой.

С приближением тепла события в континентальном Урале набрали прогрессирующее ускорение. Если верить статистике, к лету земляки неожиданно прорзели и прямо-таки ломанулись в колхоз. Это тем более удивительно, ведь весенние месяцы в деревне всегда были самыми голодными, а если принять во внимание посевную, то и самыми трудоёмкими. Чтобы вникнуть в смысл произошедшего, надо отбросить вербовочно-агитационные иллюзии, как это сделали тогда кадровые большевики. Словом и лестью мужика не заведёшь под хомут, особенно когда не сошли мозоли прошлогодние. Пряника, то бишь хлеба, у властей давно не было, на хроническую изжогу от постного жаловался даже сельский аппарат.

Пустым звоном отлетели в прошлое и другие зимние кампании. В результате драчливых перевыборов сельсоветов большинство должностей захватила компридурь. Любой выдвиженец деревни, не устраивающий партийные органы, тотчас же попадал в "лишенцы". Творческое многообразие обвинений, по которым человека выбрасывали из шкуры гражданина, просто поражает: "в двадцать восьмом материл коммунистов", "очень осторожен, нигде не высказывает, но настроение определённо антисоветское", "двоедан и старовер", "по пьянке куражился и выдавал себя за сотрудника ГПУ", "неоднократно посылал уполномоченного вместе с вождём мирового пролетариата на ...", "пел посоромные частушки про Будённого и комсомол".

Под апрельскую прель пришло ещё одно новшество. Деревенские партийные ячейки преобразовали в колхозные. Поскольку весь комсостав артелей набирался из люда партийного или зело заискивающего, колхоз переходил в прямое подчинение райкомов. Колхозным ячейкам предписывалось быть опорными

пунктами партийной и комсомольской работы. "Коммунисты, - указывает директива, - не отказывающиеся от индивидуального хозяйства и не вступающие в колхоз, а равно и те, которые не являются активными участниками в социалистическом соревновании и ударничестве, должны рассматриваться представителями отсталых и кулацких взглядов и должны исключаться из партии".⁴⁰

Новый подъём коллективизации, когда две трети уральских крестьян оказались в колхозе, имел вполне классические основания. По весне в обкомовских кабинетах уже знали об очередной кампании раскулачивания и массовых выселений. Местным кадровым настоятельно дали понять, что подготовка списков выселяемых, как и самой операции, должны стать мощным фактором ускоренной коллективизации. Действовать, однако, предстояло тонко и изошрённо. Год назад раскулачивание и массовое выселение провели оперативно и с сугубой исходной секретностью. Ужас мгновенной расправы загнал на время оставшихся в деревне в колхоз.

Теперь было решено держать село в постоянном страхе. Обстоятельно и гласно началось составление списков на выселение. Реестр, разумеется, ориентировался на предельную жестокость. Где-то средний уровень нищеты предполагаемых к выселению освобождал обвинение от утомительных экономических выкладок, оно углублялось в прошлое или цеплялось за бытовые шероховатости. К попавшим в графу социально опасных активисты, на удивление, не вламывались по ночам с конфискацией. В большинстве районов Урала даже не отобрали землю. Власть посетила здравая мысль - будет лучше, если наделы засеют до окончательного решения о ссылке. Помнилась глупость прошлогодняя, надо же было выселять до посевной!

Контроль за выселяемыми до проведения операции, совсем смешно, возложили на самих кулаков. Их разбили на десятки и назначили для каждой группы старосту. С десятника отбиралось письменное обя-

зательство о сотрудничестве с властями по следующим направлениям:

“1. Беспрекословно исполнять распоряжения сельсовета и требовать такового же исполнения от вверенного мне десятка граждан.

2. Не допускать сборищ, самочинных митингов, антисоветской агитации, учинения беспорядков и их подстрекательства, устройства побегов с постоянного места жительства, учинения дебоша, хулиганства, кражи какого бы то ни было имущества, хранения всякого рода оружия и т.п.

3. Доносить сельсовету и другим представителям власти обо всех нарушениях советских законов и преступлениях, совершаемых во вверенном мне десятке.

4. Ответственность несу я...”⁴¹

В заключение небольшая правовая деталь - ответственность подпиралась не рядовой ссылкой. Если в действиях десятника улавливался сговор с деревенской контрой, ГПУ гарантировало ему концентрационный лагерь.

Посаженным на такой карантин землякам в голову лезли прогрессивные мысли. Заявление о вступлении в колхоз могло вынести прозревшего из опасного списка. Для остальных вероятность загреметь под северное сияние, естественно, увеличивалась. Математическую связь уловили, поток желающих жить и трудиться по-социалистически нарастал, если в марте власти были рады каждому подавшему заявление, то в мае месяце уже косоротились. Обуяла тревога, что под занаряженный объём ссылки не достанет контрреволюционного материала.

Разнарядка, подписанная секретарём ЦК ВКП(б) Постышевым, поступила в Уралобком 29 мая 1931 года. Предписывалось поднять и отправить в ссылку 12 тысяч крестьянских семей, что-то около 80 тысяч человек.⁴²

Одновременно на Урал хлынул второй вал спецссылки из других областей и республик Союза. Проследить живые потоки и судьбы ссылки практически невозможно. Сопутствующие документы в районах (после ликвидации округов) оформлялись небрежно,

от руки, часто даже не заверенные подписью и печатью. К тому же большая часть документов в результате многочисленных административно-территориальных преобразований исчезла либо пришла в дряхлое состояние. Архивные следы могут выветриться совсем к тому времени, когда Россия морально и материально будет готова заглянуть в свою настоящую историю.

Кампания выселений тридцать первого, отмечалось в газетах, явилась не только актом пролетарского позмедия, но и несла громадное созидательное начало. Позднее повременно-премиальные историки перелицуют космический акт сотворения колхоза. Шальные мазки подревольверного страха уступят место фундаментальным и профессионально исполненным фрескам массового энтузиазма. Мы же вытащим из ситуации только нищий факт. Большая часть деревни стала колхозной. Потом, к зиме, когда выстуженные страхом души начнут оттаивать, мужики опять потихонечку подадутся из колхоза. Но уже не так легко, как год назад.

Весной власти нашли прямо-таки махровый созидательный ход. С выгоном скота на свежий зелёный корм, снимающим часть повседневных забот, началось принудительное обобществление коров. И потому как колхозная скотина вымерла, и не только. Тут материальное совпало с духовным. “Забирайте скотину в колхоз, - приказывала уполномоченным директива ЦК ВКП(б), - а мужик сам туда придёт!”

И пришёл ведь. Инициатива набрала широкий ход - до последнего петуха. Летящая кувырком действительность часто приводит к тому, что обстоятельства создают более мощный исторически вращательный момент, чем события генеральные. Ну какая классика может выветвиться до мысли, что коллективизацию в земледельческой России эффективнее начинать с коров, а по её эскимосско-киргизской периферии - с баб?

Несправедливо холодно мы к своей истории, ой как холодно! Спроси у прохожего о свершениях тридцать первого и устыдишься. Для одного это время

сплошного, но бессубъектного энтузиазма, явные герои и враги материализуются несколько позднее. Другой увидит в нём лишь бестолковое выморочное пространство. И всё потому, что трудно этот исторический вакуум подвести под осязаемые ценности отечественного социализма - Великий Октябрь, Великую Отечественную и Космос. Действительно, в октябре семнадцатого большевизм удачно подсадил глупую российскую демократию, взамен которой ввёл тиранию, в войне спасся за спинами двадцати миллионов соотечественников, павших с честью или без вести, а потом ценой нищеты выживших, оставляя последние портки в лапах земного тяготения, устремился к звёздам.

Изнутри Русь социалистическая казалась воплощением исторически неизбежных законов. И только экономически дотошному открывалась истина - махина абсурда, размазанная во времени и пространстве, покоится на примитивном трудодне. На трудодне! На той самой условной палочке, поставленной в замусоленной книжке бригадира, за которую десятилетиями работали миллионы колхозников. Воздадим каждому времени по заслугам. Трудодень изобрели и внедрили в тихом тридцать первом.

Начало было не гениальным. За выход на работу в свежесозданном колхозе (1930 год) платили сразу. Историческая перспектива круто и убедительно гнула в полный социализм, от нараскулаченного добра - хлеба, ликвидного металлолома, носильных и бытовых вещей - ломились амбары. Законсервированным до будущих трат виделось имущество крепких, пока не раскулаченных хозяев. По всему по этому распределение стало простым и понятным.

Продукты питания выдавались в семье коммунаров по едокам или шли через общественный котёл. Носильные и хозяйственные вещи распределяло правление. Для артельщиков жёсткую увязку получаемого добра с трудовым эквивалентом считали излишней. Активисты и особенно партийные сидели на льготном потребительском режиме, что не вызывало, однако, противодействия со стороны рядовых членов. Все

чувствовали свой долг по отношению к партиям и в осознании той мысли, что кулацкое имущество есть продукт эксплуатации, и в реальном раскулачивании.

Другое дело - отношения с единоличниками, открыто зарячимися на дармовое колхозное добро. Договоры найма заключались с ними обычно под условную стоимость определённых вещей. К примеру, за полушубок, снятый с плеч сына кулацкого и оценённый по акту в червонец, единоличник обязывался отработать повременно или с натуры. Явное преобладание потребительского потенциала над производительным, заложенное в протоколхознике, сказалось быстро. Общий котёл уже с мая месяца поддерживался в уральских колхозах только государственной продовольственной ссудой, к осени в уплату за труд единоличников ушли последние, побитые молюю кулацкие тряпки. В голодающий интеллект лезли нехорошие контрреволюционные мысли о несовершенстве колхоза и даже самого социализма.

Партийная мысль в ту пору зависла над проблемой, как оторвать потребление от штатно-семейного состава артелей, как преодолеть самоедскую сущность колхоза. Мерой талантливости уральских организаторов стала регламентированная подёнщина. За ежедневный паёк без гарантии последующей оплаты мужику устанавливался десятичасовой рабочий день, женщине и подростку - девятичасовой. Подростковая подёнщина распространялась на детей до 14 лет. Молодёжь обоих полов моложе 18 лет шла по женской подёнщине.

Внешняя суровость системы в дрожь земляков не загнала. Так как объём трудовых затрат квалифицировался в кривом пространстве от конторы и аж до самого вечера, закономерно было ожидать замедления всех жизненных функций колхозника. А коммунарки стали выходить на работу с оравой своих и соседских малолеток, претендующих на подростковый паёк.

Идея трудодня зародилась в кабинетах Колхозцентра ещё летом тридцатого. Затем идею протащили через ЦК ВКП(б) и съезд Советов, где сдельщину, основанную на трудодне, назвали основной формой

распределения в колхозах. Выводы съезда дословно записали в уставы. Столь авторитетные рекомендации заставляют взглянуть на трудовень с уважением.

Первоначальная задумка - связать трудовень с определённым денежным эквивалентом - отпала сразу же, на кругу партийном. Не по причине сложности учёта трудовых затрат в сельском хозяйстве, технически и в перспективе это решаемая задача. Рядом был совхоз с погрошовым госучётом. Прожект не прошёл идеологически. Отдавать распределение продукта, да ещё текущее распределение, в руки колхозников не входило в исходные условия создания колхоза. Чтобы артельщики всё проели на корню, а ещё хуже - ходили в государственных прикормышах?

Основатели колхоза бились за предельную концентрацию сельхозпродукта в руках государства. Идея текущего денежного обеспечения трудодней, подразумевающая государственное кредитование артелей, с этой точки зрения казалась абсурдной. Первые месяцы колхозной самостоятельности доказали, что каждый коммунар в душе казнокрад.

Не устраивал власть и другой вариант - фиксирование в трудодне каких-либо общественно нормируемых затрат. И опять по причине экономической. Зональные различия в условиях и эффективности можно было заложить в нормативную систему. Была же система зональных цен. Вариант не пролазил в игольное ушко идеологии.

Действительно, если учитывать труд по общественно нормируемой шкале, то затраты надо увязывать с определённой денежной оплатой или ценой продуктов. Проще - переводить коммунара на гарантированную, пусть и очень низкую заработную плату. Но в отношениях с колхозом комвласть допускала лишь одностороннюю гарантию - обязательные госпоставки сельхозпродукции по директивно установленным ценам. Колхоз должен был бесплатно кормить страну и тянуть её в индустриализацию, а ничуть не наоборот. Финансируемое государством совхозное производство при лучшей технической оснащённости и

ежемесячной зарплате всегда было малоэффективным. Коровой крупнотелой, ужористой, но сухостойной.

Единственно приемлемой формой учёта могла быть внутриколхозная затратная единица, никоим образом не посягающая на взаимоотношения артели с государством. Таким и положили быть трудодню. На долгие десятилетия он стал показателем нашей хозяйственной самобытности - жесточайшего из феодализмов с вульгарно подштукатуренной под социализм физиономией.

Да что там показателем! Если говорить объективно, трудовень - величайшее из изобретений отечественного социализма. С введением его в практику шальная идея стала самодостаточной и устойчивой. Хозяйственный строй рванувшего в сторону общества уже не нуждался в серьёзных конструктивных доработках. Экономическая мысль упёрлась в свод объективной истины и могла лишь эволюционно по нему растекаться.

Гениальная простота трудодня в его адекватности колхозно-социалистической идее. Тут классика почти в переборе, Шопен в исполнении Наума Штаркмана да ещё в Рахманиновском зале. Трудодень, это раз, средоточие колхозной демократии. Смотрите сами. Нормы выработки, сложность труда и расценки в трудоднях устанавливались правлением артели. Правда, с первых и до последних дней сожителства колхоза с Советской властью в правленческие уши гудели, что нормы должны рассчитываться по выработке передовиков. На случай наглядности в каждой отрасли культивировались высокопродуктивные пробирочные мутанты. Нам ещё предстоит заглянуть в душу номенклатурного деревенского ударника.

В первые годы правления колхозов блюли принцип формально. Отработать на социализм одну смену и сдохнуть - смеялась деревня в сторону газетных передовиков. Нормы нивелировали по выработке местных передовиков, которые в ту пору не рвали гужей в самоотверженности.

Мило подкупала в новой системе распределения абсолютная эмиссионная свобода. Это уже два. На

деревне колхозное начальство ставилось в те же условия, что и дорвавшееся до Госбанка цековско-партийное руководство. Сколько обществу нужно денег, как и колхозу трудодней, у нас никто и никогда не считал. Поэтому сорили теми и другими по своему усмотрению. "Пролетарское государство есть носитель объективной истины, - всерьёз пели продажные академические головушки, - следовательно, ошибаться не может". Колхозное начальство, увы, могло, но чувство абсолютной власти над коммунарами уловило сразу.

Трудодень, пустопорожня по сути мера, в деревне позволял казнить и миловать, подкупать и покупать. Сложилось, как и задумывалось. Сколь бы ни была опасна должность председательская и бригадирская, всегда находился охотник поизмываться над земляками, почувствовать упоительное состояние всевластия.

Государству трудодень был тоже люб. Однако державные симпатии скользили мимо броской демократической видимости и концентрировались на той фазе дележа, которая предшествовала трудодню. И определяла его глубокий демократизм. Предваряющая конечное кормораспределение стадия уравнивала всю систему, компенсируя шутовскую импровизацию трудодня уголовной ответственностью. Тут каждое хозяйственное движение было либо чревато, либо влекло за собой.

Треть колхозного хлеба надлежало сдать государству по обязательной контрактации, заменённой позднее обязательными госпоставками. Чуть более того уходило на натуроплату услуг МТС, грабёж со стороны которых был виден как на гравюре, и композиционно, и в мельчайших деталях. Но отказываться от "помощи" не было предоставлено, покушение на идею крупного сельхозпроизводства, усиленное контрреволюционным скупердайством, поднимало ненависть с душевных глубин.

Расклад общественного продукта продолжали долги по семенной и продовольственной ссуде, обязательные и хорошо изолируемые от колхозников се-

менные (до 15%), фуражные, страховые фонды, ну там ещё проценты по ссуде, выплаты натурой за лесом и землеустройство, натуральные взносы по займам... На остальное - гуляй, колхозничек! Играй в демократию. Дели по совести и всеартельно. Продукцию общественного животноводства помимо навоза государство забирало в заготовки.

Летняя засуха тридцать первого дала понять, что зима будет голодной и злой. Ещё задолго до уборочной через партийные органы и сельсоветы прогнали жёсткие директивы, запрещающие выдавать колхозникам хлебный аванс по едокам. "Где были допущены такие выдачи, - телеграфировал селькоммунистам секретарь Уралобкома ВКП(б) Кабаков, - обязательно исправить при окончательном расчёте с колхозниками".

К осени, а это наступала первая действительно колхозная осень, без сантиментов и экспериментов, уральские власти подготовились капитально. Когда то надо ставить отношения с деревней на социалистические рельсы. По линии обкома партии, облисполкома, Колхозцентра и десятка других авторитетных организаций с весны подготовили несколько тысяч счётных работников для сельского хозяйства. Большинство слушателей направили в колхозы счетоводами и весовщиками.

Самые одарённые стали преподавателями сельских вечерних школ, развёрнутых перед уборочной повсеместно. Пожарный темп обучения заставлял сосредоточиться на главном - как своевременно вырвать у селян государственный кусок. В курсанты зачислили только элитно-бедняцкую молодёжь с не извращённой потребительством натурой. Конечно, материал это был сырой, высокий познавательный эффект достигался угрозой уголовной ответственности за ошибки в будущей практической работе.

Утверждение планов хлебозаготовок в том году упростили. Дебаты с упрямыми председателями посчитали излишними, а выслали на места подписанные всеми инстанциями наряды. Наказаний за самоуправство не боялись. Москва с середины лета регулярно

долбила провинцию секретными прогнозами о всеобщем недороде и приказывала в газетной и внешней информации избегать оценки будущего урожая. Именно с той уборочной данные об урожае и хлебозаготовках, фактическая урожайность и многие другие показатели деревенского производства стали сверхсекретными. Редакторы районок тополиным пухом слетали со своих мест за малейшие намёки на очевидное - неурожай.

В понимании, что за хлеб придётся бороться, да ещё с собственным детищем, партия придала кампании характер военной операции. Уралобком ВКП(б) назвал свои действия образно, но доступно - фронтальный прорыв в хлебозаготовках. По ту сторону фронта был колхоз и единоличник. На тыловое идеологическое обеспечение власти особо не уповали, но всё же запустили в массы идею встречных планов, буксирных бригад, соревнование за овладение красным знаменем "Авроры" и прочими святыми мощами. Первой, как и положено, кинулась в бой советская печать.

"Ох и ввернут нам нынче ось в задницу!" - сокрушались мужики, глядя на партийную суету. И, будь что будет, с первых намолотов стали делить хлеб по едокам. Как год назад. Сознательный колхозник - колхозник с придавленным страхом интеллектом. В естественном состоянии рассудка он потенциальный кулак. Распределение по душам приняло всеуральский оборот.

"Ничем иным как кулацким влиянием не объяснить, - типично излагает положение обкомовский документ, - что в подавляющем большинстве колхозов царит уравниловка, выдача авансов, как правило, идёт по едоцкому принципу, а не по количеству заработанных трудодней. Отдельные попытки ликвидировать уравниловку встречают организованное сопротивление. Колхозники заявляют, что в случае выдачи авансов под трудодни они не выйдут на работу... Труддисциплина в колхозах недопустимо низка. Имеются колхозы, где рабочий день взрослых работников фактически не превышает четырех часов. По-

пытка повысить производительность труда встречает не только массовое сопротивление, но и прямо вредительские действия".⁴⁴

Если повысим производительность труда в колхозе над единоличной, говорил при раскулачивании секретарь челябинского окружкома Финковский, оправдаем любую нашу жестокость. Не получилось, жестокость стала нормой отношений с колхозом. "Хлеб выдаётся, - продолжим изучение обкомовского документа, - по такому принципу - выдали мешок, съедим, дадут другой. В одном сельсовете выдают на каждого человека по 30 кило в месяц, включая грудных детей! Все эти стяжательские настроения не только не получили должного отпора, но даже поддерживаются отдельными партийными и советскими работниками".

Обижались на кадровых работников не зря. На каждом взлёте колхозной дикости некоторые из них, самые совестливые, невольно выпадали из общего строя. Нравственно хлипких преследовали с особым усердием. Ну как прикажете понимать, к примеру, уполномоченного по Режевскому району, бухнувшему как в бочку буквально следующее: "как уполномоченный заявляю, что план заготовок реален, а как гражданин считаю невозможным оставлять без хлеба колхозников". Слезливый гражданский оппортунизм обнаружился даже у некоторых секретарей райкомов. Десяти из них в порядке срочной интенсивной терапии всадили по строгому выговору. Психическую аномалию как рукой сняло.

С местной партийно-советской сошкой обращались совсем шершаво. "Прошу не считать меня оппортунистом, - юлил посланный на заготовки кадр Березниковского райкома, - но я должен честно сказать, что план ни в коем случае невыполним".⁴⁵ На самом деле кадр бил подло в промежность. Лозунг уборочной определила передовица "Правды" - "Крепче ударяя по правым оппортунистам, усилить борьбу с левыми загибщиками и голым администрированием!" А тут ни туда и ни сюда.

Уж чего у Совдепии не отнять, так это прямолинейности чувств. Врагов нещадно уничтожали, пока они ходили в героях - возносили до небес, но хитрожопых презирали всегда. Тех, что внизу, даже вслух. Хитрожопость политическая не была судима столь строго. На деревне понимали, что начальство, особенно местные выдвиженцы, лелеют пороки не свои, а государственные. Да и то не по своей воле, а по нужде, подсунувшей поганый промысел. Березниковского кадра исключили, сняли и посадили. А жаль, в то время по кабинетам уже составлялись списки на партийные спецпайки.

Никакая сверхчеловеческая изворотливость не спасала председателей, для них перспектива фатально разваливалась надвое. "Если я буду сдавать хлеб, как положено по плану, - жаловался секретарю райкома председатель опять же из Режевского района, - то меня здесь прибьют, если невыполню план - посадят". Секретарю нужны были не жалобы, а хлеб. Поэтому по хозяйствам и районам летали разъездные судебные бригады. Председателей-оппортунистов моментально отправляли за решётку.

"Председатель колхоза говорил, что первоначально нужно обеспечить себя семенами, продовольствием до нового урожая, фуражом, а затем уже выполнять государственный план хлебазаготовок. Такое же "самоедское" настроение характерно для других руководителей". Взят фрагмент донесения бригадной супруги облпрокуратуры и ОГПУ. Возглавляемой всё тем же Мовшензоном летучий отряд пролетарского гнева за один рейд по Ярковокому району упрятал в тюрьму двенадцать председателей."

На агрессивную массу колхозников и одиночников налегли всей силой советского страха. Повсеместные деревенские бунты, крикливые, стихийные и беспомощные, выявляли людской контрреволюционный осадок. Через день-другой появлялось ГПУ и увозило дерзких. А в деревню вползал порожний обоз, украшенный актуально звучащими транспарантами. Одни с удовлетворенной, другие с затаённой

мстительностью глядели, как грузится хлеб в честь досрочно задумой магнитогорской домны.

"Давайте в голос скажем, - призывал Михаил Шутин, колхозник артели "Свободный труд" Юргамышского района, - что хлеба не дадим, да и все сами на голодную смерть не останемся. На это и сгоняли в колхоз, чтобы здесь нас заморить". Его сосед Иван Дербичев был ещё решительнее: "Мы собрались здесь отстоять хлеб. А ты, председатель, не смей судить. Не дадим и всё! Лучше бы весной разбежаться, а не стараться. А то вот остался шиш. Чем изгаляться над народом, приехали бы да дали залп. ГПУ вон все сытые, а мы голодные всегда".⁴⁷ Прямую речь бунтовщиков со слов председателя и на очной ставке записали в райуправлении ГПУ. Потом председателя отпустили домой выполнять план.

В десяток арестованных и две забитые скотские туши обошёлся конфликт в деревне Анчугово Катайского района. Когда дело дошло до дела, то есть до рукоприкладства, оказалось, что драться-то не за что. Амбар встретил освободителей морозной пустотой. Ночью хлеб тайно вывезли. Сторожа по причине старческого слабоумия бить не стали. Угрозу быть разорванными на части председатель и члены правления отвели разрешением забить две скотины. Пока откупное свеживали, пока делили, кто-то слетал за пролетарской помощью.

Ситуация, вы видите, не оставляла властям времени на заигрывания и демократические реверансы. Среднеуральская урожайность - где-то около четырёх центнеров с гектара, не давала спать. И Москва с самого начала уборки подсылала директивы одна строже другой. Хлеб любой ценой! В погашение плановых поставок вывозились семенные фонды колхозов, нераспределённое продовольственное зерно, фуражные запасы. При этом степень выполнения колхозом плана не имела никакого значения, наличие зерна полагало обязательную конфискацию. "Надо ставить вопрос так, - инструктировали заготовителей, - если хлеб не сдаёшь, то значит враг Советской вла-

сти". Колхозники пытались прятать общественный хлеб, но всегда неудачно.

Особо упомянем про единоличников. Их сразу придавили уголовной ответственностью. "Кулаков, не выполняющих задания, - под суд!" - газетно и в осургученной информации довели до всех. Конечно, можно было каждого запоздавшего подвести под кулацкую или антисоветскую статью, а потом волоочь в суд. Волокитное дело нашло творческий выход. Агитмассовый отдел Уралобкома ВКП(б) директивно рекомендовал колхозам обмолачивать (и сдавать в зачёт своего плана) полосы тех единоличников, которые тянут с выполнением индивидуальных заданий и вообще классово подозрительны.

Страдовать на чужом поле как-то веселей. Особой директивой обком всё же напомнил коммунарам, чтобы те не удовлетворялись в медвежьей радости только вершками, а описывали и конфисковали имущество должников. Да, и не забыли отнести на них же затраты по уборке. Сельсоветы получили указание - отбирать хлеб в первую очередь у единоличников, колхоз всё равно сдаст.

К Рождеству жестокость кипела ключом. В Тобольском округе, судя по отчёту о ходе заготовок, не выполнивших плановых заданий сталкивали на Север. В Коми-Пермяцком округе ссылка практиковалась вперемешку с массовыми арестами и пытками, повсеместно нашли эффективным устраивать над должниками спектакли расстрелов.⁴⁸

Солнце деревенского социализма оторвалось от горизонта. Колхозное утро уходило в день. Идеологический щебет о коллективном мужицком рае не гармонировал с окружающей дикой реальностью. Деревня доедала последний припрятанный кусок. В уральской столице из списков централизованного снабжения размашисто выхеривали города и веси

Решительности добавлял строго секретный документ "О состоянии хлебных ресурсов Урала", в котором сообщалось, что дефицит зерна по региону составляет около ста тысяч тонн. Два месяца в году не есть совсем. Москва обещала помочь и даже выслала

наряды на поставку хлеба из Нижнего Новгорода, Воронежа, Саратова и Уфы. Но впереди был год тридцать второй, и только бог располагал, что не вкушать Уралу дарёного хлеба.

Знали в областном центре и про то, что в прошедшем году пала треть скота рогатого и чуть больше трети скота лохматого. Лошади мёрли где-то тут же. Про свинью и говорить нечего, не ко двору она пришла в колхозе, безжалостно обжирал её несознательный коммунар. Годовой хозяйственный отчёт, представленный только членам бюро обкома и самым доверенным лицам из президиума облисполкома, вытягивал тем морды в ужасе удивления. Во время обсуждения годовых итогов представитель облземуправления пытался было провокационно втянуть коллег в дискуссию - общей или только региональной является видимая закономерность, когда падёж скота растёт с уменьшением его поголовья. В январе тридцать второго теоретика осаждали. А ровно через пять с половиной лет расстреляли. За то, что закономерность знал, но не принял мер.

В микроэкономическом разрезе действительность кровоточила. "Животные представляют из себя скелеты. Это происходит вследствие недостатка кормов и небрежного их расходования. В телятниках высокая температура, сырость. Телята заражены экземой, с большими глазами, всегда стоят мокрыми, шерсть вылезает, чешутся... Зоотехник вырвал у телёнка последний клок и сказал - теперь хорошо, осталось только дубить. Скот заражён вшами, не говоря уже о таком заболевании, как повальное воспаление лёгких..."⁴⁹

Жалость властей могла быть радикальной и естественной. Комсомольцам и партийным шнырям вменили в обязанность конфискацию кормовых культур. Законной видимости ради во многих районах распространяли на живность принципы классового распределения. Классово ориентированный годовой рацион на одну потребительскую единицу, утверждённый, к примеру, Талицким райкомом партии (на родине первого Президента России), выглядел так. На особи советские - взрослый едок, лошадь, корова, гусь и

курица - нормировалось соответственно 2,16 ц зерна, 4,8 ц овса, 0,86 ц зерна, 0,15 ц зерна, 0,1 ц зерна. На особи классово-чуждые в том же порядке - едоку нормы нет. 2,32 ц овса, 0,4 ц зерна, 0,06 ц зерна, 0,04 ц зерна.⁵⁰

Да и в самом деле! Почему социально чуждая, тем более кулацкая, скотина должна жрать больше, чем прогрессивно обобществлённое животное? Исторически справедливее сделать наоборот. Впредь стали частные дворы выметать до зёрнышка и последнего навильника соломы, а потом выдавать национализированный продукт и кормовой ресурс в соответствии с установленными нормами.

К концу года тридцать первого колхоз в основном сформировался в хозяйствующую особь. Надежд на скорое благополучие столбовой путь не навевал. "В колхозе хлеба не заработаешь", - говорили, наученные распределительным опытом коммунары. Бесхозность и государственный грабёж не давали возможности жить трудом, в колхозе пока можно было только воровать.

Дедушкин указ

“Дорогой мой муж, Аристарх Фотеевич! Приму Ваш низкий поклон за горячими слезами. Я об Вас очень скучаю. Я без Вас живу очень плохо - хлеба не дают. Не знаю как мы проживем, может с голоду заморить хотят. Придешь в правление, говорят - иди на лесозаготовки, там хлеб получишь. И весь разговор. А куда я пойду, когда ноги опухли, как колодки. Нам приходится помирать с голоду, больше делать нечего. Ваши детки каждый день дожидаются домой, но дождаться не могут своего отца. А я один час, одну минутку не могу, чтобы пошла и не зевала, дошла до того - где встаю, тут и валюсь. Свет в глазах теряется, наверное Вас уже не увижу. У меня родных нет, призреть некому”!

“Добрый день, счастливая минута! Здравствуйте дорогой мой муж Василий Ефимович от извечной твоей супруги и от родимой твоей мамоньки! Быстро спешим уведомить тебя, что мы поимели большое счастье, получив от тебя известие. Извещаем тебя, что на нас наложен какой-то налог временный 20 рублей и просят уплатить. Удостоверение, которое получили от тебя, носили в сельсовет, но льготы пока никакую не предоставляют. Просят налог выплатить и весь корм от нас увезли на ферму, а кормить у нас совершенно нечем стало. Кобыла стоит дома, на скотный двор не принимают, а ездить каждый день ездят... Скот на ферме пропадает, уже пало около 80 голов рогатого скота, лошадей пропало 40 голов.

Затем прописываем, что Малаху из избы вывели, прилюдно вывели. У Немирова Кириюху и Тереху тоже из изб выгнали... Затем передай пояснение Селиверсту Васильевичу от жены его Марии Афонасьевны - она очень печалится. Налог с нее просят 28 рублей 75 копеек. Денег нет, а просят обязательно уплатить... Затем с Петра Васильевича взяли налог и ещё наверное из дома погонят. Хлеба в колхозе больше не дают. Нормы выработки очень велики, никому не выработать”².

Два письма - глас из свирепого тридцать второго - выловлены из солдатской переписки комиссаром 169 полка. Забота о высоком идейном и боевом духе красноармейцев подвигла начальство к абсолютной изоляции служивых от событий, творящихся в деревне. Что тут придумаешь лучше сплошной фильтрации солдатских писем? Действовал принцип, доведённый до тотального правила, - лучше письма уничтожить, чем пропустить не проверив. Корреспонденция, вылетающая в мир гражданский, особых хлопот не доставляла. Знающие обо всем красноармейцы писали складно про солдатское бытие, а про политику вралли дословно, как было учено на политзанятиях. Дошлые пытались умотать правду в намеки да деревенские метафоры, не догадываясь, что подозрительного содержания письма просто выбрасывались вместе с письмами дурного почерка.

Почта извне несла идеологическую заразу. Корреспонденцию вредительского содержания высевали и направляли в органы ОГПУ по месту отправления. На предмет оперативного реагирования. Нет, “органы” не занимались благотворительностью или защитой обиженных, интересовал только источник контрреволюционной крамолы. В нашем случае комиссар оградил двух подчиненных - красноармейцев Петровских Аристарха Фотеевича и Мальцева Василия Ефимовича, уроженцев Уральской области, от летворного влияния антисоветчины. А ОГПУ своевременно таковую пресекло, правда, оперативного вмешательства потребовал лишь один факт. Петровских Мария до наказания не дождала.

Письма из голодухи мною выбраны не потому, что они содержательно яркие, нет, они типичны для долго засекреченного пласта людского горя. Просто они с Урала и датированы началом тридцать второго, о событиях которого пойдёт речь. Раб в пилотке - типичнейший персонаж советской истории. Когда-нибудь и кто-то в благом порыве сдернет раззолоченный занавес восторженного патриотизма и обнажит застывшие в боли солдатские души ещё одного континентального ГУЛАГа. События чеченской войны дали понять матерям и отцам цену советского патриотизма. А заодно и золоту генеральских погон.

Все наши пятилетки великие одинаково, но омерзительна каждая по-своему. Тот год завершал первую пятилетку, встающую на горизонте прошлого резным профилем гигантов индустрии. Скажем печальное “спасибо” рано вымершим под кнутом, но сотворившим. Даже у самого ортодоксального ценителя социалистических раритетов не повернется язык хвалиться успехами тридцать второго. Веет могильным холодом расстрелов от одной из самых лихих годин российской истории.

Малоснежная зима опять обещала засуху. События тянулись медленно, почти эволюционно, накапливая потенциал для качественного сдвига жестокости. Героические свершения виделись с высот демагогии, вблизи жизнь рассыпалась в пошлую броуновскую толчею. С оттенком криминала. В свою вторую годовщину колхоз огорошил Советскую власть и родную партию таким пронзительным хозяйственным вандализмом, которого нарочно не придумать самому отчаянному врагу большевизма. Полтора года вполне хватило, чтобы из прогрессивного экспроприатора выковать злонамеренного и агрессивного вредителя.

Планы заготовок Урал провалил. Вдогонку этому факту констатировалось резкое снижение качества сдаваемого хлеба, чувствовалось, что в огромном вытяжном механизме государственных заготовок полно тайных щелей. Озабоченность опрокинулась в поиск. Уполномоченных, выкачавших из деревни казалось бы всё и уже собиравшихся по домам до весеннего

призыва, насторожил массовый с нехорошими подозрениями факт - колхозники стали ночами повторно обмолачивать солому. Криминал подтвердился проверкой, неблагодарные коммунары спрятали часть урожая в плохо вымолоченной соломе.

Первые областные директивы предписали сплошную проверку соломы, а последующие, уже центральные - уральские колхозники оказались не хитрее украинских и российских, - обязательный вторичный обмолот. Солому единоличного сектора следовало перемолотить только в колхозе. Особая прокурорско-судебная бумага подчёркивала, что плохой вымолот должно квалифицировать не простой халатностью, а изощрённым, то бишь осмысленным, обманом пролетарского государства.

Натурой домолоченный хлеб шёл в зачёт планов, а как исторический факт - в состав преступления. У тех, кто успел вторично обмолотить солому до означенных директив, вымели все продовольственные запасы. Из механизма пролетарского правосудия давно выбросили буржуазный храповик, исключая обратное действие законов, педали репрессий эффективно крутились в обе стороны бытия.

Операция имела не столь хозяйственное, сколь воспитательное значение. Исправлять порочные устремления пришлось холодными зимними неделями, за которые трудодней, естественно, не начислялось. Уполномоченные мёрзли наравне со всеми, инструктивные материалы обязывали их контролировать вторичный обмолот с учетверённым вниманием. Судьба их, к месту сказать, отблагодарила, к моменту окончания операции итоги уральского хозяйственного года были Москвой закрыты. Большая часть вытрясенного пошла на спецраспределение.

Второй коварный замысел деревни в ту зиму только обозначил себя и получил развитие во времена более поздние. В предшествующую осень коммунары интеллектуально повзрослели. За один сеанс колхозного распределения в голове до упора засело - как только доведёшь хлеб до ума, он вылетает в заготовки. В России, как у нас в Звериноголовском районе, от

дикого до смешного один шаг. Здравая мысль не торопиться с подработкой зерна или красть его до того ушла по-русски в одержимую фантазию - сделать зерно вообще невывозимым. Во многих артелях колхозников осенью авансировали только отходами. К моменту подведения итогов хозяйственного года голодали уже амбарные крысы. Полова да обмётки токов остались единственным расчётным средством. Прямая связь благополучия с объёмом отходов схватывалась даже деревенскими дурачками.

Прямо жечь зерно в буртах не давала совесть. Оправдательным аргументом признавалось только глухое ненастье, так как крытых токов ещё не построили, те самые неблагоприятные погодные условия, "несмотря на которые, советские труженики..." Спасительная непогода давала возможность держать хлеб в состоянии повышенной влажности, неприемлемом для элеваторного хранения и дальней транспортировки.

Когда же власти почувствовали злонамеренность деревни, было приказано сдавать хлеб на спиртоводочные заводы. Пусть даже сгниёт, но в государственном кармане. Выросшие повсеместно и как грибы, в самые голодные годы многочисленные спиртоводочные заводы замыкали технологическую цепь социалистической бесхозяйственности, способствуя всеобщей алкоголизации народа и нейтрализуя наивную мужицкую хитрость.

В радость был и другой хозяйственный казус - засоренность зерна, которой коммунары тайно и явно способствовали. Особенно засорённость трудноотделимыми взвесьями. Куда до нас жуликоватым русским купцам, разбавлявшим экспортируемый в неметчину хлеб янтарным волжским песком? Ядрёный колхозный опыт вылился в сатанинскую антиагрономию вплоть до искусственного заражения зерна клещом, от такого продукта элеваторы в ужасе шарахались, а репрессивная машина билась в истерике бессилия. Но недолго. На всякий яд, солидно скажут гепеушники через полгода, есть противоядие. Бурты гнилого и разного хлеба на складах спиртзаводов станут выше, а

ворота лагерного архипелага распахнутся перед плотными колоннами доморощенных вредителей.

Любая подработка зерна, даже зимой, ночами, при дремлющем в ознобе контролёре оставляла надежду. Хлеб оставался в деревне, его можно было красть. И его крали, если поднимется язык назвать кражей присвоение мизерной части продукта, произведённого собственным трудом. Несли, во спасение семьи, в карманах и обуви, в потайных подвязанных на тело платках, в штанах и рейтузах. Работающие колхозники старались не объедать семьи, на току иногда удавалось перехватить сырого или поджаренного на культиваторных дисках зерна. Трактористы совали узелки в систему охлаждения "Фордзонов" и "Универсалов", прихватив тряпицу пробкой радиатора, чтобы потом, в укромном конце гона тайно и почечачьи наглотаться распаренных зёрен.

Где-то с той же поры стали исподтишка морить обобществлённую скотину, свежая пропастина дважды, в тридцать третьем и сорок шестом, спасала деревенщину от голодной смерти. Пожилые сельские соотечественники, наверняка, помнят, как ночами, тайно, обходя дороги, волокли со скотопогильников мороженные туши. Промышляли этим на моей памяти, в послевоенную голодуху. Ходили ночами и обычно дети. Особенно трудно было возвращаться, с грузом, вслепую, по снежной целине. В одну из ночей не вернулась из ходки соседская девчонка Харламова, имени не помню. Утром её нашли замёрзшей в степи рядом с куском окаменевшей пропастины...

Природа политически инертна, пришла и весна с её естественными хозяйственными заботами, осложнёнными прогрессирующей колхозной дикостью. К Первомайским праздникам секретарь Уралобкома Кабаков направил тёплое письмо Сталину. "Несмотря на то, что в этом году на колхозы Урала свалились большие затруднения в связи с недородом, - сообщалось вождю, - настроение в колхозах бодрое. В каждом колхозе, как правило, имеются детские площадки. Обслуживающий персонал состоит из колхозниц, которые не блещут высотой уровня развития, но

состояние детских площадок и яслей такое, что можно позавидовать... Дети обуты и одеты неважно, но зато чистые, весёлые и радостные. Питание детей поставлено неплохо. Чувствуется заботливый уход за детьми." У нас будут основания усомниться в искренности писавшего.

"...В редком колхозе не найдёшь нового утеплённого скотного двора, которых на Урале никогда не было. Скот в большинстве деревень ходил на улицах. В редком колхозе не найдёшь породистых свиней, породистых быков, лошадей. Есть колхозы, где куры поголовно укомплектованы из-заграничной породой". И так далее, все в режиме махрового соцреализма. Не интеллигентски и буржуазно изысканно, но пролетарски просто и красиво. Письмо, многократно отшлифованное технически и содержательно, отправили в Москву. Может быть, прочитав его или вкупе с другими секретарскими пейзажами, Сталин бухнул в бочку истории - "жить стало лучше, жить стало веселей!"

Между тем в обкоме партии подшивали и консервировали тысячи писем из деревни. Писем совершенно иного содержания. Конспективно цитирую одно из таковых, его особый статус в том, что оно поступило в обком 1 марта 1932 года, когда машинистке был передан первый, черновой вариант письма Сталину.

"...Скоро наступит весна, надо будет сеять, а у нас нет семян, лошади не ходят, коровы и лошади мрут десятками, люди чуть живы от голодного пайка. А что дальше будет - страшно подумать! Лошади точно живые тени, бродят как скелеты, обтянутые кожей. Ну как на них будем работать, да и доживут ли они, трудно сказать... Мясо, рыбу и масло, даже растительное, видишь только во сне, когда неосторожно выбранные советские работники получают и несут их на глазах у всех из закрытых распределителей..."

Хорошая жизнь нашему крестьянству - хуже, чем жиду во времена царских погромов. Мужик дай хлеба, мясо, рыбу, масло, яйца, отдай лошадь, ко-

рову, шерсть, успеи заработать себе паек, получи за работу тридцать копеек, а пять рублей отдай в кооперацию, отдай налог самообложения и чёрт знает ещё что, а если спросить - что мужик получает... Голодный хлебный паёк, редьку, репу и немного картошки со своего огорода.

Жёны советских работников сидят дома или пристроились куда-нибудь на службишку, дома имеют прислугу. А крестьянская баба сумеи дать государству что от тебя требуется - указано выше, ступай в лес дрова рубить, лес вывозить, ходи за коровой, надой молока, сделай из себя живую ходячую машину. Только слепые да фанатики не могут видеть, куда мы идем.

Один из многих мужиков, осмеливающихся поднять голос как протест против голодной смерти".⁴

Последовательным изложением событий прокомментируем эпистолярную альтернативу. По теплу стали повсеместно выдворять из домов государственных должников. Недвижимость шла в зачёт податей и невыполненных индивидуальных планов хлебосдачи. Реализовать хибары в наличность было трудно, поэтому их великодушно передали колхозам в текущее хозяйственное применение. В жилу подвернулась большая кампания по организации постоянных колхозных бригад и отрядов, инициируемая специальным постановлением ЦК ВКП(б). Сколь-нибудь живые домишки перекатали в полевые станы, вынесенные далеко от деревни. В них погаснет молодость трёх поколений сельчан, обязанных колхозным уставом к безвыездному многомесячному пребыванию в бригадах.

Может, секретарь обкома, говоря о бодром настроении колхозников, имел в виду постановление ЦК ВКП(б) от 26 марта "О принудительном обобществлении скота"? Действительно, эта директива ругала местные власти за повсеместный грабеж личных дворов в пользу колхозов.

Редакционные статьи всех газет по вертикали исходили в ненависти к абстрактным "перегибщикам", требуя возмездия и возвращения скота. Деревенский

актив постепенно нащупывал принципы аграрной политики, верно оценив кампанию как пропагандистский маневр, он опирался в работе на более веские основания. Откуда же при ошеломляющем падеже да и бескормице взяться росту колхозного стада? Росту, который рядом с земельными угодьями приводился в отчетности и высоких докладах как факт колхозного прогресса.

И с формальной стороны опять же все чисто. Год назад московские власти предписали безжалостно отбирать коров у твёрдозаданцев, не выполняющих доведённые планы заготовок. Кара распространялась и на колхозников, имеющих индивидуальный засев и, соответственно, твёрдое задание по сдаче. В колхоз не верили многие, поэтому за свой клочок пашни держались сколь могли. Власти с подозрением относились к таковым, считая их социалистически неполноценными. Уже перед самой войной лётчиков помимо служебных заданий нагружали общественной обязанностью - с высоты выявлять тайные индивидуальные посевы.

Настоятельно рекомендовалось принудительно обобществлять скот у лиц, допуская антисоветские выходки, бывших служителей культа и прочих субъектов, имеющих контрреволюционные пятна на биографии. Документация сельсоветов дополнительно к долговым книгам и спискам потенциально годных к выселению кулаков обогатилась алфавитными и классово очередными реестрами дворов, подлежащих скотонационализации.

С выходом цековской директивы незаконно изъятых коров торжественно обещали вернуть. Оставалось доказать по суду факт нарушения закона. Закона, которого не было. На обомшелых скрижалях коммунизма ещё классики вырубали отвращение к частной собственности. Потерпевшие же, веря суетной бумаге, завалили исками и слёзными жалобами суды, все партийные и советские органы. Девятым валом обрушились слёзы на канцелярию Калинина. Благообразная внешность всесоюзного старосты источала доброту и справедливость. Через полгода этот милый

дедушка подмахнет документ, отправивший на плаху многих взыскующих.

Заглянем поглубже в сумеречную пропасть между должным и сущим. Чтобы не разводить судебную канитель по каждой корове, власти обещали вернуть все оптом, но после посевной. Лошадей для вспашки и боронования уже не хватало. С весны тридцать второго началась и до сих пор лежит научно не освоенной исторической коровья, о бабах мы поговорим, эпопея. Роль российской скотины в деле построения социализма в целом с лексической стороны не юморнее, чем, скажем, "Снижение яловости коров в свете Продовольственной программы", но содержательно она фундаментальна и сравнима лишь с ролью самой партии.

Коров вымордовали на посевной до потери основных продуктивных функций. Под предлогом восстановления таковых скот оставили в колхозном стаде на лето. И тут пришла другая бумага. Документ Наркомюста, с которого, вероятнее всего, ее переписали, я не нашел, поэтому ставлю директиву областной прокуратуры № 46 от 13 сентября этого года в исключительную заслугу уральским правозащитникам режима. В обиходе тех времен она прошла как "Циркуляр о последней корове".

Последняя корова, трактует документ, подписанный облпрокурором Пальговым, взятая у колхозника или единоличника в зачет контрактации или обязательств по госпоставкам, возврату не подлежит.⁵ Если претензии пострадавшего суд признает справедливыми, теперь можно было и посудиться, надлежало вернуть истцу деньги в сумме, определяемой государственными закупочными ценами и прикидочным чистым весом скотины. Если к означенным переменным присовокупить хроническое безденежье колхозов, восстановление справедливости тонуло за горизонтом всемирного коммунизма.

Предметом самобытной политической борьбы стало не только поголовье скота в живой натуре, но и многие частные его составляющие. Пик катаклизмов

по мясу, маслу, молоку и овощегаготовкам падает на год тридцать третий, остановимся на этом позднее.

С зимы тридцать второго начался интенсивный гон против "кадушечничества" - одной из деревенских разновидностей оппортунизма. Не скажу, теоретически или практически Советская власть вышла на хозяйственную аксиому, что шкура каждой отечественной скотины, независимо от места рождения и классовой масти, являет собой общенародное достояние и подлежит обязательной сдаче кожзаготовительным организациям. В свете чего вынесенная из прошлого привычка шить индивидуальные полушубки, тулупы и прочая выглядела если не буржуазной, то откровенно рваческой.

В полушубке, готовом продукте, производственный процесс уже погас и законность прав на него уловить трудно. Объектом слежки, естественно, мог стать только технологический процесс выделки. Благо, что, как всякий интенсивный химический процесс, он воняет. Средством классовой борьбы на деревне стало ещё одно достояние человеческой натуры - обоняние. Взятые на нюх нелегалы, называемые "кадушечниками", подпадали под уголовное преследование. Директивой облпрокуратуры от 27 августа 1932 года предписывалось "расследование по этим делам проводить в самом срочном порядке не позднее пяти дней с обязательным рассмотрением дел на предприятиях и в колхозах показательными процессами".⁶

С той забытой поры полушубок, а тем более дубленка, стали символом высокой должности. Мужу шуба при социализме не по чину. Номенклатурно дифференцированный государственный покроем с далекого подхода выдавал секретаря райкома или просто уполномоченного. И наоборот, самодеятельно сварганенный кожанок и фасоном, и швом выдавал государственного преступника, заслуживающего двухлетнего срока заключения. Пролетарский стандарт быстро нивелировался до классической телогрейки, в гражданском варианте которой имелись два эстетиче-

ских аксессуаров - застегивающиеся обшлага рукавов да пижонистые, прошитые внутрь косые карманы.

Трехлетний гулаговский отпуск корячился и тем, которые опаливали свиные туши при забое. Только беззубый не любит пожевать хрустящую просоленную корочку сального шматка. Шкуру надо было сдать - авангарду рабочего класса требовалась выходная летняя обувь. Тут контроль упрощался сезонным характером забоя. Сложнее было с самостоятельным производством валенок, квалифицируемым по той же уголовной мере. Ну право, не уследишь ведь за каждой овцой и за тем, когда ее разденут.

Навели, худо-бедно, порядок и здесь. Валенки, не проходящие спецодеждой, изымались в случае задолженности по шерсти. Ремесленников-частников выводили как крыс. В конце шестидесятых мой деревенский сосед Михаил Галкин, пимокат от бога, брал заказы при условии изготовления штучной обуви в банях клиентов. Для солидарной ответственности.

Партийно-руководящий стандарт по этой товарной группе нашёл три ярко выраженные ступени, перечислю сверху вниз, - светлые бурки, отороченные красной кожей, валенки-чесанки и пимы заводской катки. Нетрудно представить большевика тех лет визуально, добавьте к сему грязно-зеленый китель, португалею, галифе и усы в сопельку.

Кожзаготовительный кодекс десятилетиями совершенствовались в принципах и тонкостях. Наладили жесткий учет чужой живности, нашли действенные средства борьбы со злоумышленниками. Лиц, умыкнувших обобществленную шкуру, заставили возмещать её стоимость мясом. Шкура шла по рыночным ценам, а мясной эквивалент, естественно, по госзакупочным. Ну-ну, здесь всё справедливо, ты же мог шкуру и загнать!

В пассив того года, если не принимать во внимание цену исторического опыта, занесём попытку сверхрадикального решения продовольственной проблемы. В её основе, вообще-то, заложен абсолютный биологический факт. Общеизвестно, что кролики до неприличия быстро плодятся. Этот поразительный

феномен, будучи сопряжённым с двумя аналогичными - высокими темпами индустриализации и падежа копытного скота, вывел людей, обладающих достаточно революционным мышлением, к интегрированной сути: "Кролик - основа рабочего снабжения!"

Чтобы идея овладела массами, запустили директивы и планы. Всегазетно и всежурнально пошли комментарии (чуть выше закавычена популярная шапка, под которой они подавались) - от свидетельств, что крольчатина в постоянном ассортименте парижских и лондонских гастрономов, до научных в слоге статей о неоспоримых преимуществах зайчатины перед скотским мясом.

Самым сильным аргументом идеи были графики потенциального роста поголовья, напоминавшие притчу о плате за изобретение шахмат. Начинаешь вроде бы ни с чего, а итоги - ого-го, космического масштаба. Через три месяца завалим диетическим продуктом Европу! В редких колхозах и школах не завели крольчатников...

Идея быстро и бесславно ушла в грунт истории. Сама природа встала на пути хозяйственного экстремизма. На четвертом-пятом помете начался повальный мор поголовья. К тому же было замечено, но не объяснено, что у обобществлённого зайца прогрессивно падает половая активность.

Первый раз громыхнуло на изломе лета с принятием постановления ЦИК и СНК СССР "О революционной законности". Бумага как бумага. Подписанная Калининым и Молотовым, она наводила на грустные размышления двусмысленностью каждой своей статьи. В целях укрепления революционной законности статья четвёртая, к примеру, обязывала суды и прокуратуру "привлекать к строгой ответственности должностных лиц во всех случаях нарушения прав трудящихся, особенно в случаях незаконных арестов, обысков, конфискации или изъятия имущества, причём налагать на виновных строгие меры взыскания".⁷

При творимом повсюду произволе, казалось бы, поднимется вал справедливого возмездия. Пусть не судебного отмщения, но хотя бы общественного осу-

ждения авторов содеянного. Отнюдь, не в ту сторону глядела бумага. Советская государственная машина, набившая руку в преследовании простолюдина, расписавшая с провизорской тщательностью сроки заключения по каждой недоимке или неосторожному мужицкому слову, тут отошла абстрактными "строгими мерами взыскания".

Не заскребло на душе у тех самых должностных лиц, мордовавших деревню. По опыту раскулачивания и выселения было усвоено, что "строгая ответственность" в худшем варианте обернется переброской в другой район на должность, ни морально, ни материально не ущемляющую. Другое дело, если попадешь под суд за срыв хлебозаготовок.

Характер взаимоотношений между судебнo-прокурорской братией и комвластью вообще исключал какое-либо практическое применение указанной статьи к кадровому составу. Потом, пять лет спустя, осатаневшая и взбесившаяся зверина НКВД начнет рубить номенклатурные кочаны, не спрашивая местного партийного разрешения. А пока все - и прокуратура, и суды, и гепеушники - ходили в холуях у кадровых большевиков. Да и диктатор еще не дозрел. Суд, творя беззаконие, как-то озирается на уголовно-процессуальный кодекс, а все своеобразие прокурорской работы сводилось к требованию предельной жестокости.

Жизнь на деревне скручивалась в спираль, но укладывалась в принцип, уловленный сто лет назад нашим великим сатириком. Российская действительность, говаривал он, часто подводит соотечественника к оптимистическому выводу - все, хуже уже не может быть! Ан - нет, назавтра еще хуже. Постановлением ЦК ВКП(б) от 6 мая 1932 года была полностью запрещена частная торговля хлебом, сей шаг объяснялся необходимостью выполнения плановых госпоставок. Торговлю закрыли на десять месяцев, а там напозла и голодуха.

Через две недели заискивающие подельщики - ЦИК и СНК - специальной директивой пообещали "принять меры к искоренению спекуляции, применяя

к спекулянтам и перекупщикам заключение в концентрационный лагерь сроком от пяти до десяти лет без права применения амнистий".⁸ Что тут скажешь, солидный документ. Не какие-то "строгие меры взыскания", а концлагерь с первого знакомства.

Темой спекуляции Советская власть спекулировала всегда, выдавая за злейшего врага пролетариата мужичонку, продавшего лишний пуд собственного хлеба. На тот раз эффектный демагогический пассаж отправил на голодную смерть ту часть деревенщины, которая не имела собственного посева. Государственного пайка деревне не полагалось, и осиротевшие прародители спецпереселенцев, отсортированные при погрузке, принудительно вербованных, заключенных по заготовительным, налоговым и иным делам, просто одинокие и безлошадные оказались между властью и смертью.

К середине тридцать второго Совдепия загнала мужика в угол, обложила со всех сторон. Обрезала до костей мяконькие кусочки. Вышел земляк не в сказке, а наяву к тому вешему камню, от которого разбежались три смертные дороженьки - бежать из колхоза, бежать из деревни или оставаться в колхозе, но по необходимости воровать. На каждой из них мужика ожидали предусмотрительно выставленные кордоны да волчьи ямы. По оперативным сообщениям ОГПУ, бегство из колхозов приняло массовый характер, разваливая целые хозяйства. Страх на Руси быстро приедается. Как только за горизонт уходила очередная партия выселенных, мысль о выходе из колхоза сверлила головы оставшихся.

"Днем 20 июня 1932 года, - повествует докладная Кизеловского РУПа ГПУ, - в деревне Гулино Богоявленского сельсовета без разрешения власти и других организаций было создано собрание колхозников и единоличников деревень - Гулино, Рускино, Патралят, Кильяново и Киселево Кузьмы - Демьяновского сельсовета и др. На собрании было решено выйти всем из колхозов, рожь разделить по прежним владениям, лошадей развести по домам, а тем хозяевам, лошади которых пали или были проданы колхозом,

помочь всем миром. С 21 числа считаться всем единоличниками...”

Не умеем мы интеллигентно обставить свои претензии. Не дошли. Взять бы разрешение сельсовета, утвердить в райкоме партии повестку дня и президиум собрания, пригласить для солидности товарищей из “органов” и тикай себе из постылого социализма. Нет, всё как с дуба!

“18 - 19 июня многие не вышли на работу... Уполномоченному РИКа было предложено уйти с собрания: “Надоело нам слушать разных представителей, не нужно нам их и их Советской власти, которая грабит крестьян”. Дальше событие пошло в уголовный разнос. “Председателю сельсовета было сказано еще ясней, - дармоед, сидишь на нашей шее, выбросить его из окна, нам чужих не надо!” Экспансивная Ксения Лучникова запустила в должностное лицо при исполнении шаньгой и, задрав спереди подол, выдала: “Сидите на нашей шее, разорили, просите шерсть на нате, иди надергай!”

“По получении сведений, - эта часть докладной менее интересна, - сделан выезд на место происшествия. Арестовано 18 человек. По делу ведётся разработка и следствие”.

Страх бывает временами, кушать хочется всегда. Скоро партия найдёт абсолютное средство в борьбе за сплошную коллективизацию - голод. Мужики со слезами будут проситься в колхоз, а исключение из артели станет равносильно смертному приговору. Но до голода надо было еще дожить.

Вернемся к постановлению “О революционной законности”, к самой туманной пятой его статье. “Задача строжайшего соблюдения революционной законности в отношении колхозов и всей массы колхозников, - трактуется в ней, - является задачей особенно важной в условиях, когда большинство трудящихся и крестьян объединились в колхозы”.¹⁰

Законность и колхоз - в документе они притерты друг к другу, как кирпичи в сооружениях культуры маяя, нож подозрений не просунешь ни в один паз. Можно умиляться, если не знать реальной колхозной

истории или быть идеологически контуженным. Самым дотошным лексическим анализом из документа не вышелушить сути, которая оказалась до банальности проста - надо защитить колхоз от колхозника. Виртуозная прелюдия к драме года звучала недолго. Через полтора месяца основная тема остудит чувства до ужаса.

А пока по стране объявили месячник революционной законности. На Урале директивой облпрокуратуры он начался 25 июля. Основной задачей кампании виделось создание комсовдов (комитетов содействия) прокуратуре. Под знамёна революции и законности, совместимые только в воспалённом мозгу, призвали номенклатуру и контрагентуру. Поскольку детская и юношеская душа особенно восприимчива к идее справедливости и правопорядка, поощрялось коллективное участие в работе комсовдов пионерско-комсомольских организаций.

Вербовочная кампания стала предметом гордости уральских правозащитников. Судя по отчёту, готовность работать на прокуратуру выразили более ста тысяч человек.¹¹ Среднестатистическая плотность - пятьсот стукачей на район - оказалась одной из самых высоких в Союзе и обещала многое. Однако благодарность, которую высказала Москва облпрокурору Пальгову, носила скорее всего характер текущего морального поощрения. В тридцать седьмом власть о ней забыла, да и сам Пальгов критически, видимо, оценил свои прежние заслуги, когда, опережая последний вызов на Лубянку, пустил себе пулю в лоб.

Через нищету и голодные обмороки тащилось село к новому урожаю. И вот, когда деревенщина уже молилась - слава Богу, нынче ещё не умрём, - на межу встала Советская власть и защитила хлеб от... мужика. 7 августа 1932 года вышло постановление ЦИК и СНК СССР “Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности”. Документ, известный мировой общественности как “закон о пяти колосках”. Заглянем в его рафинированную жуть.

“ЦИК и СНК СССР считают, что общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, и люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть расстреливаемы как враги народа...”

Приравнять по своему значению имущество колхозов и кооперативов (урожай на полях, общественные запасы, скот, кооперативные склады и магазины и т.д.) к имуществу государственному и всемерно усилить охрану этого имущества от расхищения...

Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты - расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества.

Не применять амнистии к преступникам, осужденным по делам о хищении колхозного и кооперативного имущества...

Калинин. Молотов. Енукидзе”.¹²

Комментировать этот шедевр советского права легко. Лютость довели до упора, теперь не нужно было балансировать на весах Фемиды объём имущества и срок заключения. Расстрелом карался сам факт покушательства. Обвиняемый просто вытряхивался из шкуры гражданина и становился врагом народа. Обратив гражданина в политического преступника, диктатура выносит его за пределы права. Пусть даже права лакейски послушного. Для тоталитаризма политическая нелояльность много опаснее любых уголовных преступлений.

В данном случае, если исходить из идеологических тезисов и нормативных документов об относительной самостоятельности колхозной собственности и демократии, самому отпетому судье, который знаком с теорией права, а не практикой ревтрибунала, не подвести бы колхозника под вышку. Шестидесять лет советская наука вилась ужом, чтобы связать реальное бесправие колхозника с его почётным декоративным

статусом. Коль недочёт в понятиях случится, их можно словом заменить. Уже где - то в развитом социализме нашли таковое - “сособственник”. А в тридцать втором всякого покусившегося откусить своё подводили к стенке. И не коверкали язык в неологизмах, “враг народа” да и только!

Звонящий акцент на охране социалистической собственности был, однако, фальшивым. Забота об общественном имуществе не являлась самоцелью государственной политики. Отчёты местных судов и даже Верховного суда СССР не зафиксировали тектонического взрыва хищений государственного имущества, который бы оправдал подрасстрельную реакцию властей. Количественно индивидуальное воровство медленно росло, но быстро деградировало в профессионализме и ассортименте; пёрли безыскусно и самые элементарные, покрывающие утробные потребности вещи.

Порочные поэмы голодных и пообносившихся советских граждан были не сравнимы с государственным грабежом и шкалой действующих судебных репрессий. За недоимки в одиноких рублях отбирали дома и скот или отправляли в лагерь.

Бульжник был адресован деревне. Суть “закона о пяти колосках” в трёх последних цитируемых абзацах. И опять дело сводилось не к заботе о неделимых фондах, что постоянно качались между обобществлёнными и частными хозяйствами. Партии надоело видеть колхоз сезонным, по кампаниям выселений, предприятием. Надо было сделать невозможной деревенскую жизнь вне колхоза. Отобранные у единоличников коровы, посевы, сельхозинвентарь стали “священными и неприкосновенными”, и клапан коллективизации начал работать только в одну сторону.

Разочаровавшемуся в колхозе теперь предстояло решать гамлетовский вопрос - быть или не быть. Советская историческая наука, стыдливо замалчивая закон “семь восьмых” (ещё одна распространенная редакция), восторженно констатировала бурный рост коллективизации с осени тридцать второго. За прищину выдавалась туалетного потребления цековская

директива, разрешающая хозяйствам использовать десять процентов убранных хлеба на авансирование колхозников.

Лепить с ходу вышку за ведро колосков было как-то неудобно. Кого мучила совесть, и мир судей не без добрых людей, кого настораживал куций, без всяких комментариев озлобленный документ. Ведь главное в судопроизводстве - нормативно закрепленная мера. А тут правовое пространство кривилось и плыло как в мозгу основателя теории относительности. Каркас формальной логики, вызубренной с первых студенческих курсов и, казалось бы, вечной, разом рухнул в доаристотелевскую бездну. В самом деле, если за ведро собранных колосков стрелять, то за четыре ведра - четвертовать? А за ведро собранной мороженой картошки, которое проходит составом преступления по следующему делу?

Дабы уберечь стеснительных служителей Фемиды от опасных мук совести и революционной необразованности, их вызвали в партийные органы на семинары. Слушателям было рекомендовано немедленно выбросить из головы буржуазную, а заодно и античную, юридическую дребедень. В ответ на непонятные и подорительные возражения мысль фельд-фебельски скорректировали. Как с тем крокодилом, что летает низенько-низенько.

Кое-что из старого хлама использовать можно, но в полезном деле социализма направлении. И с суровой миной присовокупили, что логика, было бы всем известно, наука сугубо классовая. Тут не всякому авторитету надо кланяться. Вот если бы автором логики был нарком Ворошилов.

Главная задача ликбеза состояла в том, чтобы выбить из юристов страх за вынесение дешёвых смертных приговоров. Дожимали публику терпеливо и методично. Рекомендовалось, в первую голову, придавать процессам о хищении колхозного имущества ярко выраженный политический характер. Прокуратура тотчас же оформила ценное указание в неукоснительно соблюдаемую форму. К судьям, пытающимся вывести дела о хищении из-под закона от 7-8-

1932, напоминала специальная директива, будут приниматься самые серьезные меры взыскания. Снимать с работы и отдавать под суд - конкретизировала угрозу бумага, чтобы на местах не ссылались на постановление "О революционной законности".¹³

"Не трусить!" - давили на психику кадровые большевики, давно перемахнувшие стенку, отделявшую человека от фальшиво-благонамеренной скотины, и зачитывали вслух передовицу "Правды", призывающую расправиться с ворами. "В капитализме, - вещало это средоточие периодической лжи, - безработные, из которых капиталистические хозяева выкачали все силы, прибегают к воровству, чтобы не умереть с голоду. У нас в Союзе другое положение..."¹⁴

Судьи за границей не бывали, но "положение у нас в Союзе" хорошо знали по делам заготовительным и оброчным. Знали обо всем, но молчали, выступать было некуда. У большинства за плечами висел такой багаж липовых дел по тем же заготовкам, по которому давно тосковала тюрьма, если не большее. Предчувствие, что власть когда-нибудь скинет на них всю вину, жгло душу уже в тридцать втором. Но ведь хотелось жить, и юристы старательно заносили в конспекты: "Смелее работать с фундаментальным понятием советского правосудия - враг народа".

Беснуется соотечественник до тех пор, пока пользуется своими житейскими принципами, когда принципов нет, осознанное упрямство уступает место стихии куража. Загони мужицкое мировоззрение в колею и можешь смело заводить под хомут.

В порядке первой практической задачи прокуратуре надлежало подобрать необходимые кандидатуры для премьерных показательных процессов. Со смертным, естественно, приговором. Особо оговаривалось, что дожидаться опубликования указа в местной печати и знакомства с ним населения не обязательно. Такие документы тем и хороши, что сбивают с ног неожиданно. Предельный срок оформления показательных-подрасстрельных дел был установлен обкомом партии и прокуратурой в две недели.

К 20 августа районы Уральской области сообщали об успешном начале кампании и дали краткие характеристики первых кандидатов на расправу.

После стерилизации корпуса правозащитников взялись за служителей прессы. С ними трясоти аргументами не стоило, услужливость входила в их служебные обязанности. Акцентированно и кратко было приказано начать предварительную идеологическую обработку населения с последующим переходом на форсаж. Через два-три дня местная печать Союза заиндевела угрозами.

Материалы о хлебозаготовках и происках международного империализма, ранее украшавшие первые полосы газет, полетели в корзину. От редакционных статей до мелкой бытовой хроники - будто свирепствовала эпидемия воровства - громился хронический порок досоциалистической эпохи. Первую неделю в основном абстрактно.

Путь от общего к конкретному с братской помощью ОГПУ и прокуратуры съел ещё неделю. Печать перешла в режим политического шабаша. Броско, вплоть до интимных деталей, подавался компромат. Выворачивалось наизнанку прошлое, каждому мелкому проступку объекта наэлектризованной злости придавался смысл стратегической антисоветчины. От творческого воображения следователей, гепоушников, служителей идеологического культа и других должностных карателей, сопровождающих мужика от обвинения до могилы, требовалась работа на предельных оборотах лжи и подлости...

Николай Шарманов сбежал в город прошлым летом. Жить в деревне стало невозможно. Продал кое-что из построек, а последнюю скотину и кур свёл на двор отца. Переехав в город Карабаш, устроился там рабочим на медеплавильный завод. Предприятие то было важное и дезертира назад не осмелились востребовать. Из деревни тикали многие, за всеми не уследишь. На заводе приняли охотно, по коллективным договорам предприятий с Колхозсоюзом следовало за каждую крепостную душу платить пятерку, а тут человек достался бесплатно. Да и кого, кроме подне-

вольной деревенщины, загонишь в медеплавильный цех?

На Урале много беззащитных стареньких городков, загаженных до лунного ландшафта местными заводами времен индустриализации или ядерной гонки. Кыштым, Касли, Надеждинск, Уфалей, Синара. В этом числе и Карабаш, позеленевший от ядовитых газов и специфической копоти.

А Николай был рад и даже советовал старшему брату Герасиму бросить единоличное хозяйство и перебраться в город. Милая деревенская наивность! И ваш покорный слуга когда-то променял свою землянку (жилище из пластов дерна) на цивилизацию, чтобы, завербовавшись в "Сороковку", всеизвестное теперь объединение "Маяк", тосковать по сельской глуши. Да вечерними сменами, выбравшись за колючку "объекта", собирать мутированные и крупные, как в палеозое, купавки вокруг донельзя радиоактивного первого промышленного реактора, любовно названного создателями "Аннушкой".

Жалел Николай только отца, которому шёл седьмой десяток, и те три десятины, что остались беспризорными. Родственники в письмах избегали деревенских подробностей, ясно было одно, что его полосы остались неубранными, и деревенская нищета до самой зимы паслась на них. Отец с братом убирать не решились, Николай был обложен индивидуально, значит всё намолоченное отберут в заготовки. Ну и побаивались: земельные наделы колхозных дезертиров часто переписывались на артель. А колхозу хватило убирать и своего, планового. Не про хлеб разговор, про работу.

В августе тридцать второго Николай приехал домой. В материалах пухлого "Дела по обвинению по закону от 7 августа 1932 года Шарманова Герасима, Шарманова Михаила (отец), Шарманова Николая в хищении колхозного хлеба"¹⁵ не сказано - совсем или на побывку. Скорее всего в отпуск, потому как привёз в кармане даже кандидатскую партийную карточку. Парень он был работящий и не по-деревенски грамотный. Кулак он и есть кулак. Нехорошую ус-

мешку президиума выдавил руководитель одного из передовых ссыльных леспромхозов, брякнувший на областном совещании: "Конечно они кулаки, но работают как лошади, сразу видно, что привыкли жить хорошо".

Сначала всей семьей убрали рожь с наделов Герасима и отца, после чего решили взглянуть на брошенные Николаем полосы. На поле, забитом сорняком, густо пробивалась падалица. Попытались там да сям покосить. Хоть выбирали места, где самосев был погуще, овчина выделки не стоила. Решили вернуться сюда после того, как управятся с основной работой. Вернуться уже не пришлось. Выезжая с поля, напоролась на кордон, выставленный сельсоветом; за ними, оказалось, давно следили.

Читателю многое будет непонятным, если не остановиться на вседеревенском детективном сюжете, предшествующем массовым судебным процессам. Оболгать человека до неузнаваемости, чтобы однокоренец предстал перед общественностью вполне законченным мерзавцем, для которого расстрельный приговор выглядел бы справедливым, а для народа спасительным, - дело хлопотное, но выполнимое. Для того есть советская печать и народные суды, предварительно озадаченные. Сложнее другое - создать в деревне психологический климат, приличный обстоятельствам. Стукачество, которым хвалилась прокуратура, всё же дело любительское. Начатое надо было довести до пронизывающей идеи.

Давно и всем было понятно, что задубевшую от кнута шкуру взрослого деревенского мужика химерой скорого коллективного счастья не проймёшь. Деревня власть ненавидела и, спаянная круговой порукой, огрызалась день ото дня агрессивнее. Контуры нового мышления только-только пробивались - предстояло заменить круговую поруку нищеты системой взаимодонорства.

Тут реальную помощь могли оказать суды, пока недостаточно использующие статью 58 УК, а именно ту дробь двенадцатую, которая способна эффективно карать за недоносительство. Пусть каждый сосед-

ский взгляд обогатится не только личной завистью, но и революционной бдительностью. Следовало вырвать из лап буржуазного индивидуализма самый податливый для идеологическойковки материал - молодежь. Изорвать в клочья и деревню, и ее основу - деревенскую семью.

Свято чтимое родство никак не влезало в принципы социалистического общежития. Вдогонку репрессированному свату-кулаку оставшиеся пока дома родственники лили контрреволюционные слезы, а не торжествовали. Озlobляла до крайности демонстративно-коллективная колхозная лень. "Люди перевернули здесь счет воскресений, - возмущался наркомствующий над деревней инородец, - если раньше было - "шесть дней работай, а седьмой отдыхай", то они седьмой работают, а шесть отдыхают".

Практика торопливо забегала вперед, и рихтовать её под идею приходилось творчески походя. Мероприятия по охране соцхлебов открыли введением конных объездчиков. Днём и ночью по полям шастали, лепясь под песенных будёновцев, олошаженные активисты. Сытую и важную работу доверили, само собой разумеется, самым преданным. Гарцевать с выпендрёжем на лице и револьвером на жопе много приятнее, чем, скажем, косить и молотить. О державной ответственности и говорить много не надо. За молотящим следи в оба - как бы он, стервец, не кинул горсть священной и неприкосновенной в собственную утробу или за голенище сапог. Дозорный же мог любого подозрительного поставить на край могилы.

Ночами на перекрестках дорог, у крупных хлебных массивов и на околицах ховались, оперативно меняя дислокацию, проверяющие каждого конного и пешего дозоры. Острый дефицит стерегущих сельсоветы удумали покрыть обязательным по графику привлечением отработавших день колхозников. Можно, разрешила власть вышестоящая, но при условии включения в каждый наряд активистов, состоящих на особом доверии райуправлений ГПУ. В оплате дежурств трудоднями, а ещё наглее - хлебной натурой, было решительно отказано. Бумажно подали чис-

то теоретический аргумент - ведь охраняют-то своё, фатально неизбежное - всё равно ведь нажмутся! - говорилось устно и накоротке.

Решать сию коллизию пришлось партийным органам. "Привлечь к охране кроме специально выдвинутого состава, - цитирую типичный райкомовский документ тех времен, - передовых колхозников, разъяснив товарищам, выдвинутым для охраны хлебов, что в случае хищения зерна с их участков они несут перед пролетарским государством строжайшую ответственность."¹⁶ Про расстрелы за недогляд не скажу, развернуть превосходную степень ответственности в эквивалентные сроки заключения доверили пока местной прокуратуре.

Отсель и впредь каждую уборочную кампанию пугающие директивы веером рассыпались по стране. Добро бы пугали только органы карательные. Нет, расстрелом грозил каждый конный и пеший. "Предупреждаем все колхозы и колхозников, - пример бумаги, тиражируемой политотделами МТС, - что на полях Лебяжьевского района уже появились кулацкие парикмахеры, стригуны хлеба на корню и расхитители колхозной собственности. В ряде колхозов вырыты сотни гнёзд картофеля, пойманы на стрижке колосьев дети, посланные родителями... Запретить под угрозой штрафа и уголовной ответственности появление в посевах колхозов"¹⁷ "Караул! - кричали хором партийно-советские и карательные органы, - колхозники воруют колхозный хлеб!"

К каждому голодному колхознику не поставишь за спину по партработнику или гепеушнику. На оперативной работе в деревне самым незаменимым всегда остаётся милиционер. Конечно, идеологически он куда слабее, выпить и закусить не дурак, но на безрыбьи и мент защитник. Я говорю про защиту собственности. И не в том плане, чтобы грудью встал перед сворой хищнецов. Сейчас поймёте.

Циркуляром областного управления рабоче-крестьянской милиции от 21 сентября 1932 года блюстителям порядка предписано иное. "Немедленно и тщательно проинструктировать и дать конкретные

задания всей имеющейся осведомительной сети по выявлению фактов расхищения... С этой же целью немедленно приступить к форсированному насаждению специализированной сети (спец-осведомителей): в торговых учреждениях, финансовых...

Теперь же форсировать развёртывание широкой осведомительной сети в деревнях, на хуторах, производственных участках, на складах, скотных дворах, на базарах, рынках, постоянных дворах, ресторанах"¹⁸

Сексоты засели во всех щелях городской и деревенской жизни. Поскольку их деятельность строилась на общественных началах, особой эффективностью она не отличалась. Стучать на соседей сподручнее из личной неприязни или зависти. Ну там ещё по душевному порыву. Как свидетельствуют отчёты милиции, деревенские осведомители никогда не давали информации больше, чем стукачи-добровольцы. Да и про качество криминала следует вспомнить.

"Будучи членами сельсовета вместе со мной, братья Кобелевы проводили линию кулаков, а именно пугали бедноту перевёртыванием Советской власти... Всё это я знаю как ихний сосед. В 1930 году в момент выселения кулаков взяли замуж дочерей кулаков, стараясь освободить таковых, после чего скрылись из колхоза. В 1931-ом во время описей у братьев Кобелевых обнаружено пять кулацких вещей..."¹⁹

"Секретарь Шеломенцевской партиячейки Шумаков 3 марта ездил в посёлок Шумаки на свадьбу к родственникам, где прогулял три дня. Со свадьбы приехал с подбитыми глазами"²⁰ Две простенькие вещи предлагаю в порядке самопроверки. Догадайтесь, где написано от души, а где рукой повелевал общественный долг.

Деревенская простодырость и частые пьянки на ограниченном пространстве не располагают к секретной государственной деятельности. Разве это оперативная работа, ругал начальник областной милиции мишкинского, всего два осведомителя на колхоз, оба ходят под одной крышей - "Серп" и занимаются только тем, что с похмелья катают доносы друг на друга.

Много лучше работали завербованные в лагерях профессионалы. В деревню такого не внедришь. Зато тут милицейские отчёты блещут четырьмя тысячами бриллиантов. Именно столько кадровых осведомителей числилось на балансе областной милиции. С помощью осведомителя Радвинского (оперативная кличка - Чёрт) осуществлено несколько ценных разработок, главное - дело о расхищении ценностей в Швейторге. Матушкина Варвара, работавшая в Перми под кличкой Юфта, выдала несколько воров. Контролёр оперного театра Жуковская, завербованная в лагере, раскрыла хищение по месту работы. Агент Кусов, вор-рецидивист, судился за бандитизм, убийство, скотоворовство, оказался особо ценным в силу тесных связей с преступным миром.²¹

Истины ради должен повторить, что стукачество - не ремесло, а скорее благоприобретённая черта характера. И в городе основная масса криминальной информации, в первую очередь по контре, поступала от благожелателей.

Означенные события внесли в деревенскую жизнь, голодную, но политически содержательную, дерзкие криминальные штрихи. Директивами райисполкомов было запрещено появление жителей на колхозных полях от поры молочно-восковой спелости зерна и аж до самой зимы. Плакали грибочки-ягодки. Всякого шатающегося по лесам и пустошкам естественно заподозрить в злонамеренности. Поэтому объездчики гоняли таковых нещадно, а поймав, с пристрастием обыскивали. Застигнутый на полосе, даже колхозник вне хозяйственного задания, подвергался немедленному аресту и обыску. Да нет, выворачивали не только карманы. Обыскивали дом подозреваемого и его ближайших родственников. Для расстрела хватало и того, что находили в карманах или сумке. Но закон есть закон.

“В период уборочной кампании, - идёт обычный отчёт РИКа, - совместно с комсомолом было организовано 68 вышек для охраны урожая и вовлечено в дозоры 317 пионеров и школьников”.²² Про вышки и сидящих на них излагать не буду, тут многое и дельно

сказано. Выразительный элемент типичного советского ландшафта. Деревенский патриотизм всё-таки поджуживает подчеркнуть одно обстоятельство. 68 вышек на микроскопический Лебяжьевский район, в отчёте о нём речь, это вам ничуть не жиже, чем на легендарной Колыме! Согласен - вышки ниже, но зато сплошь от Бреста до пролива Лаперуза.

А теперь о пионерах и школьниках. Чтобы читатель, не знакомый по молодости с советскими лексическими трафаретами, не спотыкался, поясню. Пионер есть тот же, но социально более полезный школьник. Дитё революции. Для зоообразованных я бы сказал так: есть простонародный бык, да - порозом называется, и есть бык Шетгорн. У последнего все идет в мясо, а у народного - в рога и дурь.

Школа не могла стоять на обочине важного государственного дела. От Наркопроса до последнего деревенского учителя сквозняком прошли директивы о привлечении детей к охране социалистической собственности. “Понято!” - нехотя ответили с мест и обломали летние каникулы. Вольничать не стоило, на дворе пахло жареным. Разочарование с детских физиономий тоже слетело мигом, когда мобилизованных разбили на отряды и взрослые дяди в портупелях поставили задачу. Игра с самого начала обещала быть страшно интересной.

За каждым отрядом закрепили отдельную колхозную полосу или иной объект наблюдения. Вскоре зелёная контрагентура партии, дрожа от доверия, засела в тихих дозорах, подстерегая неосторожных в голоде соседей и родственников. И невдомёк было одинокой старухе, насобиравшей тайком полведра колосков и в тот же день арестованной, что заложил ее зоркорглазый соседский пострел, которого она в недавние сытые годы потчевала куличами и крашеными пасхальными яичками.

Сидеть долгими часами в дозорах томительно, большой интерес вызвала внутридеревенская игра, вожатые называли ее оперативной работой. Кто и что привёз домой с поля, о чём говорили между собой чужие и домашние, почему скрипели ночью соседские